

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. А. ЛАДОВ

ПАРАДОКСЫ
В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Логические основания эпистемологической
критики релятивизма

Издательство Томского университета
2020

УДК 1(091) : 378.4(571.16)

ББК 81.3-8

П15

Рецензенты:

доктор философских наук *М.Н. Вольф*

доктор философских наук *А.В. Нехаев*

Научный редактор:

доктор философских наук *В.А. Суровцев*

В.А. Ладов

Парадоксы в теории познания. Логические основания
П15 эпистемологической критики релятивизма. – Томск: Изд-во Том.
ун-та, 2020. – 128 с.

ISBN 978-5-7511-2605-6

Монография посвящена дискуссии реализма/антиреализма (релятивизма) в современной эпистемологии. Рассматриваются различные аспекты данной дискуссии. Основное внимание сосредоточено на выявлении логических оснований построения релятивистских эпистемологических концепций, а также их критики со стороны эпистемологического реализма. В контексте прояснения логических оснований эпистемологии обсуждается проблема логических парадоксов и способы ее решения в современной логической литературе. Проводится логико-эпистемологический анализ некоторых современных философских концепций. Автор монографии разрабатывает оригинальную онтоэпистемологическую концепцию формального реализма.

Для философов, логиков, лингвистов.

УДК 1(091) : 378.4(571.16)

ББК 81.3-8

*Исследование выполнено за счет средств гранта РНФ
(проект № 18-18-00057)*

ISBN 978-5-7511-2605-6

© В.А. Ладов, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Проблема логических парадоксов	7
§ 1. Природа «Лжеца»	7
§ 2. Современные формулировки «Лжеца»	23
§ 3. Аналитическое определение числа, парадокс Рассела и теория типов	32
§ 4. «Principia Mathematica» о природе логических парадоксов	43
Глава II. Логические основания эпистемологической дискуссии реализма/антиреализма (релятивизма)	50
§ 1. Парадокс Ябло в контексте дискуссии реализма/антиреализма	50
§ 2. Логика и эпистемология: логические основания эпистемологической критики релятивизма	59
Глава III. Логико-эпистемологический анализ современных философских концепций	77
§ 1. Логико-эпистемологические основания феноменологии	77
§ 2. Критический анализ философии искусственного интеллекта Х. Дрейфуса	96
§ 3. Критический анализ философии информации Л. Флориди	100
Глава IV. Формальный реализм: pro et contra	114
§ 1. Аргументы критиков и ответы на них	114
Литература	124

Введение

В «Principia Mathematica» – одной из классических работ по логике и философии математики в XX веке, посвященной, казалось бы, обсуждению сугубо логических проблем, – эксплицитно выражено следующее:

«...любой заслуживающий внимания скептицизм закрыт для приведенной выше формы опровержения (имеется в виду приведение скептицизма к противоречию через аргумент *reductio ad absurdum* в опоре на явление самореферентности. – В.Л.)»¹.

Тем самым А. Уайтхед и Б. Рассел – авторы «Principia Mathematica» – открыто указали на то, что чисто логические разработки, представленные в данной книге, могут иметь отношение к эпистемологии, а именно к обсуждению проблем эпистемологического скептицизма и релятивизма.

Однако для авторов «Principia Mathematica» эта мысль о связи современной логики и эпистемологии так и осталась своеобразной «заметкой на полях» ввиду их сосредоточенности на чисто логических проблемах. В свою очередь, до современных эпистемологов данный посыл «Principia Mathematica» практически не дошел, в том числе ввиду сложности и «герметичности» чисто логических проблем и формального языка, при помощи которого они рассматривались.

По изложенной выше причине критическое исследование эпистемологического релятивизма на протяжении всего XX века проходило в русле той классической аргументации, которая была представлена еще Платоном в диалоге «Теэтет»² в заочном споре платоновского Сократа и Протагора.

Суть платоновской аргументации состояла в применении аргумента *reductio ad absurdum*, т.е. в демонстрации непоследовательности, самоотрицания или самопротиворечивости позиции релятивизма. Если Протагор утверждает, что любое суждение истинно только

¹ Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Т. I. – Самара: Самарский университет, 2005.

² Платон. Теэтет // Платон. Соч.: в 4 т. – Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – С. 229–327.

относительно того или иного конкретного человека, ибо «каждый из нас есть мера своей мудрости»¹, то как быть с самим этим релятивистским тезисом? Если Протагор «считает себя вправе учить других за большую плату»² этому основополагающему утверждению, то само позиционирование данного утверждения вступает в противоречие с его содержанием. Протагор с абсолютной достоверностью, не допускающей какой-либо релятивизации, утверждает тезис об относительном характере любой истины.

Именно этот классический аргумент *reductio ad absurdum* на основе явления самореферентности и продолжали воспроизводить философы на протяжении многих веков, включая и эпистемологов XX века, в критических исследованиях, посвященных проблемам скептицизма и релятивизма. Например, Х. Сигэл³, критикующий таких современных релятивистов, как Х. Браун⁴, Д. Миланд⁵ и Х. Филд⁶, продолжает использовать классический платоновский аргумент в опровержение релятивизма, основанный на явлении самореферентности. Это же делает в самые последние годы и известный отечественный эпистемолог В.Л. Лекторский, фиксируя парадоксальность релятивистской позиции в эпистемологии⁷.

Однако логическая теория типов Б. Рассела, получившая наиболее развернутое изложение как раз в «Principia Mathematica», вводила полный запрет на самореферентность (self-reference) при построении как множеств в математике, так и высказываний в логике. Данная теория квалифицировала самореферентность как изъян классической теории множеств и естественных языков, который должен быть ликвидирован для того, чтобы исключить возможность возникновения теоретико-множественных и семантических парадоксов.

Именно этот вывод авторы «Principia Mathematica» и предложили экстраполировать на область эпистемологии. Если развивать их мысль, представленную в указанной работе лишь тезисно, то можно

¹ Платон. Тезет // Платон. Соч.: в 4 т. – Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. Фрагмент 161 е.

² Там же. Фрагмент 161 е.

³ Siegel H. Relativism, Truth and Incoherence // Issues in Epistemology. – 1986. – 68. – No. 2. – P. 225–259.

⁴ Brown H. For a Modest Historicism // The Monist. – 1977. – 60. – P. 540–555.

⁵ Meiland J. Is Protagorean Relativism Self-Refuting // Grazer Philosophische Studien. – 1979. – 9. – P. 51 – 59.

⁶ Field H. Realism and Relativism // The Journal of Philosophy. – 1982. – 79. – P. 553–567.

⁷ Лекторский В.А. Релятивизм и плюрализм в современной культуре // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Канон+, 2015. – С. 5–31.

сказать, что, с точки зрения теории типов, сам тезис Протагора представляет собой высказывание более высокого логического типа, нежели те высказывания, на которые он распространяется. Поэтому содержание данного тезиса нельзя распространять на сам этот тезис. Теория типов квалифицирует такое «замыкание в круг» как некорректную логическую процедуру. В таком случае логически некорректно ведет себя уже не Протагор, а сам платоновский Сократ, пытавшийся опровергнуть Протагора.

Таким образом, становится понятно, что если мы хотим продолжать занимать критическую позицию по отношению к релятивизму в эпистемологии, то мы уже не можем просто транслировать классический платоновский аргумент, это выглядело бы наивным в современной философии с точки зрения логики. Мы, как эпистемологи, должны каким-то образом соотнести нашу работу с результатами логических исследований XX века. Мы должны критически отнестись не только к релятивизму в эпистемологии, но и к теории типов в логике и философии математики, которая оправдывала релятивизм с логической точки зрения.

В своей позиции мы не одиноки. Некоторые современные философы, работающие на стыке логики и эпистемологии, понимают существо представленной выше проблемы, хотя их число и невелико. Так, например, К. Уормелл утверждает, что у нас имеется серьезный стимул пересмотреть полный запрет на самореферентность, провозглашенный теорией типов, поскольку он не позволяет высказать претензии радикальному скептицизму на основании сведения этой позиции к абсурду:

«Существует очень хорошее основание для того, чтобы не запрещать самореферентность полностью; а именно использование в философии аргументов *reductio ad absurdum*, опирающихся на самореферентность. Конечно, вполне оправданно отрицать радикально критическую философию, обращая ее на самое себя, – позиция, которая не могла бы быть сформулирована, если бы вся самореферентность автоматически признавалась бы неприемлемой»¹.

По вышеуказанной причине настоящая монография предлагает междисциплинарное рассмотрение проблем логики и эпистемологии в их взаимной корреляции, что должно способствовать выходу эпистемологической аргументации на качественно иной уровень, участвующий логическую проблематику.

¹ Wormell C.P. On the Paradoxes of Self-Reference // Mind. – 1958. – Vol. 67, No. 266. – P. 267–271.

Глава I

ПРОБЛЕМА ЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДОКСОВ

§ 1. ПРИРОДА «ЛЖЕЦА»

Э. Брендель, опубликовавшая объемную монографию *«Правда о Лжеце»*¹, пишет:

«Очевидно, один из самых важных философских уроков, которые преподавал нам *парадокс Лжеца*, состоит в том, что *универсальная языковая система не может быть построена*»².

Должны ли мы извлечь именно такой урок из «Лжеца»? Скорее, это тот урок, который из «Лжеца» извлек А. Тарский³, чья интерпретация оснований парадокса, а также способ его преодоления стали классическими для логики и философии языка XX века. Тем не менее есть повод усомниться в правомерности такой интерпретации, что и будет продемонстрировано ниже.

Формулировка парадокса

В логико-философской литературе «Лжец» выражен в разных формулировках, которые сводятся к двум основным формам представления парадокса: редуцированной и нередуцированной (мы намеренно вводим данные термины, а не используем более привычное деление на простого и строгого «Лжеца», ибо такое деление проводится по иному основанию, что будет показано ниже). Нередуцированную форму «Лжеца», которая является классической, можно найти, например, на страницах *«С точки зрения логики»* У. Куайна:

¹ *Brendel E.* Die Wahrheit über den Lügner. Eine philosophisch-logische Analyse der Antinomie des Lügners. – Berlin/New York: de Gruyter, 1992.

² *Brendel E.* Partial Worlds and Paradox // Erkenntnis. – 1993. – 39. – P. 191.

³ *Tarski A.* Der Wahrheitsbegriff in Den Formaliserten Sprachen // Studia Philosophica I. – 1935. – P. 261–405.

«Критянин Эпименид говорит, что все критяне лгут; следовательно, его высказывание должно, в случае его истинности, быть ложным»¹.

Суть редуцированной формы состоит в том, что здесь приводится в пример высказывание, которое говорит сразу о нескольких высказываниях. Оно говорит не только о себе самом, но и о таких высказываниях жителей острова Крит, как, например: «Трава голубая» и «Небо зеленое».

Пример редуцированной формы «Лжеца» мы находим у А. Тарского в работе «*Понятие истины в формализованных языках*», который сам ссылается на Я. Лукасевича:

«Мы дадим очень простую формулировку этой антиномии благодаря Я. Лукасевичу.

Для большей ясности мы будем использовать символ 'с' как печатную аббревиатуру выражения '*предложение, напечатанное на этой странице, в строке 5 сверху*'. Рассмотрим теперь следующее предложение:

с не является истинным предложением

(данное предложение в исходном тексте напечатано на прочитываемой странице именно на 5 строке сверху. – В.Л.).

Принимая во внимание значение символа 'с', мы можем эмпирически установить:

(α) '*с не является истинным предложением*' тождественно с.

Для взятого в кавычки имени предложения с мы вводим разъяснение типа 2) (речь идет о представленном выше в статье А. Тарского разъяснении употребления предиката истины посредством формулировки предложений эквивалентности. – В.Л.):

(β) '*с не является истинным предложением*' является истинным предложением тогда и только тогда, когда с не является истинным предложением.

Посылки (α) и (β), взятые вместе, тут же дают противоречие:

*с является истинным предложением тогда и только тогда, когда с не является истинным предложением*².

Данная форма является редуцированной ввиду того, что здесь приводится в пример такое предложение (при формулировке парадокса У. Куайн использует термин «высказывание», а А. Тарский

¹ Куайн У. Заметки по теории референции // Куайн У. С точки зрения логики. – М.: Канон+, 2010. – С. 191–192.

² Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. – Oxford: Oxford University Press, 1956. – P. 152–278.

использует термин «предложение», но в контексте настоящего рассмотрения эти различия несущественны), порождающее парадокс, которое говорит только об одном предложении, а именно о себе самом. Предложение «с не является истинным предложением», будучи единственным напечатанным предложением на строке 5 соответствующей страницы статьи Тарского, говорит только о себе, ибо «с» обозначает предложение, напечатанное на строке 5 соответствующей страницы.

Различие между редуцированной и нередуцированной формами «Лжеца» окажется существенным при представлении критической аргументации в адрес концепции А. Тарского.

Необходимое условие парадокса

«Лжец» появляется в самореферентной среде. Эффект самореферентности возникает тогда, когда место логического субъекта (S) в высказывании, содержащем некоторую предикацию (S есть P), заполняет само это высказывание ((S есть P) есть P). Любое высказывание является потенциально самореферентным. Однако для подавляющего большинства из них эффект самореферентности приводит лишь к некоторой семантической нелепости и вообще оказывается малоинтересным для рассмотрения. Это происходит в тех случаях, когда в предикации приписывается свойство какому-либо лингвистическому объекту, который заполняет место логического субъекта (S) в высказывании (S есть P). Причем это свойство к лингвистическим объектам может иметь, а может и не иметь отношение, но к лингвистическим объектам в принципе не применимо. Например, в высказывании «Трава зеленая» лингвистическому объекту приписывается свойство, которое не может быть применимо к такому лингвистическому объекту, как высказывание. В таком случае при подстановке на место логического субъекта данного высказывания самого этого высказывания мы приходим к бессмыслице, что высказывание является зеленым.

Осмысленными могут быть (но могут и не быть) только такие самореферентные высказывания, в которых в качестве предикатов представлены свойства, имеющие отношение к лингвистическим объектам, а именно к самим высказываниям. Например, высказывание «Любое атрибутивное высказывание содержит субъект и предикат» в качестве предиката содержит свойство, имеющее отношение к такому лингвистическому объекту, как высказывание. И в таком

случае оно представляет собой осмысленное самореферентное высказывание, в котором предикат 'содержать субъект и предикат' приписывается всем атрибутивным высказываниям, в том числе и самому этому высказыванию.

Не важно, относится ли свойство, представленное в предикате, исключительно к лингвистическим объектам или же оно может быть приписано и нелингвистическим объектам. Важно, чтобы это свойство в принципе можно было приписать лингвистическому объекту. Например, высказывание «Сущее есть» содержит в качестве предиката свойство, которое относится как к лингвистическим, так и к нелингвистическим объектам, ведь вполне осмысленно сказать «Трава есть» и «Высказывание есть». Поэтому высказывание «Сущее есть» является осмысленным самореферентным высказыванием, поскольку приписывает свойство существования всем объектам, в том числе и себе самому.

Ни один из приведенных выше примеров самореферентных высказываний не демонстрирует появление каких-либо парадоксальных ситуаций. Это означает, что подстановка высказывания на место собственного логического субъекта при условии, что предикат представляет собой свойство, применимое к высказыванию, чаще всего вполне безобидна для логики. Эта подстановка приводит к осмысленным, но непарадоксальным самореферентным высказываниям.

Однако имеется особый предикат, который, с одной стороны, также представляет собой свойство, применимое к высказываниям, как и многие другие предикаты, но, с другой стороны, не похож ни на один из них. Это – алетический предикат, или предикат истины (в контексте данной монографии такие термины, как «алетический предикат» и «алетическое высказывание», используются исключительно для того, чтобы указать на высказывания, содержащие предикат истины, а не на высказывания, анализируемые в модальной логике). Предикаты 'содержать субъект и предикат' и 'быть истинным' подобны друг другу в том, что оба они представляют свойства, применимые к высказываниям. Однако если первый из них, в том случае, когда он появляется в самореферентных высказываниях, не вызывает каких-либо преград для мышления, то второй может привести (но может и не привести) к образованию парадокса.

Парадокс возникает в том случае, когда какому-либо высказыванию с равной степенью убедительности могут быть приписаны две противоречащие друг другу истинностные оценки. Высказывание критянина Эпименида «Все критяне лгут», представляющее собой нередуцированную форму парадокса «Лжец», как раз их таких. В случае, если оно истинно, то, исходя из того, что в нем утверждается, мы должны признать, что оно ложно. Высказыванию Эпименида «Все критяне лгут» приписываются сразу две истинностные оценки: 1) истинно; 2) ложно.

Таким образом, необходимым условием «Лжеца» является формулировка *самореферентного алетического высказывания*.

Достаточное условие парадокса

«Мы принимаем решение не пользоваться языком, который семантически замкнут...»¹ – заявляет А. Тарский, предполагая, что именно этот методический ход позволит освободиться от парадокса «Лжец».

В опоре на работу П. Хорвича «Истина – Значение – Реальность»² приведем более лаконичную формулировку «Лжеца» в духе А. Тарского, чтобы четче разобраться в том, что именно порождает, по мысли польского логика, парадокс, и каким именно образом запрет на семантически замкнутый язык позволяет его устранить.

- 1) $\langle D \text{ не является истинным} \rangle = D$.
- 2) $\langle D \text{ не является истинным} \rangle \text{ является истинным} \leftrightarrow D \text{ не является истинным}$.
- 3) $D \text{ является истинным} \leftrightarrow D \text{ не является истинным}$.

Основанием парадокса, по мысли А. Тарского, является (1). Но очевидно, что (1) как раз и представляет собой процедуру подстановки высказывания на место своего собственного логического субъекта, т.е. эффект самореферентности. Запрет на семантически замкнутый язык, который не допускает возникновение парадоксальной ситуации в языке, есть запрет на подстановку высказывания, содержащего определенную предикацию (S есть P), на место своего собственного логического субъекта (S). Запрет

¹ Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: ДИК, 1998. – С. 100.

² Horwich P. Truth – Meaning – Reality. – Oxford: Clarendon Press, 2010. – P. 88.

на семантически замкнутый язык есть заперт на самореферентные высказывания.

То, в какой мере решение вообще не пользоваться семантически замкнутым языком является явно избыточным по отношению к масштабу обсуждаемой проблемы, показывают уже те примеры, которые были представлены выше. Можно сформулировать множество высказываний, которые являются самореферентными, осмысленными и вместе с тем непарадоксальными. Это будут все высказывания, содержащие *неалетический* предикат, применимый к такому лингвистическому объекту, как высказывание.

Но даже по отношению к алетическим высказываниям приговор А. Тарского выглядит слишком суровым. Показать это можно на примере такого мысленного эксперимента как «Эпименид-правдолюбец». Представим, что критянин Эпименид высказал благосклонную оценку познавательным способностям своих сородичей, он произнес: «Все критяне говорят правду». В таком случае, несмотря на явление самореферентности, никакого парадокса не возникает. Эпименид говорит об истинности высказывания критянина К1 «Трава зеленая», об истинности высказывания критянина К2 «Небо голубое» и т.д., и об истинности своего собственного высказывания о том, что все критяне говорят правду. Продуцирование его собственного высказывания о высказываниях жителей острова Крит только подтверждает истинность той предикации, которая в его высказывании содержится. Все критяне говорят правду, и критянин Эпименид, указывающий на это, сам тоже говорит правду. Высказывание Эпименида-правдолюбца есть самореферентное алетическое непарадоксальное высказывание. Это говорит о том, что достаточным основанием парадокса «Лжец», т.е. тем основанием, которое в полной мере обеспечивает возникновение парадоксальной ситуации в мышлении, не является ни самореферентность высказывания, ни его алетический характер как таковые, ибо можно привести пример самореферентного алетического и вместе с тем непарадоксального высказывания. При допущении, что высказывание Эпименида-правдолюбца истинно, мы приходим к выводу, что оно истинно, никаких противоречивых истинностных оценок в отношении данного высказывания не возникает.

Если «Правдолюбец» к парадоксу не приводит, а приводит только «Лжец», то уместно поставить вопрос о принципиальном различии данных высказываний. Это различие состоит в *отрицательном*

характере предикации, представленной в «Лжеце». Нас не должно вводить в заблуждение наличие отдельного слова «ложно», которое якобы указывает на какую-то особую положительную характеристику. На самом деле алетический предикат только один: ‘быть истинным’, просто он может либо утверждаться, либо отрицаться относительно того или иного логического субъекта в алетическом высказывании. Именно по этому основанию в логической литературе, посвященной парадоксам, и проводится различие между так называемым простым и строгим «Лжецом»:

«Простой Лжец – это предложение, которое говорит о себе самом, что оно ложно. *Строгий Лжец* – это предложение, которое говорит о себе самом, что оно не является истинным»¹.

Нетрудно заметить также то, что формулировка А. Тарского представляет собой пример как раз строгого «Лжеца». Здесь говорится о предложении, написанном на определенной строке определенной страницы, которое не является истинным.

В свою очередь, отрицание положительного алетического предиката (S не есть P) можно преобразовать в утверждение отрицательного алетического предиката (S есть не- P). Такое преобразование в некоторых случаях может быть полезным для краткости изложения. В дальнейшем мы будем говорить либо об *отрицательном* предикате, содержащемся в утвердительном высказывании, либо об *отрицательном* высказывании, содержащем этот же предикат, но в положительной форме, как о логически эквивалентных предикациях.

Данный диагноз, а именно то, что достаточным условием «Лжеца» является отрицательный предикат, возникающий в самореферентной среде, а не эффект самореферентности как таковой, мог бы быть поставлен под сомнение в том случае, если бы нашлись примеры отрицательных самореферентных высказываний (или самореферентных высказываний с отрицательными предикатами), которые к парадоксам не приводят. И такие примеры, в самом деле, обнаруживаются.

Рассмотрим высказывание «Ничто сущее не является круглым квадратом». Это высказывание самореферентно, ибо оно само есть нечто сущее, и потому может быть поставлено на место собственного логического субъекта. Вместе с тем, оно осмысленно, непарадок-

¹ Beall J., Bueno O. The Simple Liar without Bivalence? // Analysis. – 2002. – 62.1. – P. 22.

сально и истинно. Высказывание «Ничто сущее не является круглым квадратом» само не является круглым квадратом. Налицо пример отрицательного самореферентного, но вместе с тем непарадоксального высказывания. Отсюда можно сделать вывод, что отрицательный характер высказываний как таковой не является достаточным условием парадоксальности, возникающей в самореферентной среде.

По крайней мере, в отношении парадокса «Лжец» можно утверждать, что парадокс вызывает не просто отрицательный характер самореферентного высказывания, но отрицание, присутствующее вкуче со специфическим предикатом – предикатом истины. Именно алетический предикат оказывается настолько своеобразным, что при использовании его в самореферентном отрицательном высказывании он приводит к парадоксу, т.е. к ситуации, в которой такому высказыванию с равной степенью убедительности можно приписать сразу две противоречащие друг другу истинностные оценки. Отсюда можно сделать следующие выводы. Из всех самореферентных высказываний парадоксальными могут оказаться (а могут и не оказаться) только *отрицательные* высказывания. Из всех самореферентных отрицательных высказываний парадоксальными являются только *алетические* высказывания. К парадоксу «Лжец» приводит только *самореферентное отрицательное алетическое* высказывание. Отрицательный алетический предикат, присутствующий в самореферентном высказывании есть достаточное условие возникновения «Лжеца».

Ни для кого не секрет, что семантическая теория А. Тарского многократно подвергалась критике в логической литературе. По разным основаниям она не устраивала, например, Х. Филда¹ и П. Хорвича². Но, рассуждая о различных вариантах выхода из парадокса, никто из них не усомнился в самой диагностике причин появления «Лжеца». И даже после работы С. Ябло³, когда стало ясно, что запрет на самореферентность не является адекватным методом освобождения от парадоксальных ситуаций в мышлении, поскольку парадоксы возможны и вне самореференции, в среде логиков, как кажется, не зародилось сомнения в том, что и причиной классического «Лжеца» *не* является самореферентность как таковая. Диагноз

¹ Field H. Tarski's Theory of Truth // The Journal of Philosophy. – 1972. – LXIX (13). – P. 347–375.

² Horwich P. Truth – Meaning – Reality. – Oxford: Clarendon Press, 2010.

³ Yablo S. Paradox without Self-reference // Analysis. – 1993. – 53. – P. 251–252.

А. Тарского, по крайней мере, относительно «Лжеца» (если оставить в стороне обсуждение других парадоксов) так и не был поставлен под сомнение. Между тем вышеприведенный анализ показывает, что этот диагноз является неверным. Эффекта самореферентности недостаточно для появления данного парадокса. Суть «Лжеца» в использовании *отрицательного алетического* предиката в самореферентной среде.

Парадоксальность и бессмысленность

В рассуждениях А. Тарского относительно «Лжеца» есть еще один изъян, касающийся самой формулировки парадокса. Как было указано выше, он сформулировал этот парадокс в редуцированной форме, приведя в пример высказывание, которое говорит только о себе самом. Такие высказывания в языке действительно возможны и вполне осмысленны. Например, высказывание «Это высказывание состоит из шести слов». Но дело в том, что редуцированные самореферентные *алетические* высказывания, а А. Тарский приводит пример именно такого высказывания, являются не парадоксальными, а просто бессмысленными, как и рассмотренные выше высказывания, содержащие не применимые к лингвистическим объектам предикаты. Истинностная оценка таких высказываний невозможна. Кстати, П. Вайсс указал на это в очень авторитетном издании¹ еще до первой публикации «*Понятия истины в формализованных языках*» А. Тарского². П. Вайсс пишет:

«Я лгу» – если берется в изоляции от всех фактов – является бессмысленным высказыванием. Должна существовать некоторая объективная истина, которая искажается, и пока это условие не обеспечено, утверждение не имеет значения»³.

Предположим, что критянин Эпименид открыл рот лишь однажды в жизни, чтобы сказать «Я лгу». «Я лгу» – это редуцированное самореферентное алетическое высказывание. Оно говорит только о себе самом и больше ни о чем. При этом суть данного высказывания в алетической предикации, оно себе самому выносит истинностную оценку. Однако уместно спросить, по поводу чего в данном случае

¹ Weiss P. The Theory of Types // Mind. – 1928. – Vol. 37, No. 147. – P. 338–348.

² Tarski A. Der Wahrheitsbegriff in Den Formaliserten Sprachen // Studia Philosophica I. – 1935. – P. 261–405.

³ Weiss P. The Theory of Types // Mind. – 1928. – Vol. 37, No. 147. – P. 342.

выносятся отрицательная истинностная оценка? Эпименид лжет, говоря о чем? Очевидно, что алетическое высказывание не может существовать в изоляции. Должно быть, по крайней мере, еще хотя бы одно высказывание о некотором объективном *факте*, который в высказывании представлен неверно, чтобы теперь этому высказыванию можно было бы дать отрицательную истинностную оценку. Пока это условие не соблюдено, произнесенное в изоляции высказывание «Я лгу» является бессмысленным, поскольку нет ничего, что можно было бы оценить как неверное отражение в языке некоторого объективного положения дел. Алетическое высказывание несамостоятельно, оно должно предполагать существование фактических высказываний, которым будет выдаваться истинностная оценка. Язык, построенный только из алетических высказываний, не мыслим.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что для формулировки «Лжеца» нельзя использовать редуцированное самореферентное алетическое высказывание, как это сделал А. Тарский, ибо такое высказывание является не парадоксальным, а лишь бессмысленным, к нему самому не применима истинностная оценка, в то время как для демонстрации парадокса необходимо показать, что к высказыванию могут быть применены две противоречащие друг другу истинностные оценки.

Однако вышесказанное не означает, что «Лжец» представляет собой псевдопроблему, которую устраняет надлежащий логико-лингвистический анализ. «Лжец» существует, он в самом деле парадоксален, и его в самом деле необходимо преодолеть, но прежде чем разобраться, что именно нужно преодолеть, необходимо привести корректную формулировку парадокса.

Осмысленность нередуцированных самореферентных алетических высказываний

Далее обратимся к наиболее тонкому вопросу в рамках данного исследования, а именно, являются ли осмысленными нередуцированные самореферентные алетические высказывания? Ответить на этот вопрос необходимо, чтобы определить, мыслима ли вообще алетическая самореферентность, а значит и «Лжец».

В пользу отрицательного ответа на данный вопрос может быть представлена следующая аргументация. Предположим, Эпименид открыл рот два раза в жизни, чтобы сказать: «Небо желтое» и «Я лгу». При этом алетическое высказывание «Я лгу» вполне ос-

мысленно соотносилось бы с фактическим высказыванием «Небо желтое», а именно, оно утверждало бы, что в фактическом высказывании неверно отражается объективный факт. Но если бы, кроме выполнения данной функции по вынесению истинностной оценки фактическому высказыванию, алетическое высказывание еще бы замыкалось и на самое себя, было бы самореферентным и говорило бы о самом себе, то перед нами возникла бы ситуация, уже описанная выше, а именно, алетическое высказывание, оказавшееся в изоляции, пыталось бы вынести истинную оценку себе самому, что, как было показано, бессмысленно.

Формально данное рассуждение может быть представлено следующим образом. На место переменной x будем подставлять фактические высказывания, в нашем случае «Небо желтое». На место переменной y будем подставлять алетические высказывания, в нашем случае «Я лгу». Тогда вынесение отрицательной истинностной оценки в нередуцированном самореферентном алетическом высказывании «Я лгу» можно представить как конъюнкцию отдельных истинностных оценок по отношению к каждому имеющемуся высказыванию, а именно: $L(x) \ \& \ L(y)$. Отсюда видно, что второй член конъюнкции, по сути, имеет форму редуцированного самореферентного алетического высказывания, уже проанализированного выше и признанного бессмысленным.

Чтобы попытаться сформулировать контраргументы по отношению к приведенному выше рассуждению и все-таки признать нередуцированную алетическую самореферентность осмысленной, будем различать нелингвистические и лингвистические факты, по аналогии с тем как выше было проведено различие между нелингвистическими и лингвистическими объектами.

Предположим, что в один из дней на острове Крит, который мы выбираем для рассмотрения, имеет место такой объективный нелингвистический факт: идет дождь. В тот момент, когда Эпименид, описывая происходящее вокруг него, произносит: «Светит солнце», возникает еще один объективный, но уже лингвистический факт, а именно продуцирование фактического высказывания. Лингвистический факт является *отражением* нелингвистического факта. Это отражение может быть *корректным* и *некорректным*. Когда Эпименид решает продуцировать алетическое высказывание «Я лгу», то в нем выражается оценка *корректности отражения* нелингвистического факта в лингвистическом факте. Но, во-первых, продуцирова-

ние алетического высказывания «Я лгу» тоже представляет собой некоторый объективный лингвистический факт, и во-вторых, этот факт сам может быть оценен на предмет *корректности отражения* процедуры отражения нелингвистического факта в лингвистическом факте. Нередуцированное алетическое высказывание Эпименида «Я лгу» выносит оценку фактическому высказыванию «Светит солнце» на предмет того, насколько оно *корректно отражает* объективное положение дел, но, кроме этого, оказываясь самореферентным, оно выносит оценку самому факту вынесения оценки на предмет того, насколько этот лингвистический факт алетической оценки *корректно отражает* ситуацию с отражением нелингвистических фактов в лингвистических фактах. Высказывание Эпименида «Я лгу», будучи обращенным на самое себя, утверждает *некорректность отражения* ситуации с отражением нелингвистических фактов в лингвистических фактах. В данном высказывании Эпименид говорит себе:

1) что продуцированные им фактические высказывания (лингвистические факты) *некорректно отражают* нелингвистические факты;

2) что он *ошибается* в своем видении ситуации, касающейся того, насколько его фактические высказывания (лингвистические факты) корректно отражают нелингвистические факты.

Высказывание Эпименида, конечно, непоследовательно, но оно *осмысленно*.

Когда противник осмысленности алетической самореферентности показывает, за счет чего нередуцированное самореферентное алетическое высказывание становится бессмысленным (а именно, он искусственным образом *изолирует* его в качестве отдельного элемента конъюнкции от фактического высказывания, как это было показано выше), то ведь тем самым он уже *признает*, в каком случае оно *было бы* осмысленным (а именно в случае, если бы оно не изолировалось от фактического высказывания). Тогда апологету осмысленности алетической самореферентности остается только показать, что изолировать самореферентное алетическое высказывание от фактического *невозможно*, ибо его оппонент уже *соглашается* с тем, что отсутствие изоляции приведет к осмысленности. Но показать это несложно, поскольку и противник, и апологет осмысленности алетической самореферентности должны отдавать себе отчет в том, что алетическое высказывание по сути своей *несмостоятель-*

но. Оно является *синкатегорематическим*. Чтобы выносить оценку корректности отражения нелингвистического в лингвистическом (т.е. продуцировать алетическое высказывание), необходимо, чтобы факт отражения имел место. Алетическое высказывание как таковое (*не важно*, самореферентное оно или нет) невозможно изолировать от фактического высказывания. Эту невозможность предопределяет не самореферентность, а именно *алетичность*. Самореферентное алетическое высказывание не мыслимо без фактического высказывания *точно так же*, как и несамореферентное. Но как только фактическое высказывание имеет место, осмысленное самореферентное алетическое высказывание может быть построено.

Реверсивные и нереверсивные парадоксы

Поскольку, во-первых, показана бессмысленность редуцированных самореферентных алетических высказываний, и во-вторых, осмысленность нередуцированных самореферентных алетических высказываний, постольку можно сделать вывод о том, что «Лжец» может быть корректно сформулирован только в нередуцированной форме. Однако нередуцированная форма самореферентности оказывается проблематичной в ином отношении, которое теперь необходимо рассмотреть. Дело в том, что нередуцированная алетическая самореферентность не приводит к ситуации, которую часто снова описывают как *строгую* парадоксальность. Использование термина «строгий» и в этом случае не представляется уместным. Мы будем настаивать на том, что нередуцированное отрицательное алетическое высказывание приводит именно к подлинному, строгому парадоксу, а именно к ситуации, когда к высказыванию с равной степенью убедительности могут быть применены две противоречащие друг другу истинностные оценки. Другое дело, что нередуцированное отрицательное алетическое высказывание не образует парадокса «в обе стороны», что было характерно для редуцированной формы самореферентности. Поэтому, возможно, было бы уместнее обозначить данное различие с помощью терминов «реверсивный парадокс» и «нереверсивный парадокс».

А. Тарский не случайно выбирает пример «Лжеца» в редуцированной форме, поскольку он приводит к реверсивному, «герметичному» парадоксу. Если предположить, что редуцированное самореферентное отрицательное алетическое высказывание «Это высказывание не является истинным» истинно, то необходимо признать, что

оно не является истинным, ибо оно правильно приписывает себе предикат «не быть истинным». Если предположить, что оно не является истинным, то придется сделать вывод, что оно истинно, поскольку мы в данном случае утверждаем некорректность алетической оценки, что это высказывание не является истинным, следовательно, оно является истинным. На этом с формулировкой «Лжеца» можно было бы и покончить, если бы редуцированная форма самореферентности была осмысленной, но это не так.

Осмысленной может быть только классическая формулировка данного парадокса, выраженная в нередуцированной форме: критянин Эпименид сказал «Все критяне лгут» (при условии, что Эпименид на острове Крит не один, и другие жители острова продуцируют фактические высказывания, например, «Небо желтое» и «Солнце голубое»). Однако данная формулировка «Лжеца» не приводит к реверсивному парадоксу. Если предположить, что высказывание Эпименида истинно, то мы в самом деле должны сделать вывод, что оно ложно, поскольку Эпименид тоже критянин, и к его высказыванию применим тот же алетический предикат, что и к высказываниям других жителей. Но если предположить, что высказывание Эпименида «Все критяне лгут» ложно, то отсюда мы не сможем сделать вывод, что оно необходимо истинно, ибо из того, что «Все критяне лгут» ложно, не следует, что все критяне говорят правду. Высказывание «Все критяне лгут» при допущении, что оно ложно, только *может быть* истинным, но может остаться и ложным. Например, если найдется лишь один критянин, который говорит «Небо голубое» (т.е. продуцирует истинное фактическое высказывание), то в таком случае высказывание Эпименида «Все критяне лгут» просто останется ложным, несмотря на то что замыкается на себя самое. При предположении, что высказывание Эпименида ложно (т.е. если существует кто-то из критян, только не сам Эпименид, который продуцирует истинное высказывание), высказывание Эпименида остается ложным, и парадокса здесь не возникает.

Нередуцированная форма самореферентного отрицательного алетического высказывания инициирует парадокс только «в одну сторону», неревверсивный парадокс. И тем не менее, на наш взгляд, это обстоятельство не должно принудить нас к выводу, что здесь якобы нет никакой строгой парадоксальности. Рассуждение «в одну сторону» по-прежнему является *строго* парадоксальным, а именно, в данном случае к определенному высказыванию с равной степенью

убедительности применимы две противоречащие друг другу алетические оценки. Применив к высказыванию Эпименида «Все критяне лгут» алетическую оценку «истинно», мы тут же должны признать, что к нему применима алетическая оценка «ложно», и это строго парадоксально.

Нередуцированное самореферентное отрицательное алетическое высказывание не всегда приводит к парадоксу. *Парадокс «Лжец» возникает только в том случае, если нередуцированное самореферентное высказывание с отрицательным алетическим предикатом замыкается на себя самое при помощи положительного алетического предиката.* Итоговая формулировка «Лжеца» предполагает три действия:

1. Формулируем высказывание «Любое из высказываний языка L (при условии, что в данном языке имеются как алетические, так и фактические высказывания) не является истинным».

2. Предполагаем, что оно является истинным.

3. Приходим к выводу, что оно не является истинным.

Данное рассуждение *осмысленно и парадоксально.*

Устранение парадокса

Теперь, установив точную причину возникновения парадокса «Лжец», можно назначить и правильное «логическое лечение». Данное лечение, как и в случае А. Тарского, также предполагает репрессивную форму, т.е. говорит о необходимости установления запрета на продуцирование определенного вида высказываний. Однако в отличие от метода А. Тарского, решение, которое предлагается сейчас, является куда менее затратным с точки зрения оценки тех форм мышления, которые следует признать недопустимыми.

Если продолжить медицинскую метафору, то можно сказать, что лечение, назначенное мышлению А. Тарским, не соответствовало по своим масштабам уровню заболевания. Человеку, высказавшему жалобы на боль в пальце из-за занозы, хирург может предложить ампутировать руку. Это, конечно, приведет к решению проблемы – боль в пальце исчезнет, – но всем будет очевидно, что данное лечение является неправильным. Болезнь не стоила тех средств, которые были затрачены на ее устранение. Так и в случае «Лжеца» А. Тарский предлагает такие средства для устранения парадокса, которые оказываются очевидно излишними. Для того чтобы устранить «Лжеца», *не требуется полный* запрет на семантически замкнутый язык. Может быть предложено куда менее тяжелое, «точечное» ле-

чение: необходимо запретить лишь определенную, частную форму самореферентных высказываний, сохранив при этом идею семантически замкнутого языка как вполне приемлемого приспособления для осуществления последовательной рациональной деятельности. Для устранения «Лжеца» необходимо запретить формулировку *нередуцированного самореферентного высказывания с отрицательным алетическим предикатом, которое замыкается на самое себя при помощи положительного алетического предиката*, ибо формулировка такого высказывания всегда будет приводить к парадоксальной ситуации и тем самым останавливать рациональную деятельность.

Философские уроки «Лжеца»

В заключение сформулируем три следствия из вышеизложенного рассмотрения парадокса, которые можно считать философскими уроками «Лжеца».

Во-первых, в противовес Э. Брендель, которая, в свою очередь, вторит А. Тарскому, универсальная языковая система, если под таковой подразумевается семантически замкнутый язык, *может быть* построена. «Лжец» указывает на то, что лишь определенная, частная форма самореферентных высказываний приводит к парадоксу, большая же часть семантически замкнутого языка не содержит в себе никаких серьезных логических затруднений. Данное следствие является важным для философии. В отличие от конкретных наук, которые ограничивают свои исследования определенным регионом сущего, философия всегда претендовала на то, чтобы быть универсальным знанием о сущем в целом. Собственно, в этом и состоит цель построения онтологической системы в философии – представить знание о сущем в целом на максимально высоком уровне общности. Выражение такого знания возможно именно в семантически замкнутом языке, ибо только такой язык способен говорить обо всем, что есть, в том числе и о себе самом как определенном виде сущего. Эту специфику философского мышления подчеркивает Ф. Фитч:

«Характерная черта философии состоит в том, чтобы дотянуться до этого максимального уровня и быть способной использовать самореферентные виды рассуждения, которые возможны на этом уровне»¹.

¹ Fitch F. Self-Reference in Philosophy // Mind. – 1946. – Vol. 55, No. 217. – P. 69.

Во-вторых, в области онтоэпистемологической проблематики подпадающими под сформулированный выше запрет оказываются различные формы релятивистского (антиреалистского) дискурса. Главный тезис антиреалистской программы, который может быть сформулирован в высказывании: «Любое из высказываний языка L не является истинным», представляет собой как раз пример нередуцированного самореферентного высказывания с отрицательным алетическим предикатом, которое замыкается на самое себя при помощи положительного алетического предиката. Если антиреалист претендует на правоту своего вывода, его концепция оказывается строго парадоксальной. В соответствии с предложенным выше выходом из «Лжеца» построение такой концепции должно быть запрещено, поскольку это оказывает разрушительное воздействие на рациональную деятельность.

В-третьих, *реалистская* онтоэпистемологическая концепция может быть построена в семантически замкнутом языке. При этом она является осмысленной и непарадоксальной. Такая концепция логически последовательна, поскольку в ней не используются самореферентные высказывания с *отрицательными* алетическими предикатами, которые и являются истоком парадоксальности по типу «Лжеца». Нередуцированные самореферентные высказывания с *положительными* алетическими предикатами к парадоксам не приводят. Например, именно такого рода высказывание представляет собой основной тезис концепции формального реализма¹: «Каждое из ассерторических высказываний семантически замкнутого языка L претендует на то, чтобы быть истинным (говорить о том, что есть)». Само это высказывание претендует на то, чтобы быть истинным, т.е. отразить объективный факт, а именно то, как обстоят дела с ассерторическими высказываниями языка L .

§ 2. Современные формулировки «Лжеца»

А.Р. Андерсон в своем исследовании по истории парадокса «Лжеца» приводит стихи 12–13 Главы 1 из Послания к Титу апостола Павла:

¹ Ладов В.А. Формальный реализм. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011.

«εἰπέ τις ἐξ αὐτῶν ἴδιος αὐτῶν προφήτης
 Κρήτες ἀεὶ ψεύσται, κακὰ θηρία, γαστέρες
 ἀργαί. ἡ μαρτυρία αὕτη ἐστὶν ἀληθής»¹

и рассматривает этот фрагмент как наиболее древнюю формулировку данного семантического парадокса. В Синодальном переводе Библии 1876 г. это место из Послания к Титу прочитывается следующим образом:

«Из них же самих один стихотворец сказал:
 “Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы
 Ленивые”. Свидетельство это справедливо»².

Правда, затем Андерсон замечает, что нельзя забывать и про Диогена Лаэртского, который связал суждение о том, что критяне всегда лгут, с критянином Эпименидом, жившим приблизительно в VII–VIII вв. до н.э., из чего мы можем предположить, что апостол Павел, говоря о критянце-стихотворце, имеет в виду именно Эпименида:

«Так или иначе, высказывание, что Критяне всегда лгут, было приписано Эпимениду, гражданину Фаэста (в соответствии с Диогеном Лаэртским, писавшим около тысячи лет после данного факта) и урожденному Кносса – столицы данного острова»³.

Однако, как указывает Андерсон, ни одно сочинение Эпименида не сохранилось, поэтому об исторической достоверности данных событий говорить сложно.

В логической литературе, посвященной парадоксам и анализу понятия истины, можно встретить формулировку «Лжеца» и через отсылку к тексту послания апостола Павла, например, у С. Крипке⁴, и через отсылку к Эпимениду, например, у У. Куайна⁵. В любом случае суть затруднения состоит в том, что если тот или иной критя-

¹ Anderson A.P. St. Paul's Epistle to Titus // The Paradox of the Liar. – New Haven and London, 1970. – P. 1.

² Библия. Синодальный перевод. Перепечатано с изд. 1876 г. – М., 1991. – С. 260.

³ Anderson A.P. St. Paul's Epistle to Titus // The Paradox of the Liar. – New Haven and London, 1970. – P. 2.

⁴ Крипке С. Очерк теории истины // Язык, истина, существование. – Томск, 2002. – С. 151.

⁵ Куайн У. Заметки по теории референции // Куайн У. С точки зрения логики. – М.: Канон+, 2010. – С. 191–192.

нин, произнося «Все критяне лгут», говорит правду, то он сам, будучи одним из жителей острова Крит, становится лгуном.

На протяжении всего XX века доминирующим подходом к решению парадокса «Лжеца» и подобных ему парадоксов был так называемый иерархический подход, развитый Б. Расселом¹ и А. Тарским². Данный подход предполагал, что все парадоксы возникают в самореферентной среде. На уровне высказываний самореферентным можно считать такое высказывание, которое становится на место своего собственного логического субъекта. Имеем простое атрибутивное высказывание S есть P , помещаем на место S само это высказывание, получаем:

(S есть P) есть P .

Соответственно, решение парадоксов виделось в полном запрете на явление самореферентности как своего рода питательной среды для их возникновения. Именно данный запрет и предполагал иерархический подход в разработанной Б. Расселом теории типов, с одной стороны, и в семантической концепции А. Тарского – с другой. С точки зрения иерархического подхода все высказывания следует делить на различные логические типы, которые не должны смешиваться между собой. В частности, в рамках иерархического подхода невозможна ситуация подстановки высказывания на место собственного логического субъекта, ибо о данном конкретном высказывании может быть построено высказывание только уже более высокого логического типа, отличного от предыдущего.

Конкретно в отношении «Лжеца» иерархический подход работал следующим образом. Высказывание критянина «Все критяне лгут» не применимо к самому себе, ибо продуцируется на ином логическом уровне, нежели те высказывания, которые становятся предметом рассмотрения в нем самом.

Заслуга Стивена Ябло, небольшая статья которого «Парадокс без самореферентности»³ оказала значительное влияние на современную логическую литературу, состояла в формулировке «лжеподобного» парадокса, в котором отсутствовало явление самореферентности. Естественно, такая формулировка имела большое значение для ло-

¹ Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык. – Томск, 2006. – С. 16–62.

² Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. – Oxford: Oxford University Press, 1956. – P. 152–278.

³ Yablo S. Paradox without Self-reference // Analysis. – 1993. – 53. – P. 251–252.

гиков и философов, интересующихся проблемами парадоксов. Ибо теперь оказывалось, что классический для XX века иерархический подход, по сути, неверно определял необходимую причину возникновения парадоксов. Явление самореферентности теперь представляло как случайное сопутствующее событие при образовании парадокса, а вовсе не его сущностная черта. Соответственно, и метод решения парадоксов, предполагаемый в иерархическом подходе, был поставлен под сомнение.

Далее кратко рассмотрим суть аргументации С. Ябло (поскольку у Ябло речь идет о предложениях, а не о высказываниях, постольку мы будем использовать термин «предложение», однако стоит подчеркнуть, что в рамках данного обсуждения никакого различия между предложениями и высказываниями мы не делаем).

Парадокс Ябло

С. Ябло пишет:

«Вообразим бесконечную последовательность предложений $S_1, S_2, S_3 \dots$ каждое из которых утверждает, что любое последующее предложение не является истинным:

(S1) для всех $k > 1$, S_k не является истинным.

(S2) для всех $k > 2$, S_k не является истинным.

(S3) для всех $k > 3$, S_k не является истинным.

Предположим, для образования противоречия, что некоторое S_n истинно. Допустим, S_n говорит, что для всех $k > n$ S_k не является истинным. Следовательно (а) S_{n+1} не является истинным, и (б) для всех $k > n+1$ S_k не является истинным. Но (б) есть то, что фактически говорит S_{n+1} , и это противоречит (а), а именно S_{n+1} является истинным! Пусть каждое предложение S_n в данной последовательности не является истинным. Но тогда предложения, следующие за любым данным S_n , не являются истинными, и отсюда S_n истинно! Я заключаю, что самореферентность не является ни необходимым, ни достаточным условием парадокса Лжеца и подобных ему парадоксов»¹.

Противоречие при заданных условиях будет возникать, с точки зрения Ябло, уже на втором шаге рассуждения.

1. Принимаем, что S_n , которое само формулируется как «Все последующие предложения не являются истинными», истинно.

¹ Yablo S. Paradox without Self-reference // Analysis. – 1993. – 53. – P. 251–252.

2. Последующее предложение «Все последующие предложения не являются истинными», по условию (1), не является истинным.

3. Опять же, по условию (1), следующее за вторым предложение «Все последующие предложения не являются истинными», не должно быть истинным. Но это именно то, что утверждает предложение (2). Следовательно, (2) истинно и ложно.

Однако если бы противоречие возникало только в качестве следствия принятия посылки, что S_n истинно, и не возникало бы при обратном условии, то мы бы имели дело скорее не с парадоксом, а с доказательством от противного ложности принимаемой посылки, а именно ложности, что S_n истинно. Для образования парадокса необходимо показать, что противоречие возникает и при принятии противоположной посылки, а именно, что S_n не является истинным. Поэтому Ябло продолжает. Допустим, все предложения вида «Каждое последующее предложение не является истинным», в том числе и S_n , не являются истинными. Но тогда все последующие за S_n предложения, по определению, не являются истинными. Но это именно то, что утверждает S_n , следовательно, S_n истинно. Налицо парадокс: с чего бы мы ни начинали, предположив сначала, что некоторое S_n истинно, а затем, что ни одно S не является истинным, мы приходим к противоречию.

Самое важное и оригинальное в рассуждении Ябло то, что S_n оказывается не самореферентным. Оно не ссылается на самое себя. S_n всегда говорит только о последующих предложениях, но не о себе самом. Именно этот факт позволяет Ябло заявить, в противовес тому, что говорили классики логики XX века, что самореферентность не является причиной образования парадоксов.

Недостаток парадокса Ябло – бесконечная формулировка

В критической литературе, посвященной работе С. Ябло, существенным недостатком парадокса называли то, что он является бесконечным, т.е. имеет бесконечную формулировку. В этом духе высказываются, например, Т. Йонгелинг, Т. Котсир и Э. Ваттел в своей совместной статье «Самореферентность в конечных и бесконечных

парадоксах»¹, где они сами ссылаются сначала на Д. Харди², а затем на Г. Приста³:

«Мы дадим аргументацию в той форме, которая представлена Харди (1995), внесшим вклад в конечные и бесконечные процедуры. Если парадокс Ябло формулируется в форме бесконечной последовательности предложений в формальной системе первопорядковой логики, то попытки последовательно описать истинностные значения всех предложений не ведут к противоречию. Это действительно самоочевидно, поскольку формальное доказательство, что не существует последовательного приписывания истинностных значений, должно было иметь конечную длину. Только конечное число предложений $S(n)$ может фигурировать в конечном выводе $\langle \dots \rangle$

Для того чтобы вывести противоречие из приписывания истинных значений, парадокс должен быть сформулирован в конечной форме, говорит Прист»⁴.

Речь идет о том, что формулировка парадокса оказывается всегда незаконченной, что не является логически корректным, по аналогии с тем, как если бы мы давали определение понятию и, пытаясь прояснить значение всех терминов, входящих в дефиниенс, запутывались бы в бесконечных формулировках. Чтобы помыслить противоречие в приписывании истинностных значений S_n , необходимо держать в уме бесконечное число предложений, на основании рассмотрения которых выводится противоречивость S_n , что невозможно.

С учетом приведенного выше контраргумента представляется актуальной попытка сформулировать парадокс Ябло в конечном виде. Каков бы ни был результат, можно ожидать, что данное предприятие будет продуктивным. В случае удачной попытки появится возможность говорить об усовершенствованной форме парадокса, защищенной от представленной критической аргументации. В случае если попытка окажется неудачной, это позволит яснее представить специфику рассматриваемого парадокса.

¹ Jongeling T. B., Koetsier T., Wattel E. Self-Reference in Finite and Infinite Paradoxes // *Logique & Analyse*. – 2002. – 177, 178. – P. 1–16.

² Hardy J. Is Yablo's Paradox Liar-like? // *Analysis*. – 1995. – 55. – P. 197–198.

³ Priest G. The Structure of the Paradoxes of Self-Reference // *Mind*. – 1994. – Vol. 103, No. 409. – P. 25–34.

⁴ Jongeling T. B., Koetsier T., Wattel E. Self-Reference in Finite and Infinite Paradoxes // *Logique & Analyse*. – 2002. – 177, 178. – P. 4–5.

Для того, чтобы попытаться представить усовершенствованную конечную формулировку парадокса Ябло, сначала следует зафиксировать причину его бесконечной формулировки.

Причина бесконечной формулировки

Есть основания предполагать, что причиной бесконечной формулировки парадокса является вид тех предложений, которые берет-ся рассматривать Ябло. В данном парадоксе во внимание принимаются только те предложения, которые говорят об иных предложениях. Исследуются предложения вида:

(S1) «Каждое следующее за S1 предложение не является истинным».

(S2) «Каждое следующее за S2 предложение не является истинным» и т.д.

Таким образом, возникает ситуация, что при построении предложения S1 мы уже обязательно должны предполагать существование предложения S2. При построении предложения S2 мы каким-то образом уже обязательно должны иметь в виду предложение S3 и т.д. Очевидно, что данный ряд уходит в бесконечность. Чтобы что-то сказать даже о самом первом предложении S1, мы уже должны предполагать существование бесконечного ряда предложений.

Следовательно, чтобы попытаться устранить причину бесконечной формулировки парадокса, необходимо каким-то образом трансформировать набор исследуемых предложений, но сделать это так, чтобы сохранить главное достоинство аргументации Ябло – наличие в рассуждении парадоксального, но несамореферентного предложения.

Устранение причины бесконечной формулировки

Во-первых, попытаемся начать формулировку парадокса не с некоего произвольного S_n , что уже предполагает бесконечность предложений, а с вполне конкретного предложения S1:

(S1) «Предложения, следующие за S1, не являются истинными».

И во-вторых, мы можем взять для рассмотрения ряд таких предложений, где не каждое из них будет ссылаться на последующее. Важно, чтобы последнее участвующее в рассмотрении предложение говорило не о последующем предложении, а о чем-то ином. Напри-

мер, оно могло бы описывать некоторое фактическое положение дел, или, для надежности рассуждения, лучше взять какое-либо аналитически ложное предложение, например предложение о неравенстве предмета самому себе:

« $x \neq x$ »

Так мы сможем попытаться разорвать бесконечную цепь предложений и сделать рассуждение конечным. Далее сформулируем гипотетический конечный парадокс Ябло.

Гипотетический конечный парадокс Ябло

Возьмем конечную последовательность предложений:

(S1) для всех $k > 1$, S_k не является истинным.

(S2) для всех $k > 2$, S_k не является истинным.

(S3) $x \neq x$.

Допустим, что S1 истинно. Тогда S2 ложно и S3 ложно. Но в то же время S3 – это именно то, что утверждает S2. Следовательно, S2 истинно. Противоречие. Значит, наша посылка, что S1 истинно, не верна, и S1 не является истинным (в соответствии с доказательством от противного).

Допустим, что все предложения в данной последовательности (т.е. в том числе и S1) не являются истинными. Но тогда S2 и S3 не являются истинными, а это именно то, что утверждает S1. Следовательно, S1 истинно.

С чего бы мы ни начинали, предполагая сначала, что S1 истинно, а затем что ни одно предложение S не является истинным, приходим к противоречию. При этом: а) формулировка парадокса имеет конечную форму и б) ни одно предложение из указанной последовательности не является самореферентным.

Проблематичность конечной формулировки

Однако при более пристальном рассмотрении мы можем заметить, что предложенная выше конечная формулировка парадокса оказывается проблематичной. Для образования парадокса существенно, чтобы были исчерпаны все возможные варианты посылок, из которых следуют противоречия. Например, корректная формулировка конечного парадокса выглядела бы следующим образом: 1) предположим, что некоторое (любое) из трех рассматриваемых предложений истинно, – приходим к противоречию; 2) предполо-

жим, что ни одно из трех рассматриваемых предложений не является истинным, – приходим к противоречию. Таким образом, мы исчерпали бы все логические возможности в нашем рассуждении: либо $\exists xT(x)$, либо $\forall x\neg T(x)$, где x – предложение, T – быть истинным. Но в случае приведенного выше гипотетического конечного парадокса мы начинаем с предположения истинности не некоторого (любого), а конкретного предложения S_1 , приходим к противоречию, затем предполагаем, что ни одно S не является истинным, приходим к противоречию. Очевидно при этом, что имеется, по крайней мере, еще одна нерассмотренная возможность образования парадокса, а именно, допустим, что 1) S_2 истинно; 2) ни одно S не является истинным. Если S_2 истинно, то S_1 ложно и S_3 ложно, и в этом случае никакого противоречия не возникает. Значит, рассматривая приведенную выше конечную последовательность предложений, мы не можем начать с некоторого произвольного S , чтобы получить противоречие. В определенном случае противоречие возникает, тогда как в другом – нет. Это, в свою очередь, означает, что гипотетический конечный парадокс Ябло оказывается псевдопарадоксом. Данное рассуждение не демонстрирует противоречия при любом возможном варианте исходных посылок.

Таким образом, мы видим, что возможность начать рассуждение с произвольно выбранного S_n играет ключевую роль в формулировке парадокса Ябло. Именно произвольное S_n позволяет рассмотреть две противоречащие посылки, которые, в соответствии с законом исключенного третьего, предполагают все допустимые варианты рассуждения: $A \vee \neg A$, где под A подразумевается $\exists xT(x)$, а под $\neg A$, соответственно, $\forall x\neg T(x)$.

В свою очередь, возможность начать рассуждение с произвольного S_n предполагает предложения унифицированной формы. Поскольку для образования парадокса также важно, чтобы в нем содержались предложения с предикатом истины, логическим субъектом которых выступали бы следующие за ними предложения, и поскольку все предложения должны иметь унифицированную форму, ясно, что нам необходимо мыслить бесконечный ряд предложений, в каждом из которых приписывается отрицательный предикат истины для всех последующих предложений.

В результате проведенного анализа мы приходим к выводу, что бесконечная формулировка является существенной характеристикой парадокса Ябло, без которой он не мыслим.

Является ли указанная характеристика данного парадокса действительно в каком-то смысле ущербной, не позволяющей дать ясное понимание приводимой аргументации, как это подчеркивали критики Ябло? Ответ на этот вопрос не столь очевиден, как предполагали, например, Д. Харди и Г. Прист, и рассмотрение этой проблемы может быть предметом дальнейших исследований.

Кроме того, нужно подчеркнуть тот факт, что признание необходимости бесконечной формулировки в случае с парадоксом Ябло опирается на идею о том, что парадокс должен все же быть обязательно реверсивным, «герметичным», возникать при любой исходной посылке. Но в таком случае, как показано в предыдущем параграфе, придется признать непарадоксальным не только модифицированного конечного «Лжеца» Ябло, но и классического нереверсивного «Лжеца» Эпименида в формулировке У. Куайна, что вызовет затруднения для формулировки парадокса «Лжеца» в принципе. Данное соображение указывает на то, что актуальной остается проблема определения самого понятия парадокса, в частности, возможного отличия понятия парадокса от понятия противоречия.

§ 3. Аналитическое определение числа, парадокс Рассела и теория типов

Математика в «Критике чистого разума» И. Канта

«Все математические суждения имеют синтетический характер»¹ – это, с точки зрения Канта, означает, что математическое знание невозможно получить только путем аналитической работы рассудка. Математика требует выхода за пределы понятий рассудка к созерцанию. Известный пример Канта состоит в следующем:

«На первый взгляд может показаться, что положение $7 + 5 = 12$ есть чисто аналитическое суждение, вытекающее согласно закону противоречия из понятия суммы семи и пяти. Однако, приглядываясь ближе, мы находим, что понятие суммы семи и пяти содержит в себе только признак соединения этих двух чисел в одно, причем вовсе не указывается, каково то число, которое охватывает слагаемые. Понятие двенадцати вовсе еще не мыслится вследствие того, что я только мыслю о соединении семи и пяти;

¹ Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 8 т. – М., 1994. – Т. 3. – С. 14.

и сколько бы я ни анализировал свое понятие такой возможной суммы, я бы не встретил в нем числа 12. Для этого необходимо выйти за пределы этих понятий, взяв на помощь наглядное представление, например, свои пять пальцев... При этом я беру сначала число семь и затем, привлекая на помощь к понятию пяти наглядное представление пальцев своей руки, я присоединяю постепенно к числу семь с помощью этого образа единицы, взятые для составления числа пять, и таким образом вижу, как возникает двенадцать»¹.

Конечно, Кант не имеет здесь в виду то, что образование понятия числа зависит от конкретного эмпирического опыта пересчета пальцев руки, палочек, яблок и т.д. Если бы это было так, то математическое знание состояло бы из апостериорных синтетических суждений и имело бы случайный характер. Кант убежден, что

«... настоящие математические положения всегда суть априорные, а не эмпирические суждения, потому что они обладают необходимостью, которая не может быть заимствована из опыта»².

Понятие числа возникает на основании обращения к чистой форме чувственного созерцания – времени. Фиксация временных синтезов в рамках чистой формы чувственного созерцания обеспечивает, во-первых, априорный характер математического знания, поскольку не зависит от конкретных эмпирических примеров, и во-вторых, гарантирует необходимость этого знания, поскольку любой конкретный опыт пересчета предметов, данных в созерцании посредством органов чувств, будет соответствовать тем закономерностям, которые характерны для самой формы чувственного созерцания.

Аналитическое определение числа у Г. Фреге

Несмотря на то что Кант сохраняет за математикой статус априорного и необходимого знания, указание на созерцание как на источник математического познания, во-первых, резко разделяет математику и логику, которые в данном случае трактуются как знания, имеющие различную природу, и во-вторых, ставит математическое знание в зависимость от априорных синтетических суждений, эпи-

¹ Кант И. Критика чистого разума // Соч.: в 8 т. – М., 1994. – Т. 3. С. 40.

² Там же. – С. 39.

стемологический статус которых представляется отнюдь не бесспорным в современной философии.

Одна из важных заслуг Г. Фреге в философии математики состоит в том, что он попытался дать чисто аналитическое определение числа, устраняя из математики обращение к эпистемологическим процедурам, связанным с созерцанием, и демонстрируя тем самым общую природу математического и логического знания, выраженного в аналитических суждениях.

В общем виде определение числа у Фреге возникает на основании идеи взаимно однозначного соотнесения между предметами, составляющими объемы понятий:

«... мы свели взаимно однозначное соотнесение к чисто логическим обстоятельствам и теперь можем дать следующее определение: Выражение 'Понятие F равночисленно понятию G ' равнозначно выражению 'Существует отношение ϕ , которое взаимно однозначно соотносит предметы, подпадающие под понятие F , с предметами, подпадающими под понятие G '»¹.

Стоит подчеркнуть, что в данном определении равночисленности не содержится круга, ибо взаимно однозначную соотнесенность предметов, входящих в объемы понятий, можно фиксировать без их пересчета, для которого мы уже должны были бы использовать числа:

«Если официант хочет быть уверен, что он положил на стол ножей столько же, сколько тарелок, ему нет надобности считать каждый из них; если только он справа от каждой тарелки рядом положил нож, тогда каждый нож на столе находится рядом справа от тарелки. Тарелки и ножи взаимно однозначно соотнесены друг с другом...»².

На основе определения равночисленности объемов понятий можно ввести общее определение числа. Число есть то, что соответствует совокупности предметов, подпадающих под каждое из понятий, объемы которых находятся во взаимно однозначном соотнесении.

Используя данное общее определение, можно задавать определения конкретных чисел. Например, предметы, составляющие объе-

¹ Фреге Г. Основоположения арифметики // Фреге Г. Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 208.

² Там же. – С. 205.

мы таких понятий, как ‘спутник Юпитера’, ‘сторона света’, ‘угол квадрата’, ‘конечность собаки’, могут быть взаимно однозначно соотнесены. Тогда то, что соответствует совокупности предметов, подпадающих под каждое из понятий ‘спутник Юпитера’, ‘сторона света’, ‘угол квадрата’, ‘конечность собаки’, есть число, и имя этого числа – ‘четыре’.

Тем не менее последнее определение имеет изъян. Оно основывается на эмпирических данных, устанавливающих объемы соотносимых понятий, и потому не может считаться аналитическим. Определение конкретных чисел должно быть выстроено на таком фундаменте, который бы не имел никакого отношения к опыту.

Руководствуясь вышеизложенными соображениями, Фреге вводит определение 0, которое оказывается строго аналитическим:

«0 – это число, соответствующее понятию ‘не равное себе’»¹.

Под понятие ‘не равное себе’, в соответствии с его содержанием, должны подпадать не равные себе предметы. Однако поскольку суждение ‘ $a \neq a$ ’, исходя из главного логического требования недопущения противоречия, является аналитически ложным, постольку необходимо истинно то, что не существует не равных себе предметов. Следовательно, под понятие ‘не равное себе’ не подпадает ни один предмет. В таком случае то, что соответствует совокупности предметов, подпадающих под понятие ‘не равное себе’, есть число, и имя этого числа – ‘ноль’. Такое определение не использует ссылку ни на эмпирическое, ни на чистое созерцание, оно основывается исключительно на логическом требовании недопущения противоречия:

«Все, что со стороны логики и для строгости доказательства можно требовать от понятия, это его точные границы, чтобы для каждого предмета было определено, подпадает он под него или нет. Этому требованию всецело удовлетворяют понятия, содержащие противоречия типа ‘не равное себе’; ибо для каждого предмета известно, что он под такое понятие не подпадает»².

Фрегевское определение числа 1 также является важным, поскольку оно позволило установить универсальный способ аналитиче-

¹ Фреге Г. Основоположения арифметики // Фреге Г. Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 210.

² Там же. – С. 210.

ского определения чисел, который затем был использован и в иных, отличных от фрегевской, концепциях в философии математики.

«1 – это число, соответствующее понятию ‘равное 0’»¹.

Единственным предметом, который подпадает под понятие ‘равное 0’ является само число 0, которое было определено ранее:

«Таким образом, у нас есть понятие ‘равное 0’ и некий предмет 0, под него подпадающий»².

На основании двух фрегевских идей, а именно аналитического определения нуля через понятие ‘не равно себе’ и использования в определении нового числа уже определенных ранее чисел, был построен, например, натуральный ряд Дж. фон Неймана³. Отличие интерпретации чисел фон Неймана от Фреге состояло только в том, что у Фреге определение числа задавалось интенционально, т.е. объем понятия формировался через свойства, составляющие содержание понятия, тогда как у фон Неймана имеет место теоретико-множественное определение, где конкретные числа представляют собой соответствия совокупностям предметов, объединенных в множество экстенционально. Именно поэтому в отношении нуля у фон Неймана речь идет не об объеме понятия ‘не равно себе’, а о пустом множестве, но при этом сама идея Фреге определить 0 как то, что соответствует отсутствию предметов, сохраняется. Натуральный ряд фон Неймана выглядит следующим образом:

0 \emptyset
 1 $\{\emptyset\}$
 2 $\{\emptyset, \{\emptyset\}\}$
 3 $\{\emptyset, \{\emptyset\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}\}\}$
 4 $\{\emptyset, \{\emptyset\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}, \{\emptyset, \{\emptyset\}\}\}\}$

Парадокс Рассела

В 1902 г. Б. Рассел написал Г. Фреге письмо, в котором указывал на логические затруднения, возникающие при отсутствии каких-либо ограничений на образование множеств (классов):

¹ Фреге Г. Основоположения арифметики // Фреге Г. Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 213.

² Там же. – С. 213.

³ Целищев В.В. Философия математики. Ч 1. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 22.

«Вы утверждаете, что функция может быть неопределяемым элементом. Я тоже так считал, но теперь этот взгляд кажется мне сомнительным из-за следующего противоречия: Пусть w будет предикатом ‘быть предикатом, не приложимым к самому себе’. Приложим ли w к самому себе? Из любого ответа вытекает противоречие. Стало быть, мы должны заключить, что w не является предикатом. Также не существует класса (как целого) тех классов, которые, как целое, не являются членами самих себя. Отсюда я заключаю, что при определённых обстоятельствах определяемое множество не образует целого»¹.

Так был сформулирован парадокс, который в дальнейшем в логической литературе называли парадоксом множества всех непредикативных множеств или парадоксом класса всех стандартных классов. Существуют два вида классов: стандартные и нестандартные. Стандартным называется класс, который не включает себя самого в качестве собственного элемента. Например, класс всех яблок является стандартным. Он включает в себя конкретные объекты материального мира – яблоки, но не включает в качестве собственного элемента себя самого, поскольку класс всех яблок сам яблоком уже не является. Таких классов подавляющее большинство: класс всех людей, класс всех деревьев, класс всех столов и т.д. Поэтому они и именуется стандартными. Однако существуют и специфические, нестандартные классы. Нестандартным называется класс, который включает себя самого в качестве собственного элемента. Например, класс всех предметов, не являющихся яблоками, является нестандартным. Он включает в себя все предметы, не являющиеся яблоками, а именно людей, деревья, столы и т.д. Но при этом и сам класс предметов, не являющихся яблоками, также может быть рассмотрен как предмет, не являющийся яблоком. Поэтому данный класс включает себя самого в качестве собственного элемента.

Б. Рассел считает проблематичным образование класса всех стандартных классов. Класс всех классов, не являющихся членами самих себя, оказывается противоречив в том смысле, что в отношении него мы с одинаковой претензией на истинность можем сформулировать два противоречащих друг другу суждения. Истинным является как суждение «Класс всех стандартных классов есть стандартный класс», так и противоречащее ему «Класс всех стандартных

¹ Frege G. *Philosophical and Mathematical Correspondence*. – Oxford: Basil Blackwell, 1980. – P. 130–131.

классов есть нестандартный класс». Если мы допустим, что класс всех стандартных классов стандартен, то он должен стать членом самого себя, ведь это класс, включающий в себя все возможные стандартные классы. Но в таком случае мы приходим к выводу, что этот класс является нестандартным. Если мы допустим, что класс всех стандартных классов является нестандартным, то мы должны рассмотреть его в качестве члена себя самого. Но членами данного класса являются только стандартные классы, и поэтому мы приходим к выводу, что данный класс тоже является стандартным.

С подачи Рассела в более популярной формулировке данная проблема часто фиксируется в парадоксе под названием 'Брадобрей'. Брадобрей – деревенский цирюльник, в чьи обязанности входит брить только тех жителей деревни, которые не могут бриться сами. Встает вопрос, может ли брадобрей брить себя самого? Если мы предполагаем, что может, то он попадает в класс тех людей, которые не могут бриться сами, и поэтому мы приходим к выводу, что данное действие в отношении себя он осуществить не в состоянии. Если мы предполагаем, что не может, то он становится членом той группы людей, в отношении которых он осуществляет свою деятельность, и поэтому мы приходим к выводу, что он может себя побрить.

Теория типов, переопределение числового ряда и аксиома бесконечности

Рассел видел причину открытого им самим парадокса в смешении индивидов и классов. В том случае, если элементом класса становится сам этот класс, мышление оказывается под угрозой парадоксов. Для устранения этой угрозы Рассел и сформулировал теорию типов. Данная теория указывала на необходимость дифференциации классов по типам и запрещала смешение классов разных типов между собой:

«Общность классов в мире не может быть классом в том же самом смысле, в котором последние являются классами. Так мы должны различать иерархию классов. Мы будем начинать с классов, которые всецело составлены из индивидов, это будет первым типом классов. Затем мы перейдем к классам, членами которых являются классы первого типа: это будет второй тип. Затем мы перейдем к классам, членами которых являются классы второго типа; это бу-

дет третий тип и т.д. Для класса одного типа никогда невозможно быть или не быть идентичным с классом другого типа»¹.

Поскольку в определении числа у Фреге Рассел усматривает недопустимое с его точки зрения смешение элементов, относящихся к разным типам, постольку производные от Фреге построения числового ряда представляются ему неудовлетворительными. Смешение, на которое указывает Рассел, в самом деле нетрудно обнаружить в числовом ряде фон Неймана, приведенном выше. Например, двойка здесь определяется как множество, элементами которого являются множества, относящиеся к разным типам: $\{\emptyset, \{\emptyset\}\}$.

У самого Фреге подобного рода смешение не столь очевидно, и все же его тоже можно обнаружить в определении единицы. Фреге определяет 1 как то, что соответствует понятию 'равное 0'. Однако сам 0 определялся через понятие 'не равно себе'. Мы могли бы развернуть фрегевское определение единицы следующим образом: 1 есть число, которое соответствует совокупности предметов, подпадающих под понятие "равное 'не равно себе'". Единственным предметом, который составляет объем этого понятия, оказывается понятие 'не равно себе'. В данном случае предметом, подпадающим под понятие, оказывается не индивидуальный объект, который бы удовлетворял свойствам, зафиксированным в понятии, а само понятие. Этот факт действительно представляет собой пример смешения элементов различных логических типов.

Не случайно, что переопределение числового ряда у Рассела начинается именно с единицы:

«Он сохраняет общий фрегеанский подход к числу с точки зрения классов, находящихся во взаимно однозначном соответствии. Сохраняет он и определение нуля как класса неравных самих себе объектов. Модификация определения начинается с числа один»².

Число 1 соответствует совокупности объектов каждого из тех классов, которые взаимно однозначно соотнесены с классом, содержащим один объект. Число 2 соответствует совокупности объектов каждого из тех классов, которые взаимно однозначно соотнесены с классом, состоящим из объекта, использованного при определении числа 1, плюс новый объект. Число 3 соответствует совокупности

¹ *Суровцев В.А.* Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 90.

² Там же. – С. 60.

объектов каждого из тех классов, которые взаимно однозначно соотнесены с классом, состоящим из объектов, использованных при определении числа 2, плюс новый объект.

«Определение, построенное таким способом, избегает парадокса, поскольку соблюдает требование теории типов. Объекты, используемые при определении чисел, принадлежат одному и тому же типу»¹.

Вместе с тем, преодолев одну трудность, Рассел столкнулся с иной:

«Определение каждого последующего числа в последовательности натуральных чисел требует нового объекта. Но поскольку натуральный ряд бесконечен, постольку должно предусматриваться и бесконечное количество объектов»².

Таким образом, расселовское определение числового ряда потребовало введения дополнительного онтологического постулата, выраженного в аксиоме бесконечности, которая представляет собой

«... допущение о том, что любому заданному числу n соответствует некоторый класс объектов, имеющих n членов»³.

Критическая оценка расселовской диагностики парадоксов

До сих пор изложение материала в данном параграфе имело нейтральный характер. Оно нацеливалось не на апологию или опровержение той или иной позиции, а только на их экспликацию. Теперь же представим критические соображения в рамках обсуждаемых проблем.

Думается, что есть повод усомниться в правильности расселовской диагностики причин парадоксов. Рассел считал, что причина парадокса, сформулированного им в письме к Фреге, состоит в смешении индивидов и классов. Парадокс, по Расселу, возникает из-за того, что осуществляется попытка поместить класс, состоящий из индивидов, в себя же самого в качестве еще одного индивида. Именно подобного рода действия и запретила расселовская теория типов.

¹ Суровцев В.А. Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 60.

² Там же. – С. 61.

³ Там же. – С. 61.

Однако то, что подлинная причина парадокса Рассела состоит не в факте смешения индивидов и классов, несложно продемонстрировать на примере класса всех нестандартных классов. Класс всех нестандартных классов также предполагает смешение индивидов и классов, и тем не менее он не является парадоксальным в том смысле, в каком Рассел считает парадоксальным класс всех стандартных классов. В самом деле, пусть класс всех нестандартных классов является нестандартным. В таком случае у нас нет оснований заключать, что мы тут же должны признать его стандартным. Класс всех нестандартных классов содержит в качестве элементов все возможные нестандартные классы. Если класс всех нестандартных классов мы признаем нестандартным, то он становится своим собственным элементом без каких-либо противоречий. Классу всех нестандартных классов не могут быть приписаны одновременно два противоречивых свойства (быть стандартным и быть нестандартным), как это имело место в случае класса всех стандартных классов.

Если мы посмотрим на приведенные выше парадоксы, такие как парадокс образования предиката ‘быть предикатом, неприложимым к самому себе’, парадокс класса всех стандартных классов, парадокс ‘Брадобрей’, то мы увидим, что все они имеют одну общую черту. В каждом из этих случаев осуществляется попытка замкнуть на себя самого, обратить по отношению к себе самому некоторое свойство, имеющее какую-либо негативную характеристику. Так, ставятся вопросы о том, приложим ли к себе самому предикат ‘быть предикатом, неприложимым к самому себе’, содержит ли себя самого класс всех классов, *не* содержащих самих себя в качестве собственных элементов, может ли брадобрей побрить себя самого при том условии, что он должен брить только тех, кто *не* может бриться самостоятельно. По сути, основанием возникновения парадоксов во всех этих случаях является то, что можно было бы назвать ‘негативной самореферентностью’. Как только мы задаем вопрос о том, применимо ли к суждению, в котором задается негативное свойство по отношению к некоторым объектам, само это негативное свойство, возникает парадокс.

Г. фон Вригт называет вышеописанное явление ‘существенной отрицательностью’¹. Отрицательный характер определенных понятий становится существенным в том случае, если их использование

¹ Вригт Г.Х. фон. Гетерологический парадокс // Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. – М., 1986. – С. 477.

в рассуждении приводит к парадоксам. Фон Вригт видит в этом общее основание нескольких хорошо известных парадоксов:

«Можно сказать, что антиномии Греллинга, Рассела и Лжеца устанавливают или демонстрируют ‘существенную отрицательность’ некоторых понятий»¹.

Все это не означает, что смешение индивидов и классов не играет никакой роли в образовании парадокса Рассела. Действительно, парадокс возникает в ситуации данного смешения, и если это смешение устранить, парадокс исчезнет. Однако указанное смешение все же вряд ли можно назвать подлинной причиной данного парадокса. Можно было бы сказать, что смешение индивидов и классов является необходимой, но недостаточной причиной возникновения парадокса Рассела. Данное смешение – это только своего рода питательная среда, в которой возникает парадокс. Достаточная же причина возникновения парадокса Рассела состоит в том, что обсуждаемое смешение происходит именно в той ситуации, в которой классу, смешивающемуся с индивидами, приписывается отрицательное свойство.

Если сказанное выше верно, то можно поставить под сомнение и необходимость столь радикальных мер по устранению парадоксов, которые предлагала теория типов. Если смешение индивидов и классов может приводить, а может и не приводить к парадоксам, то не будет ли более продуктивным точнее установить причину возникновения противоречий и запретить только какие-то частные случаи обсуждаемого смешения, нежели устанавливать на него полный запрет?

Положительный ответ на поставленный вопрос может повлечь, в свою очередь, пересмотр расселовской оценки фрегевского определения числа и производных от него способов построения числового ряда. Действительно ли, например, числовой ряд фон Неймана, который допускает смешение индивидов и классов, содержит в себе угрозу возникновения парадоксов? По крайней мере, в определениях конкретных чисел, которые были представлены выше, у фон Неймана невозможно заметить ничего противоречивого. На это можно возразить, что угрозу противоречия несут не определения конкретных чисел, а сам способ, с помощью которого эти определения задаются. Но в таком случае мы должны повторить снова, что этот

¹ Вригт Г.Х. фон. Гетерологический парадокс // Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. – М., 1986.

способ определения числового ряда, предполагающий смешение элементов, относящихся к различным типам, требует более тщательного анализа, ибо не является необходимым то, что его использование приведет к противоречию. Подобного рода исследования представляются актуальными для философии математики потому, что оправдание фрегевского и производных от него определений чисел может позволить оставить арифметику в сфере чисто аналитических истин, без каких-либо внешних онтологических допущений, таких как аксиома бесконечности, которую предполагает расселовское определение числового ряда.

§ 4. «Principia Mathematica» о природе логических парадоксов

А. Уайтхед и Б. Рассел в «Principia Mathematica» указывают следующее общее основание возникновения логических парадоксов:

«Анализ парадоксов, которых необходимо избежать, показывает, что все они проистекают из порочного круга некоторого вида. Порочные круги возникают при предположении, что некоторое собрание объектов может содержать элементы, которые могут быть определены лишь посредством этого собрания как единой совокупности»¹.

При этом сами авторы «Principia Mathematica» в этом месте ссылаются на работу А. Пуанкаре «Математика и логика»² как на основание собственных взглядов. А. Пуанкаре ведет речь о так называемом *retitio principii* – порочном круге, при котором в доказательстве какого-либо положения используется само это положение. В качестве одного из примеров французский математик приводит определение единицы у Ч. Бурали-Форти:

«Мы видим, что Бурали-Форти определяет число 1 следующим образом:

$$1 = \text{тГ}'\{\text{К} \cap (u, h) \in (u \in \text{Un})\}$$

¹ Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Т. I. – Самара: Самарский университет, 2005.

² Пуанкаре А. О науке. – М.: Наука, 1983.

... я опасаясь, что это определение включает *petitio principii*, так как я вижу цифру 1 в первой части и изображенное буквами слово “один” (Un) во второй части равенства»¹.

Понимание порочного круга у А. Пуанкаре, с одной стороны, и у А. Уайтхеда и Б. Рассела – с другой, в самом деле подобны. Разница только в том, что первый говорит о круге в определении того или иного понятия, тогда как авторы «Principia Mathematica» о порочном круге при построении определенных объектов (классов, множеств). Нас будет интересовать именно вопрос построения множеств, поэтому мы примем за основу ту трактовку порочного круга в рассуждении, которая дается авторами «Principia Mathematica». Проанализируем их тезис более подробно.

Во-первых, «... все они (т.е. парадоксы. – В. Л.) проистекают из порочного круга некоторого вида», и во-вторых, этот порочный круг возникает при определенном предположении. Данное предположение состоит в том, что некоторый класс объектов может содержать в качестве элемента себя самого, взятого как единое целое. Таким образом, мы имеем совокупность индивидов, в которую входит как отдельный индивид, так и сама эта совокупность. Можно проиллюстрировать порочный круг, описанный в «Principia Mathematica» с помощью метафоры «Каталог». Допустим, директор библиотеки дает поручение своим сотрудникам составить каталог всех каталогов данной библиотеки. Сотрудники берут каталог периодических изданий, добавляют к нему каталог иностранной литературы, различные тематические каталоги и т.д. Поскольку поручение директора состояло в том, чтобы составить каталог *всех* каталогов, постольку в данный каталог должен войти и он сам, после того как будет составлен. Однако чтобы его составить и чтобы он смог войти в качестве элемента в себя самого, необходимо, чтобы он уже оказался законченным элементом, который можно использовать. Проще говоря, необходимо, чтобы он уже был составлен. Возникает парадоксальная ситуация. Для того чтобы что-то возникло, необходимо, чтобы оно уже существовало.

Основание подобного рода парадоксальности состоит в затруднении прояснения соотношения части и целого. Целое может быть образовано только тогда, когда даны все его части. Но если задано условие, в соответствии с которым одной из частей целого является

¹ Пуанкаре А. О науке. – М.: Наука, 1983. – С. 377.

оно само, то для того чтобы образовать целое, оно уже должно существовать. Попытка образовать целое в данном случае оказывается пустым занятием, потому что реализовать ее либо невозможно (если целое еще не образовано), либо не нужно (если оно и так уже есть). Невозможно составить каталог всех каталогов, ибо чтобы сделать это, необходимо, чтобы он уже существовал. Если же он уже существует, то поручение директора библиотеки оказывается просто бессмысленным.

Д. Гильберт и В. Аккерман, обсуждая расселовскую теорию типов в своей работе «Основы теоретической логики», по-своему проясняют принцип порочного круга, однако суть дела при этом не изменяется:

«... выражения, которые получают смысл лишь через отношение к совокупности высказываний (соответственно функций), в свою очередь причисляются к высказываниям или функциям, между тем как, с другой стороны, чтобы иметь возможность ссылаться на совокупность высказываний или функций, мы должны рассматривать последнюю как заранее определенную. Здесь перед нами, таким образом, нечто вроде логического круга, и мы имеем основание предполагать, что этот круг является причиной парадоксов»¹.

Основная цель данного параграфа состоит в попытке указать на ту достаточно курьезную ситуацию, в которую попадает, по крайней мере, один из авторов «Principia Mathematica» – Б. Рассел. Дело в том, что когда Б. Рассел в «Principia Mathematica» заявляет о порочном круге, возникающем в том случае, если целое становится своей частью, как об общем основании появления логических парадоксов, то это никак не согласуется с природой того парадокса, который он же сам ранее сформулировал в письме к Г. Фреге.

В предыдущем параграфе было рассмотрено содержание данного письма и зафиксированы парадоксы, эксплицитно и имплицитно представленные там, а именно парадокс образования предиката «быть предикатом, неприложимым к самому себе», парадокс класса всех стандартных классов, который впоследствии вошел в логическую литературу под названием «парадокс Рассела», и парадокс «Брадобрей», придуманный Расселом уже позже в качестве определенной метафоры парадоксов, сформулированных в вышеуказанном письме.

¹ Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики. М.: Изд-во иностр. лит., 1947. – С. 208–209.

Также было зафиксировано, что указанные выше парадоксы имеют одно общее свойство. В каждом из них осуществляется попытка обратить по отношению к себе самому некоторое свойство, имеющее какую-либо негативную характеристику. По сути, основанием возникновения парадоксов во всех этих случаях является то, что можно было бы назвать «негативной самореферентностью». Как только мы задаем вопрос о том, применимо ли к суждению, в котором задается негативное свойство по отношению к некоторым объектам, само это негативное свойство, возникает парадокс.

Однако данное основание парадоксальности никак не согласуется с тем, которое было сформулировано в «Principia Mathematica» как общее основание логических парадоксов. Парадоксальность класса всех стандартных классов возникает не на основе того, что этот класс уже должен существовать в качестве собственного элемента, чтобы быть образованным. Здесь дело не в проблеме части и целого, не в проблеме самого образования данного класса. Парадокс возникает позже, при попытке задать данному классу определенную характеристику. По сути, парадокс возникает уже на основании предположения, что данный класс построен. Мы предполагаем, что данный класс имеет место, и пытаемся определить, является он стандартным или нестандартным. В то время как в случае порочного круга при соотношении части и целого проблема состоит в том, чтобы класс, включающий себя самого, в принципе был построен. Парадоксальность характеристики класса всех стандартных классов возникает из-за того, что стандартный класс имеет негативное свойство – быть классом, *не* включающим себя самого. Тогда при попытке отдать отчет о классе всех классов, содержащих данное негативное свойство, возникает явление негативной самореферентности: мы не знаем, можно ли приписать это же свойство общему классу.

Разница в указанных основаниях парадоксальности хорошо видна на примере соотношения стандартных и нестандартных классов. Класс всех нестандартных классов не является парадоксальным в том смысле, в каком Б. Рассел считает парадоксальным класс всех стандартных классов. В самом деле, пусть класс всех нестандартных классов является нестандартным. В таком случае у нас нет оснований заключать, что мы тут же должны признать его стандартным. Класс всех нестандартных классов содержит в качестве элементов все возможные нестандартные классы. Если класс всех нестандарт-

ных классов мы признаем нестандартным, то он становится своим собственным элементом без каких-либо противоречий.

В то же время образование класса всех нестандартных классов может быть рассмотрено с точки зрения принципа порочного круга. Если класс всех нестандартных классов является нестандартным, то в качестве одного из своих элементов он должен содержать совокупность всех нестандартных классов, мыслимую как единое целое. В таком случае при построении данного класса мы уже должны допускать его существование, в результате чего возникает порочный круг в рассуждении.

Означает ли это, что принцип порочного круга в самом деле является более глубинным основанием парадоксальности, нежели принцип негативной самореферентности? Каким бы ни был ответ на этот вопрос, мы все же можем с определенностью утверждать, что парадокс класса всех стандартных классов, с точки зрения того, в чем именно Б. Рассел усматривал его парадоксальность, основывается именно на явлении негативной самореферентности, хотя и к построению данного класса применим критический аргумент, основывающийся на принципе порочного круга.

В современной логике распространенным является мнение, в соответствии с которым все логические парадоксы следует разделять на теоретико-множественные (логико-математические) и семантические (лингвистические). Данное различие восходит к Ф. Рамсею:

«Группа А (к которой относится и парадокс Рассела. – *В.Л.*) состоит из противоречий, которые, если против них не принять меры предосторожности, встречались бы в самих логических и математических системах. Они включают только логические или математические термины, такие как класс и число, и показывают, что здесь должна быть какая-то ошибка с нашей логикой или математикой. Но противоречия группы В (в которую попадают, например, парадокс ‘Лжец’ или парадокс ‘Гетерологическое’. – *В.Л.*) не являются чисто логическими и не могут быть сформулированы в одних логических терминах, ибо все они содержат некоторую отсылку к мысли, языку или символизму, которые являются не формальными, но эмпирическими терминами. Поэтому своим возникновением они могут быть обязаны не ошибочной логике или математике, но ошибочным идеям, касающимся мысли и языка»¹.

¹ Рамсей Ф. Основания математики // Рамсей Ф. Философские работы. – М: Канон+, 2011. – С. 38.

Выводы, которые мы делаем из анализа парадокса Рассела, могут позволить представить еще один аспект классификации парадоксов в дополнение к тем аспектам, которые были выделены Ф. Рамсе-ем. Теоретико-множественные парадоксы действительно, возникают на основании порочного круга, указанного в «Principia Mathematica», и введение ограничений на построение множеств в самом деле оказывается необходимым по данному основанию. Например, парадокс Кантора о множестве всех множеств может быть проанализирован с точки зрения принципа порочного круга. Однако так называемые семантические парадоксы возникают на совершенно ином основании. К ним вообще не применим принцип порочного круга, их основанием выступает явление негативной самореферентности. Парадокс «Лжец», который в формулировке У. Куайна выглядит следующим образом:

«...критянин Эпименид говорит, что все критяне лгут; следовательно, его высказывание должно, в случае истинности, быть ложным»¹,

наиболее красноречиво демонстрирует эту специфику семантических парадоксов.

Проблема Эпименида не в том, что он в своем суждении «Все критяне лгут» должен сделать предметом рассмотрения каждое конкретное суждение каждого конкретного жителя острова Крит, а также совокупность этих суждений, взятых как единое целое. Дело не в том, что Эпименид в принципе не может продуцировать суждение «Все критяне лгут», потому что должен включить в его предметную область свое собственное суждение и затем еще рассмотреть все эти суждения как единое целое. Речь здесь не идет ни о какой совокупности, рассматриваемой как отдельный элемент предметной области. Проблема заключается в попытке задать характеристику еще одному *конкретному* суждению, наряду с другими конкретными суждениями жителей острова Крит, а именно, суждению самого Эпименида «Все критяне лгут». В данном случае мы не говорим, что у нас возникает затруднение в продуцировании этого суждения. Скорее, у нас возникает затруднение в его оценке. В свою очередь, невозможность однозначной истинностной оценки данного суждения возникает, как уже было сказано, на основании явления негативной самореферентности. Эпименид в своем суждении приписывает каждому жителю острова Крит негативное свойство, а именно, все они *не* говорят

¹ Куайн У. Заметки по теории референции // Куайн У.В.О. С точки зрения логики. – М.: Канон+, 2010. – С. 191–192.

правду. И когда встает вопрос о том, можем ли мы приписать это же негативное свойство самому суждению Эпименида, то здесь и возникает парадокс.

Парадокс Рассела о классе всех стандартных классов с точки зрения такой аргументативной стратегии оказывается в особом положении. В нем могут быть усмотрены сразу два выделенных основания парадоксальности: порочный круг и негативная самореферентность. Коллизия, заключающаяся в несоответствии общего принципа парадоксальности, формулируемого в «Principia Mathematica», и способа формулировки парадокса класса всех стандартных классов состоит в том, что авторы «Principia Mathematica» делают акцент на порочном круге, характерном для теоретико-множественных парадоксов, тогда как парадокс Рассела формулируется скорее на основании негативной самореферентности, которая наиболее характерна для семантических парадоксов.

Вышеприведенные рассуждения указывают на то, что самореферентность может быть различной. Порочный круг, фиксируемый в понятии класса всех классов (множества всех множеств), тоже содержит самореферентность, но этот вариант самореферентности, допускающий смешение индивидов и классов, отличен от самореферентности, которая имеет место в семантических парадоксах¹. В семантических парадоксах происходит смешение высказываний (функций) различных порядков, которые, как правило, в том или ином виде включают в себя отрицание.

¹ См. подробнее об этом: *Суровцев В.А.* Ф.П. Рамсей и программа логицизма. Томск: Изд-во Томского университета, 2012.

Глава II

ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ РЕАЛИЗМА/АНТИРЕАЛИЗМА (РЕЛЯТИВИЗМА)

§ 1. Парадокс Ябло в контексте дискуссии реализма/антиреализма

«Спор реалистов и антиреалистов в эпистемологии идет почти на протяжении всей истории западной философии, особенно с 17 века, времени так называемого эпистемологического поворота. Сам предмет спора – имеет ли познание дело с существующей независимо от него реальностью или же с продуктами собственной деятельности – можно отнести к разряду вечных философских проблем»,

– пишет в одной из своих недавних публикаций В.А. Лекторский¹. К этой лаконичной и точной историко-философской оценке остается добавить только то, что данный спор не просто не теряет своей актуальности и сегодня, но, напротив, во многом определяет лицо современной философии. В данном параграфе осуществляется попытка оценить один из новейших результатов исследований в области логики парадоксов с точки зрения его применения к эпистемологической проблематике в контексте дискуссии реализма и антиреализма.

Логико-эпистемологические основания дискуссии реализма и антиреализма

В эпистемологическом смысле позиция реализма состоит в признании возможности адекватного постижения объективной реально-

¹ Лекторский В.А. Познание и сознание: дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии // Проблема сознания в философии и науке. – М., 2008. – С. 54.

сти и, соответственно, в формулировке безусловно истинных суждений о мире. Антиреализм, напротив, настаивает на невозможности для человеческого познания адекватно отразить факты объективной реальности и, соответственно, истинность любых суждений о мире считает лишь относительной, а именно, зависимой от многообразных факторов биологического, психологического, культурологического, лингвистического и т.п. характера. Наиболее радикальные антиреалисты утверждают даже то, что сами понятия истины и объективности больше не должны иметь статуса нормативных идей для познания вообще. В подобном духе высказывается, например, Р. Рорти:

«Эти философы (реалисты. – *В.Л.*) разделяют образ человеческих существ как машин, сконструированных (Богом или Эволюцией), среди прочих, для того, чтобы видеть вещи правильно. Прагматисты хотят освободить нашу культуру от такого самовосприятия...»¹.

Главный классический аргумент, который всегда выдвигался против антиреалистского (релятивистского, скептического) дискурса, имеет характер самоотнесенности или самореферентности. При помощи аргумента от самореферентности демонстрируется противоречивость антиреалистского дискурса. В традиции аналитической философии этот аргумент был выразительно проиллюстрирован Х. Патнемом в его экстравагантном мысленном эксперименте «Мозги в бочке»².

Мы можем представить себе мозг, который генерирует мыслительную деятельность, будучи помещенным в особый питательный раствор для поддержания его жизнедеятельности. Какая-либо связь с внешним миром у этого существа, будь то посредством чувственности или каких-либо других источников, отсутствует. Все данные, с которыми имеет дело мышление, возникшее в таком мозге, получены не из реальности, не от существующих объектов. Они представляют собой внутренние ментальные образы, за которыми стоят не объекты, а лишь определенная последовательность электрических сигналов, посылаемых в мозг при помощи подключенных к нему электродов, создающих иллюзию внешнего воздействия. Спрашивается, могло ли бы такое существо понять, что оно – мозги в бочке?

¹ *Rorty R.* Is Truth A Goal of Enquiry? Davidson Vs. Wright // *The Philosophical Quarterly.* – 1995. – Vol. 45, No. 180. – P. 292.

² *Патнем Х.* Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002. – С. 14–37.

Следуя мысли Патнема, мы должны дать отрицательный ответ на этот вопрос. Поскольку мозги в бочке, по определению, не могут иметь дело с объективной реальностью, постольку они никогда не смогут осознать, что они – мозги в бочке.

Очевидно, что данный аргумент может быть использован в качестве критики любого антиреалистского проекта. Если, например, такой антиреалист, как Рорти, считает, что истина есть лишь культурная конвенция того или иного вида, то либо этот философ вообще не сможет высказать предложение «Истина есть культурная конвенция», либо, если он все же высказывает его, такое предложение – «Истина есть культурная конвенция» – не будет указывать на то, что истина есть культурная конвенция.

Если принять в качестве допущения, что субъект познания в своей рациональной деятельности не способен высказывать предложения о фактах реальности, то он никогда не сможет построить с помощью предложений своего языка такую теорию, которая будет говорить о том, что субъект познания в своей рациональной деятельности не способен высказывать предложения о фактах реальности. Если бы антиреализм был прав, то мы никогда не смогли бы сформулировать позицию антиреализма. Если же, как мы видим, такая позиция все же имеет место быть, это означает либо то, что высказывание антиреалиста не говорит о том, о чем оно должно говорить, либо, что (и, скорее всего, происходит именно это) антиреалист оказывается непоследовательным, он опровергает свое собственное основание и высказывает самый что ни на есть реалистский тезис. Поэтому на заявления антиреалиста Рорти, подобные тому, которое было процитировано выше, Патнем совершенно справедливо замечает:

«...я думаю, что, несмотря на все внешнее оформление, в рассуждениях Рорти сохраняется попытка сказать, что с точки зрения Божественного Видения его (Божественного Видения) не существует»¹.

Попытка оправдания антиреализма на основе логических исследований: иерархический подход

Критика релятивизма со стороны Х. Патнема во второй половине XX века была убедительной, но не оригинальной. Демонстрация уязвимости релятивистских форм дискурса в опоре на явление само-

¹ Патнем Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. – М., 1998. – С. 490.

референтности восходит еще к Аристотелю¹. Более того, в ранней аналитической традиции мы можем обнаружить исследования, в которых уже осуществлялись попытки именно с логической точки зрения дать внятный ответ на классический критический аргумент в адрес антиреализма. В первую очередь, здесь следует отметить А. Уайтхеда и Б. Рассела, которые в «Principia Mathematica»², во-первых, заявили о том, что можно провести параллели между эпистемологической критикой в адрес скептических теорий и способами образования логических противоречий, и во-вторых, установили причину образования этих противоречий и, соответственно, предложили способ их преодоления.

Необходимой причиной образования противоречий Б. Рассел назвал явление самореферентности: «У всех указанных выше противоречий (которые суть лишь выборка из бесконечного числа) есть общая характеристика, которую мы можем описать как самореферентность или рефлексивность»³.

На уровне высказываний самореферентным можно считать такое высказывание, которое становится на место своего собственного логического субъекта. Имеем простое атрибутивное высказывание S есть P, помещаем на место S само это высказывание, получаем:

(S есть P) есть P.

Соответственно, решение парадоксов виделось в полном запрете на явление самореферентности как своего рода питательной среды для возникновения парадоксов. Именно данный запрет и предполагал иерархический подход в разработанной Б. Расселом теории типов. С точки зрения иерархического подхода все высказывания следует делить на различные логические типы, которые не должны смешиваться между собой. В частности, в рамках иерархического подхода невозможна ситуация подстановки высказывания на место собственного логического субъекта, ибо о данном конкретном высказывании может быть построено высказывание только уже более высокого логического типа, отличного от предыдущего.

Так, при помощи иерархического метода появлялась возможность разрешить, например, классический парадокс «Лжеца». Вы-

¹ Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. I. – М., 1976.

² Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Т. I. – Самара: Самарский университет, 2005. – С. 110.

³ Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык. – Томск, 2006. – С. 18.

сказывание критянина-стихотворца «Все критяне лгут»¹ не применимо к самому себе, ибо продуцируется на ином логическом уровне, нежели те высказывания, которые становятся предметом рассмотрения в нем самом.

Применение иерархического подхода к обсуждению проблем эпистемологии влечет за собой запрет на указанный выше классический аргумент против антиреализма. Высказывание антиреалиста «Все высказывания относительны» не является противоречивым, поскольку к нему самому в соответствии с иерархическим подходом не может быть применена та оценка, которая дается в нем всем иным высказываниям. Оценка абсолютности или относительности данного высказывания антиреалиста должна производиться на ином логическом уровне, нежели оценка относительности всех остальных высказываний. Таким образом, логически неправомерной следует признать не позицию антиреалиста, а скорее критику этой позиции, в которой используется аргумент от самореферентности.

Дискуссии вокруг иерархического подхода к решению логических парадоксов

Иерархический подход Рассела-Тарского к решению парадоксов стал общим местом в логике XX века. Подавляющее большинство энциклопедических работ трактуют данный подход как приемлемое решение проблемы логических парадоксов. Тем не менее в последние десятилетия данный подход нередко критикуется в литературе по философским проблемам логики и математики. Эту критику можно обнаружить, например, в работах таких авторов, как Т. Боландер², Д. Билл³, Г. фон Вригт⁴, Р. Андерсон⁵ и др. Мы рассмотрим подробно критические аргументы в адрес иерархического подхода в последующих параграфах, в параграфе 2 главы II и в параграфе 1 главы III. Сейчас же можно сказать, что главное недовольство иерархическим подходом со стороны современных логиков и филосо-

¹ Krunke C. Очерк теории истины // Язык, истина, существование. – Томск: Изд-во Томского университета, 2002. – С. 151–183.

² Bolander T. Self-Reference and Logic // ФNews. – 2002. – № 1. – P. 9–43.

³ Beall Jc. A Neglected Deflationist Approach to the Liar // Analysis. – 2001. – 61.2, April. – P. 126–129.

⁴ Вригт Г.Х. фон. Гетерологический парадокс // Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. – М., 1986. – С. 449–482.

⁵ Anderson A.P. St. Paul's Epistle to Titus // The Paradox of the Liar. – New Haven and London, 1970. – P. 1–11.

фов состоит в том, что он был слишком радикальным. Далеко не все виды самореферентности являются парадоксальными. Мы можем сформулировать большое число самореферентных высказываний, которые не содержат в себе чего-либо проблематичного в плане появления противоречий.

Однако, несмотря на весомые критические аргументы, иерархический подход имеет и своих сторонников в лице очень авторитетных философов XX века. Причем они даже усиливали позицию Б. Рассела. С точки зрения Рассела иерархия логических типов должна устанавливаться в качестве определенного методического шага в исследовании языка и мышления, тогда как, например, ранний Л. Витгенштейн («Логико-философский трактат», параграфы 3.332 и 3.333) говорит о том, что иерархия типов – это вообще не какой-то искусственный, изобретенный логиками методический прием. Иерархия внутренне присуща языку как таковому, она уже в нем содержится, а не вводится волевым усилием теоретика языка:

«Ни одно предложение не может высказывать нечто о себе самом, ибо знак-предложение не может содержаться в себе самом (это вся ‘теория типов’)»¹.

Когда мы помещаем функцию на место своего аргумента $F(F(x))$, то в данном случае нас вводит в заблуждение тот факт, что два знака F и F имеют одно и то же графическое изображение. Однако суть знака не в том, как он написан на бумаге, а в том, какое место он занимает в предложении. В случае смены места он уже изменяет свое значение, даже если его графическое изображение остается тем же самым. Таким образом, в формуле $F(F(x))$ имеются два различных знака F , а не один и тот же. При надлежащем логико-лингвистическом анализе мы видим, что язык сам по своей природе не допускает явления самореферентности безотносительно вопроса о том, приводит ли данное явление к парадоксам или нет:

«Функция потому не может быть своим собственным аргументом, что знак функции содержит образец ее аргумента; а этот образец не может включать сам себя. Предположим, например, что функция $F(fx)$ могла бы быть своим собственным аргументом; в таком случае существовало бы предложение ‘ $F(F(fx))$ ’, а в нем

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. – М., 1994. Ч. 1. – С. 16.

внешняя функция F и внутренняя функция F должны иметь разные значения, ибо внутренняя функция имеет форму $\phi(fx)$, а внешняя – $\psi(\phi(fx))$. Общей у обеих функций является только буква F , которая, однако, сама по себе ничего не обозначает...»¹.

Приведенные выше результаты логической дискуссии показывают, что вопрос о допустимости явления самореферентности оказывается по-прежнему открытым. Для эпистемологии этот факт означает, что классический аргумент в опровержение антреализма, опирающийся на явление самореферентности, повисает в воздухе, мы не можем дать однозначный ответ, является ли данный аргумент корректным с логической точки зрения или нет.

Парадокс С. Ябло

Однако в логической литературе последних десятилетий появляются исследования, которые дают нам возможность по-новому взглянуть на эпистемологическую дискуссию реализма и антиреализма. Так, в статье «Парадокс без самореферентности», опубликованной в 1993 году, Стивен Ябло² сформулировал «лжеподобный» парадокс, который вообще не содержал в себе самореферентности. Это позволило Ябло утверждать, что самореферентность не только не является достаточной причиной образования парадоксов (о чем уже говорили критики иерархического подхода), но не является даже и их необходимой причиной:

«Я заключаю, что самореферентность не является ни необходимым, ни достаточным условием парадокса Лжеца и подобных ему парадоксов»³.

Данный результат в области логики снова оказывается существенным при его экстраполяции на проблемы эпистемологии. По сути, Ябло утверждает, что для того, чтобы продемонстрировать парадоксальность определенного типа рассуждений, вообще нет нужды опираться на явление самореферентности. И этот факт побуждает нас к тому, чтобы поставить вопрос о возможности показать парадоксальность антиреализма даже в том случае, если мы вообще не будем использовать идею самореферентности. Такое исследование представляется актуальным,

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. – М., 1994. Ч. 1. – С. 16.

² Yablo S. Paradox without Self-reference // Analysis. – 1993. – 53. – P. 251–252.

³ Ibid. – P. 252.

поскольку в случае положительного решения данного вопроса мы можем ожидать формулировку нового эпистемологического аргумента для опровержения антиреализма, который не был представлен в дискуссии реализма и антиреализма ранее.

Для достижения поставленной задачи в области эпистемологии напомним сначала логическую формулировку парадокса С. Ябло, которую мы уже обсуждали в параграфе 2 Главы I:

«Вообразим бесконечную последовательность предложений S_1, S_2, S_3, \dots , каждое из которых утверждает, что любое последующее предложение не является истинным:

(S1) для всех $k > 1, S_k$ не является истинным.

(S2) для всех $k > 2, S_k$ не является истинным.

(S3) для всех $k > 3, S_k$ не является истинным.

Предположим, для образования противоречия, что некоторое S_n истинно. Допустим, S_n говорит, что для всех $k > n$ S_k не является истинным. Следовательно (а) S_{n+1} не является истинным, и (б) для всех $k > n+1, S_k$ не является истинным. Но (б) есть то, что фактически говорит S_{n+1} , и это противоречит (а), а именно S_{n+1} является истинным! Пусть каждое предложение S_n в данной последовательности не является истинным. Но тогда предложения, следующие за любым данным S_n , не являются истинными, и отсюда S_n истинно!»¹.

Эпистемологические следствия парадокса С. Ябло

Теперь попытаемся экстраполировать логическую аргументацию Ябло на область эпистемологии. В качестве мысленного эксперимента предположим существование бесконечного числа эпистемологов, которые занимают релятивистскую позицию. Пусть каждый из этих мыслителей высказывает тезис «Человек есть мера всех вещей», поэтому назовем таких философов условно Протагор (1), Протагор (2)... Протагор (N). Очевидно, что тезис Протагора легко преобразовать в положение радикального антиреалиста: «Все высказывания не являются безусловно истинными». Чтобы придать нашему рассуждению Ябло-форму, примем еще одно важное допущение. Пусть каждый из указанных мыслителей высказывается не о себе самом, а только о других эпистемологах, которые продуцируют свои высказывания вслед за ним.

¹ Yablo S. Paradox without Self-reference // Analysis. – 1993. – 53. – P. 251–252.

Протагор (1) продуцирует высказывание S1: «Для всех $k > 1$ Sk не является безусловно истинным».

Протагор (2) продуцирует высказывание S2: «Для всех $k > 2$ Sk не является безусловно истинным».

Протагор (N) продуцирует высказывание Sn: «Для всех $k > n$ Sk не является безусловно истинным».

Предположим, что высказывание некоторого Протагора (N) безусловно истинно. Тогда а) высказывание Протагора (N+1) не является безусловно истинным и б) высказывание Протагора (N+2) не является безусловно истинным. Но б) – это именно то, что говорит Протагор (N+1). Следовательно, высказывание Протагора (N+1) является безусловно истинным и не является безусловно истинным. Противоречие.

Предположим, что ни одно из высказываний Протагоров, в том числе и высказывание Протагора (N), не является безусловно истинным. Тогда безусловно истинным не являются высказывания Протагора (N+1), Протагора (N+2) и т.д. Но это именно то, что говорит Протагор (N). Следовательно высказывание Протагора (N) является безусловно истинным и не является безусловно истинным. Противоречие.

С какой бы посылки мы ни начинали, мы приходим к противоречию. Рассуждение с использованием высказываний радикальных антиреалистов оказывается строго парадоксальным, несмотря на то что обоснование его парадоксальности осуществляется без опоры на явление самореферентности.

На основании вышесказанного мы заключаем, что к антиреализму могут быть применены два критических аргумента. Классический аргумент опирается на явление самореферентности. Однако если в контексте логических исследований XX века мы сделаем вывод, что данный аргумент оказывается спорным с логической точки зрения, то у нас в запасе оказывается еще один, новый аргумент, который ранее не встречался в дискуссии реализма и антиреализма. Этот аргумент основан на экстраполяции логического парадокса Ябло на область эпистемологии. Мы можем показать, что антиреализм оказывается парадоксальным теоретическим построением даже в том случае, если для демонстрации его парадоксальности мы не опираемся на явление самореферентности.

§ 2. Логика и эпистемология: логические основания эпистемологической критики релятивизма

Классический аргумент в опровержение релятивизма

Первый развернутый вариант эпистемологической критики релятивизма был дан Платоном в диалоге «Тезет». В качестве резюме главного критического аргумента платоновского Сократа можно привести следующий отрывок из диалога:

«СОКРАТ. Знаешь ли, Феодор, чему дивлюсь я в твоём друге Протагоре?»

ФЕОДОР. Чему?

СОКРАТ. ... с какой же стати, друг мой, Протагор оказывается таким мудрецом, что даже считает себя вправе учить других за большую плату, мы же оказываемся невеждами, которым следует у него учиться, если каждый из нас есть мера своей мудрости?»¹.

Суть платоновской аргументации состоит в демонстрации непоследовательности, самоотрицания или самопротиворечивости позиции релятивизма. Если Протагор утверждает, что любое суждение истинно только относительно того или иного конкретного человека, ибо «каждый из нас есть мера своей мудрости», то как быть с самим этим релятивистским тезисом? Если Протагор «считает себя вправе учить других за большую плату» этому основополагающему утверждению, то само позиционирование данного утверждения вступает в противоречие с его содержанием. Протагор с абсолютной достоверностью, не допускающей какой-либо релятивизации, утверждает тезис об относительном характере любой истины.

Вслед за Платоном классический аргумент в опровержение релятивизма повторил Аристотель в «Метафизике»² и Фома Аквинский, анализирувавший исследования Аристотеля в «Комментарии к Метафизике»³.

В современной философии этот классический аргумент использовали такие известные философы, как Э. Гуссерль в «Логических

¹ Платон. Тезет // Платон. Соч.: в 4 т. – Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. Фрагмент 161e.

² Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч.: в 4 т. – Т. 1. М.: Наука, 1976.

³ Thomas Aquinas. Commentary on the Metaphysics. – Chicago, 1961.

исследованиях»¹, критиковавший позицию психологизма в логике, и Х. Патнем в работе «Разум. Истина. История»², представивший в качестве критики релятивизма мысленный эксперимент «Мозги в бочке».

В эпистемологических дискуссиях последних десятилетий данный аргумент снова появляется в исследованиях К. Кордига³, критикующего теорию онтологической относительности У. Куайна⁴, и Х. Сигэла⁵, высказывающего критику в адрес таких современных релятивистов, как Х. Браун⁶, Д. Миланд⁷ и Х. Филд⁸.

Предпосылка логического характера для классического аргумента

Несмотря на свою многовековую историю и столь авторитетных адептов, классический аргумент в опровержение релятивизма строится на основании одной важной логической предпосылки, имеющей, как правило, латентный характер, а именно, предпосылки существования семантически замкнутого языка, в рамках которого возможно построение так называемых самореферентных высказываний.

Высказывание

«S есть P»

является самореферентным в том случае, если оно становится на место собственного логического субъекта:

«(S есть P) есть P».

Данную предпосылку принимает как само собой разумеющееся платоновский Сократ, «замыкая» тезис релятивизма на него самого и

¹ Гуссерль Э. Логические исследования. Прологомены к чистой логике // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994. – С. 175–353.

² Патнем Х. Разум, истина и история. – М.: Практикс, 2002.

³ Kordig C. Self-Reference and Philosophy // American Philosophical Quarterly. – 1983. – Vol. 20, No. 2. – P. 207–216.

⁴ Куайн У. Онтологическая относительность // Современная философия науки. – М., 1996. – С.40–61.

⁵ Siegel H. Relativism, Truth and Incoherence // Issues in Epistemology. – 1986. – 68, No. 2. – P. 225–259.

⁶ Brown H. For a Modest Historicism // The Monist. – 1977. – 60. – P. 540–555.

⁷ Meiland J. Is Protagorean Relativism Self-Refuting // Grazer Philosophische Studien. – 1979. – 9. – P. 51–59.

⁸ Field H. Realism and Relativism // The Journal of Philosophy. – 1982. – 79. – P. 553–567.

таким образом обосновывая его самопротиворечивость. Эту же процедуру проделывает и Аристотель. Э. Гуссерль нигде не проблематизирует логическое основание самого типа аргументации, которую он применяет в опровержение психологизма (эпистемологического релятивизма) в логике. Критики релятивизма в конце XX века продолжают опираться на платоновский аргумент, не замечая каких-либо проблем в его основании. Характерным примером здесь может служить суждение Х. Сигэла:

«Основное сократовское прозрение, что релятивизм отрицает самого себя и потому оказывается непоследовательным, остается фундаментальной трудностью для тех, кто мог бы возродить и защищать античную доктрину Протагора или ее современный вариант»¹.

На языке современной эпистемологии классический аргумент в опровержение релятивизма, основанный на явлении самореферентности, выглядит следующим образом. Имеется высказывание релятивиста:

(S) «Любое высказывание относительно».

Если данное высказывание поставить на место его собственного логического субъекта (поскольку оно тоже представляет собой одно из высказываний), то получим:

(S₁) «S относительно».

Последовательный релятивист должен приписывать предикат «быть относительным» и своему собственному высказыванию, лишая его претензии на безусловную истинность. Если же релятивист по примеру Протагора высказывает данный тезис с убеждением в своей абсолютной правоте, то он оказывается в позиции, противоречащей содержанию этого тезиса.

Вопрос о семантически замкнутом языке в современной логике

Однако в современной логике вопрос о возможности семантически замкнутого языка не имеет столь очевидного, как это кажется эпистемологам, положительного ответа. Напротив, одни из наиболее авторитетных логических теорий XX века давали однозначный от-

¹ Siegel H. Relativism, Truth and Incoherence // Issues in Epistemology. – 1986. – 68, No. 2. – P. 253.

рицательный ответ на данный вопрос. Это теория типов Б. Рассела¹ и семантическая теория метаязыков А. Тарского². С точки зрения данных концепций логически последовательный семантически замкнутый язык невозможен. И Б. Рассел, и А. Тарский устанавливали запрет на семантически замкнутый язык, блокируя возможность формулировки самореферентных высказываний и тех видов рассуждений, в которых данные высказывания могли бы быть использованы.

Если эпистемология будет ориентироваться на результаты исследований Б. Рассела и А. Тарского, то аргументацию «от самореферентности» нужно будет признать некорректной с логической точки зрения, и, таким образом, классический аргумент в опровержение релятивизма платоновского Сократа нужно будет признать недействительным. В «Principia Mathematica» Б. Рассел эксплицитно указывает на связь своих логических исследований с проблемами эпистемологии³. Некорректным, исходя из данного типа аргументации, следует считать не Протагора, а скорее платоновского Сократа, который использует запрещенный логический прием.

Не факт, что эпистемология должна принять логическую позицию Рассела-Тарского, но очевидно то, что она должна с этой позицией считаться, чтобы не выглядеть наивной. Классический аргумент в опровержение релятивизма больше не может репродуцироваться в его изначальной платоновской форме без обсуждения тех логических оснований, на которых он строится.

Таким образом, эпистемологическая критика релятивизма должна содержать в качестве своей интегральной части рассмотрение вопроса о возможности последовательного семантически замкнутого языка. Если эпистемолог хочет и впредь пользоваться аргументом «от самореферентности» платоновского типа, то он должен в ходе дискуссии логического характера с представителями иерархического подхода Рассела-Тарского показать, что последовательный семантически замкнутый язык возможен.

¹ Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык. – Томск, 2006. – С. 16–62.

² Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. – Oxford: Oxford University Press, 1956. – P. 152–278.

³ Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Т. I. – Самара: Самарский университет, 2005. – С. 110.

Семантически замкнутый язык и логические парадоксы

В логике XX века вопрос о семантически замкнутом языке возникает в связи с проблемой логических парадоксов. В 1902 г. Б. Рассел написал Г. Фреге письмо, в котором указывал на логические затруднения, возникающие при отсутствии каких-либо ограничений на образование множеств (классов):

«Вы утверждаете, что функция может быть неопределяемым элементом. Я тоже так считал, но теперь этот взгляд кажется мне сомнительным из-за следующего противоречия: Пусть w будет предикатом ‘быть предикатом, не приложимым к самому себе’. Приложим ли w к самому себе? Из любого ответа вытекает противоречие. Стало быть, мы должны заключить, что w не является предикатом. Также не существует класса (как целого) тех классов, которые, как целое, не являются членами самих себя. Отсюда я заключаю, что при определённых обстоятельствах определяемое множество не образует целого»¹.

Так был сформулирован парадокс, который в дальнейшем в логической литературе называли парадоксом множества всех непредикативных множеств или парадоксом класса всех стандартных классов. Существуют два вида классов: стандартные и нестандартные. Стандартным называется класс, который не включает себя самого в качестве собственного элемента. Например, класс всех яблок является стандартным. Он включает в себя конкретные объекты материального мира – яблоки, но не включает в качестве собственного элемента себя самого, поскольку класс всех яблок сам яблоком уже не является. Таких классов подавляющее большинство: класс всех людей, класс всех деревьев, класс всех столов и т.д. Поэтому они и именуются стандартными. Однако существуют и специфические, нестандартные классы. Нестандартным называется класс, который включает себя самого в качестве собственного элемента. Например, класс всех предметов, не являющихся яблоками, является нестандартным. Он включает в себя все предметы, не являющиеся яблоками, а именно людей, деревья, столы и т.д. Но при этом и сам класс предметов, не являющихся яблоками, также может быть рассмотрен как предмет, не являющийся яблоком. Поэтому данный класс включает себя самого в качестве собственного элемента.

¹ Frege G. *Philosophical and Mathematical Correspondence*. – Oxford: Basil Blackwell, 1980. – С. 130–131.

Б. Рассел видит проблему в образовании класса всех стандартных классов. Класс всех классов, не являющихся членами самих себя, оказывается противоречив в том смысле, что по отношению к нему мы с одинаковой претензией на истинность можем употребить два противоречащих друг другу суждения. Истинным является как суждение «Класс всех стандартных классов есть стандартный класс», так и противоречащее ему «Класс всех стандартных классов есть нестандартный класс». Если мы допустим, что класс всех стандартных классов стандартен, то он должен стать членом самого себя, ведь это класс, включающий в себя все возможные стандартные классы. Но в таком случае, мы приходим к выводу, что этот класс является нестандартным. Если мы допустим, что класс всех стандартных классов является нестандартным, то мы должны рассмотреть его в качестве члена себя самого. Но членами данного класса являются только стандартные классы, и поэтому мы приходим к выводу, что данный класс тоже является стандартным.

А. Тарский не предлагает нового парадокса, как Б. Рассел, а просто рассматривает классический «парадокс Лжеца» в современной формулировке:

«Мы дадим очень простую формулировку этой антиномии благодаря Я. Лукасевичу.

Для большей ясности мы будем использовать символ ‘*c*’ как печатную аббревиатуру выражения ‘*предложение, напечатанное на этой странице, в строке 5 сверху*’. Рассмотрим теперь следующее предложение:

c не является истинным предложением

(данное предложение в исходном тексте напечатано на прочитываемой странице именно на 5 строке сверху. – В.Л.).

Принимая во внимание значение символа ‘*c*’, мы можем эмпирически установить:

(α) ‘*c не является истинным предложением*’ тождественно *c*.

Для взятого в кавычки имени предложения *c* мы вводим разъяснение типа 2) (речь идет о представленном выше в статье А. Тарского разъяснении употребления предиката истины посредством формулировки предложений эквивалентности. – В.Л.):

(β) ‘*c не является истинным предложением*’ является истинным предложением тогда и только тогда, когда *c не является истинным предложением*.

Посылки (α) и (β), взятые вместе, тут же дают противоречие:

с является истинным предложением тогда и только тогда, когда с не является истинным предложением»¹.

Основополагающей причиной возникновения парадоксов и Б. Рассел, и А. Тарский называют явление «замыкания» языка на самом себе, когда высказывание, взятое целиком, помещается на место логического субъекта самого этого высказывания. Б. Рассел обозначает это явление как «самореферентность»:

«У всех указанных выше противоречий (которые суть лишь выборка из бесконечного числа) есть общая характеристика, которую мы можем описать как самореферентность или рефлексивность»².

А. Тарский называет такой замкнутый язык «универсальным языком»:

«... семантические антиномии... доказывают, что любой универсальный язык, в котором соблюдаются обычные законы логики, должен быть непоследовательным»³.

Соответственно, решение логических парадоксов и Б. Расселу, и А. Тарскому виделось в устранении той основополагающей причины, которая эти парадоксы порождает. Оба логика разрабатывают специфические концептуальные построения, которые позволяют «размыкать» язык.

На уровне классов (множеств) данная методика работает следующим образом:

«Общность классов в мире не может быть классом в том же самом смысле, в котором последние являются классами. Так мы должны различать иерархию классов. Мы будем начинать с классов, которые всецело составлены из индивидов, это будет первым типом классов. Затем мы перейдём к классам, членами которых являются классы первого типа: это будет второй тип. Затем мы перейдём к классам, членами которых являются классы второго типа; это будет третий тип и т.д. Для класса одного типа никогда невозможно быть или не быть идентичным с классом другого типа»⁴.

¹ *Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. – Oxford: Oxford University Press, 1956. – P. 164–165.*

² *Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык. – Томск, 2006. – С. 18.*

³ *Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. – Oxford: Oxford University Press, 1956. – P. 164–165.*

⁴ *Рассел Б. Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999. – С. 90.*

Это позволяет найти решение «парадокса Рассела», а именно, само предположение о нестандартности класса всех стандартных классов, с точки зрения расселовской теории типов, признается логически некорректным, ибо в рамках данной теории невозможна ситуация, когда класс становился бы собственным элементом.

На уровне высказываний суть иерархического подхода сводится к следующему:

«...истинностная оценка должна релятивизироваться относительно типа высказанных утверждений. Любое утверждение о высказываниях n -го типа само будет относиться к $n+1$ типу и не должно включаться в класс оцениваемых высказываний»¹.

Это позволяет решить семантические парадоксы, подобные «парадоксу Лжеца», а именно, предикат истины для предложения (высказывания) «Это предложение не является истинным» используется в ином логическом смысле термина «истинный», нежели тот, что используется внутри указанного предложения. Вопрос об истинности предложений того или иного языка нельзя сформулировать в этом языке. Чтобы поставить данный вопрос, необходимо перейти на уровень метаязыка. Поэтому из предположения, что предложение «Это предложение не является истинным» истинно, мы не получаем противоречия. Данное предложение является истинным в одном логическом смысле и не является истинным в другом.

С точки зрения эпистемологии запрет на семантически замкнутый язык означает, как уже было установлено ранее, запрет на использование аргумента платоновского Сократа для критики релятивизма, поскольку данный аргумент основывался на допущении семантически замкнутого языка. И поскольку запрет на семантически замкнутый язык возникает в связи с необходимостью решения проблемы логических парадоксов, постольку, если ставить задачу сохранить для эпистемологии аргумент платоновского Сократа, необходимо показать, что возможно иное решение логических парадоксов, отличное от решения иерархического подхода Рассела-Тарского. Это решение должно быть таким, в рамках которого блокируются парадоксы при сохранении семантически замкнутого языка.

Иное решение логических парадоксов уместно предложить после критического отношения к существующему решению Рассела-Тарского.

¹ *Суровцев В.А.* Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 59.

Недостатки иерархического подхода Рассела-Тарского

Иерархический подход к решению парадоксов, без сомнения, стал ортодоксальным в логике XX века. В большинстве энциклопедических работ и учебников по логике именно данный подход до сих пор трактуется как приемлемое решение проблемы логических парадоксов. Однако в современной исследовательской литературе иерархический подход все чаще подвергается критике. В частности, говорится о том, что Б. Рассел слишком демонизировал роль самореферентности. Можно привести примеры самореферентных высказываний, которые не влекут за собой логических противоречий. Так, Т. Боландер различает понятия “порочной самореферентности” и “невинной самореферентности”:

«Самореферентность, которая ведет к парадоксам, мы называем *порочной самореферентностью*, а самореферентность, которая этого не делает, мы называем *невинной самореферентностью*»¹.

Д. Билл обсуждает понятие «truth-teller», что можно было бы перевести как «правдолюбец», для описания самореферентного высказывания с положительным предикатом истины². Этот пример показателен тем, что как только мы в формулировке «Лжеца» заменим отрицательный предикат истины на положительный, угроза парадокса сразу же исчезает. На это же обращает внимание и Т. Боландер:

«Можно показать, что самореферентность может быть порочной только тогда, когда она включает отрицание или что-то эквивалентное ему (такое, как ‘нет’)»³.

Г. фон Вригт вводит термин «существенная отрицательность» для характеристики тех форм рассуждений, включающих отрицание, которые приводят к образованию парадоксов. По этому признаку фон Вригт объединяет известные парадоксы, основанные на явлении самореферентности:

«Можно сказать, что антиномии Греллинга, Рассела и Лжеца устанавливают или демонстрируют ‘существенную отрицательность’ некоторых понятий»¹.

¹ Bolander T. Self-Reference and Logic // ФNews. – 2002. – № 1. – P. 24.

² Beall Jc. A Neglected Deflationist Approach to the Liar // Analysis. – 2001. – 61.2, April. – P. 126.

³ Bolander T. Self-Reference and Logic // ФNews. – 2002. – № 1. – P. 24.

Таким образом, можно заключить, что к явлению самореферентности следует подходить более аккуратно. Нет сомнений в том, что самореферентность, включающая отрицание, сразу создает опасность логического тупика для мышления, что демонстрируют указанные фон Бриггом парадоксы. Но рассуждения, основанные на явлении самореферентности, в которых отрицание отсутствует, никаких проблем для последовательного мышления не создают. И если к этому еще прибавить мнения тех, кто считает, что самореферентность является важной идеей для развития теоретических построений в науке, в частности в логике, а такова, например, позиция А. Андерсона:

«Затруднение такой позиции (имеется в виду полный запрет на самореферентность как способ устранения парадоксов. – В.Л.) состоит в том, что некоторые из самых глубоких доказательств в логике включают самореферентность (в том смысле, который необходим для достижения абсолютной ясности)...»²,

то можно заключить, что иерархический подход к решению парадоксов – это слишком грубая работа в методологическом отношении.

Американский логик Ф. Фитч, указывает еще на один важный недостаток иерархического подхода посредством демонстрации того, что теория типов Б. Рассела сама может быть построена только на основании предпосылки универсального, семантически замкнутого языка, запрет на который она стремилась установить. Ф. Фитч утверждает, что теория типов

«...не может приписать тип значению слова ‘тип’, хотя она должна это делать, если эта теория касается всех значений. Проще говоря, нет ‘порядка’... который можно приписать пропозиции обо всех пропозициях, поэтому нет порядка, который можно приписать пропозиции, устанавливающей... теорию типов»³.

¹ Бригг Г.Х. фон. Гетерологический парадокс // Бригг Г.Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. – М., 1986. – С. 447.

² Anderson A.P. St. Paul's Epistle to Titus // The Paradox of the Liar. – New Haven and London, 1970. – P. 8.

³ Fitch F. Self-Reference in Philosophy // Mind. – 1946. – Vol. 55, No. 217. – P. 71.

Подобного рода аргумент высказал и Х. Патнем¹ уже в отношении семантической концепции А. Тарского. Этот аргумент стал известен под названием «аргумента красных чернил». Если красными чернилами записываются правила для всех возможных языков, высказывания которых записаны чернилами всех иных известных цветов, то каким цветом будут записываться правила для языка красных чернил? Если красным (поскольку чернил иного цвета у нас уже больше нет), то сам этот язык оказывается замкнутым на самом себе, т.е. самореферентным.

Наконец, Р. Мартин, во-первых, указывает на то, что иерархический подход не согласуется со здравым смыслом:

«Моя позиция на настоящий момент состоит только в том, что вопрос о способности естественных языков выражать свою собственную семантику (т.е. вопрос о семантически замкнутых языках. – *В.Л.*) – это важный вопрос, по отношению к которому имеющийся ортодоксальный ответ (т.е. ответ в рамках иерархического подхода. – *В.Л.*) в поразительной степени контринтуитивен»².

И, во-вторых, он замечает, что данный подход выглядит слишком тривиальным:

«Конечно, отказ от самореферентности делает возможным ввести предикат истины или предикат выполнимости безнаказанно, но это не единственный путь, и, определенно, это не самый естественный и интересный путь»³.

Критические аргументы Р. Мартина лучше всего проиллюстрировать на примере эпистемологической проблематики. Если эпистемолог в своей концепции продуцирует высказывание о том, какую истинностную оценку следует приписывать теоретическим высказываниям, то в соответствии с иерархическим подходом при критической оценке данной концепции запрещается ставить вопрос об истинности самого этого высказывания в том же смысле, в каком это высказывание эпистемолога говорит об истинности теоретических высказываний. Очевидно, что данный запрет выглядит по меньшей мере странным с точки зрения здравого смысла, ибо как мы можем всерьез относиться к работе пред-

¹ Патнем Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). – М.: ДИК, 1998. – С. 466–494.

² Martin R. Are Natural Languages Universal? // Synthese. – 1976. – Vol. 32, No. 3/4. – P. 272.

³ Ibid. – P. 275.

полагаемого эпистемолога, что-то утверждающего об истинности теоретических высказываний, если даже его собственная концепция, состоящая из такого рода высказываний, уже не подпадает под действие тех тезисов, которые в ней устанавливаются. Разве этот эпистемолог может сказать что-то достоверно истинное о других концепциях, если он не в состоянии высказаться достоверно даже о своей собственной концепции? Решить же данную проблему с помощью методики, которая позволяет просто ее не замечать, – слишком тривиально.

Трудности в установлении фундаментальной причины логических парадоксов

Ранее автором данной монографии была предложена теоретическая разработка, обозначенная как «формальный реализм»¹, в рамках которой фундаментальной причиной логических парадоксов называлось явление отрицательной самореферентности.

Если парадоксы порождает именно отрицательная самореферентность, то нет нужды выносить полный запрет на самореферентность как таковую (т.е. на семантически замкнутый язык в целом), следует уточнить, какие виды самореферентных рассуждений могут быть признаны логически корректными, а какие нет. Формальный реализм предложил оставить в арсенале логически корректных форм теоретического дискурса те, которые содержат положительную самореферентность, признав несостоятельными лишь рассуждения с отрицательной самореферентностью.

Однако российский логик В.О. Лобовиков в своей работе «Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Геделя о неполноте и юридические фикции как важный компонент юридической техники»² поставил под сомнение тезис формального реализма о том, что именно отрицательная самореферентность является причиной возникновения логических противоречий:

«Отвергая гипотезу, что причиной логической противоречивости автореферентных парадоксов является их автореферентность как таковая, некоторые исследователи (например, В.А. Ладов в интегральной монографии ‘Формальный реализм’) выдвигают гипотезу, что

¹ Ладов В.А. Формальный реализм. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011.

² Лобовиков В.О. Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Геделя о неполноте и юридические фикции как важный компонент юридической техники // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. – № 2 (49). – С. 53–57.

причиной логической противоречивости автореферентных парадоксов является их *негативная* автореферентность. Таким образом, с 'самой по себе' автореферентности вообще обвинение и даже подозрение снимается, 'круг подозреваемых сужается'. Теперь в качестве эффективного средства против обсуждаемого вида парадоксов предлагается воздерживаться от любых актов *отрицательной* самоприменимости. Но не является ли такое предложение тоже весьма грубым, чересчур радикальным средством (достаточным, но не необходимым условием) устранения парадоксов обсуждаемого вида? Всякое ли негативное автореферентное высказывание представляет собой формально-логическое противоречие?»¹.

Далее автор указанной работы приводит формулировку первой теоремы Геделя как пример непротиворечивого предложения, содержащего отрицательную самореферентность. В формальной записи предложение Геделя выглядит следующим образом:

$$\omega \equiv \neg(s \mid \omega),$$

где s – формальная арифметическая теория, ω – формула (предложение) в рамках s , такая, что она недоказуема в s .

Предложение Геделя является самореферентным, ибо на вопрос, а какое именно предложение является недоказуемым в s , можно указать на следующее предложение: «Имеется предложение, такое, что оно недоказуемо в s », т.е. геделевским предложением оказывается сама ω , указывающая на себя самое. Если самореферентное предложение «Имеется предложение, такое, что оно недоказуемо в s » истинно, то оно недоказуемо в s .

Самореферентное предложение Геделя содержит отрицание «не является доказуемым» и, тем не менее, оно непротиворечиво. Отсюда автор рассматриваемой работы делает вывод о том, что явление отрицательной самореферентности нельзя считать подлинным основанием логических противоречий, поскольку можно привести, по крайней мере, один пример (первая теорема Геделя) непротиворечивого предложения, содержащего отрицательную самореферентность.

Рассмотренный критический аргумент по отношению к концепции формального реализма имеет важное значение. Он еще раз акцентирует наше внимание на том, сколь сложной оказывается проблема поиска

¹ Лобовиков В.О. Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Геделя о неполноте и юридические фикции как важный компонент юридической техники // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. – № 2 (49). – С. 54.

основания логических противоречий. Сталкиваясь с этой проблемой, мы оказываемся в некоем диссипативном предметном поле, вместо однозначного основания, под которое можно было бы подвести все имеющиеся противоречия, перед нами только лишь россыпь отдельных, несводимых к единому основанию явлений, порождающих антиномии. Для описания данной ситуации можно также воспользоваться термином позднего Л. Витгенштейна «семейное сходство»¹. Один парадокс в каком-то специфическом отношении похож на второй, но не похож на третий. Второй похож на третий уже в ином специфическом отношении, но в этом отношении не похож на первый и т.д. Схожесть между парадоксами есть, но единого, универсального основания нет.

При иерархическом подходе считается, что основанием парадоксов выступает самореферентность. Тем не менее, не все самореферентные высказывания противоречивы. С точки зрения формального реализма можно предположить, что основанием парадоксов выступает отрицательная самореферентность, однако первая теорема Геделя дает нам пример непротиворечивого высказывания, содержащего отрицательную самореферентность. Предположение о том, что только отрицание с предикатом истины в самореферентной среде приводит к противоречиям, как в случае с «парадоксом Лжеца», тоже придется отвергнуть, ибо мы вспоминаем «парадокс Рассела», где речь идет о классе всех классов, которые не являются собственными элементами. Здесь имеется самореферентность (когда мы ставим вопрос, является ли этот класс собственным элементом), имеется отрицание, но нет предиката истины. Венчает этот концептуальный хаос сформулированный американским логиком С. Ябло в конце XX века так называемый «парадокс Ябло»², который содержит отрицательный предикат истины, но вообще не предполагает явление самореферентности, что позволило С. Ябло заявить: «Я заключаю, что самореферентность не является ни необходимым, ни достаточным условием парадокса Лжеца и подобных ему парадоксов»³.

Парадокс Ябло возникает на основании циклов двойной референции, которые содержатся в его формулировке (формулировку парадокса Ябло см. в параграфе 2 Главы I и в параграфе 1 Главы II).

Поскольку о предложении S_{n+2} говорят сразу два предложения, а именно, S_n и S_{n+1} , постольку предложение S_{n+1} оказывается

¹ *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – М., 1994

² *Yablo S.* Paradox without Self-reference // *Analysis*. – 1993. – 53. – P. 251–252.

³ *Ibid.* – P. 252.

и истинным (т.е. говорит, что S_{n+2} не является истинным), и ложным (на основании изначального допущения, что S_n говорит о ложности всех S_k , таких, что $k > n$). Данные циклы двойной референции повторяются далее на каждом шаге бесконечной последовательности предложений Ябло.

Решение логических парадоксов в интуиционистской и паранепротиворечивой логиках

Если признать верной гипотезу, что единого фундаментального основания логических парадоксов вообще не существует, то тогда для их решения понадобится принципиально иная методология, которая уже не ориентируется (как это имело место и в иерархическом подходе, и в концептуальной разработке формального реализма) на поиск и устранение фундаментального основания.

Один из таких методов предлагает Ф. Фитч. Как уже было отмечено выше, этот американский логик критикует иерархический подход и является сторонником концепции семантически замкнутого языка. Ф. Фитч утверждает, что идея семантически замкнутого языка является одной из наиболее важных для философии. Философия в силу своей специфики обязана пользоваться именно семантически замкнутым языком, поскольку она строит концепции максимально возможного уровня общности:

«Характерная черта философии состоит в том, чтобы дотянуться до этого максимального уровня и быть способной использовать самореферентные виды рассуждения, которые возможны на этом уровне»¹.

Для того чтобы сохранить семантически замкнутый язык и решить при этом проблему логических парадоксов, Ф. Фитч предлагает путь, который характерен для математического интуиционизма и интуиционистской логики:

«В *Символической логике*, 1952, внедрены многие из свойств его (т.е. Ф. Фитча. – В.Л.) базисной логики. Эта работа также включает отношение к модальной логике, как и детальное сравнение с интуиционизмом Гейтинга, к которому его исследования имеют близость»².

Этот путь предполагает отказ от логического закона исключенного третьего:

¹ *Fitch F.* Self-Reference in Philosophy // *Mind*. – 1946. – Vol. 55, No. 217. – P. 69.

² *Marcus R. F.B.* Fitch 1908 – 1987 // *Proceedings and Addresses of American Philosophical Association*. – 1988. – Vol. 61, No. 3. – P. 552.

«В заключение следует отметить, что вид отрицания, используемый в системе С-дельта, представляет собой *ограниченный* вид отрицания, ограниченный в том смысле, что в отношении него не действует принцип исключенного третьего, этот специфический ограничитель состоит в том, что пропозиция может не быть истинной, но также может и не отрицаться (т.е. не быть ложной)»¹.

В случае отказа от закона исключенного третьего мы просто лишаемся возможности сформулировать парадоксы, например, строгий «парадокс Лжеца». Рассмотрим высказывание:

«Это высказывание ложно».

При допущении его истинности мы должны сделать вывод о его ложности. Но при допущении его ложности мы не должны с необходимостью делать вывод о его истинности, поскольку принцип бивалентности (из-за устранения закона исключенного третьего) здесь уже не действует. Если высказывание «Это высказывание ложно» ложно, то отсюда не следует, что оно истинно. Данное высказывание может быть неопределенным (ни истинным, ни ложным).

В паранепротиворечивой логике Г. Прист² постулирует отказ от закона недопущения противоречия. В этом случае мы можем фиксировать парадоксальные рассуждения, содержащие противоречия, но не в состоянии указать на проблематичность подобного рода рассуждений, ибо представление о противоречии как о логически недопустимой для мышления ситуации в такой логике просто отсутствует.

По отношению к подобного рода попыткам разрешить проблему логических парадоксов можно сформулировать два критических аргумента.

Во-первых, такая методика представляется чересчур тривиальной. Попытка разрешить проблему логических парадоксов просто указанием на то, что парадоксы больше не будут рассматриваться в качестве проблемы, в большей степени похожа на уход от проблемы, нежели на ее решение. Такая попытка искусственно упрощает проблемную ситуацию даже в большей степени, нежели иерархический подход, который в парадоксах также видел псевдопроблему, связанную с логической «грубостью» естественного языка. И Б. Рассел,

¹ Fitch F. Universal Metalanguages for Philosophy // The Review of Metaphysics. – 1964. – Vol. 17, No. 3. – P. 401.

² Priest G. Truth and Contradiction // The Philosophical Quarterly. – 2000. – Vol. 50, No. 200. – P. 305–319.

и А. Тарский, пытаясь решить проблему парадоксов, все же оставались в рамках классической логики, сохраняя ее основные законы.

Во-вторых, отказ от основных законов классической логики ставит принципиальный для эпистемологии вопрос о границах рациональной деятельности в целом. Если логические противоречия больше не будут выступать той демаркационной линией, по которой последовательное рациональное мышление отличается от иррациональных проявлений психики человека, то какой тогда смысл будет вкладываться в понятие рациональности? Не потеряет ли при данных обстоятельствах это понятие своих существенных признаков?

«Ad hoc решение» логических парадоксов в семантически замкнутом языке

Решение логических парадоксов, которое будет предложено ниже, берет от исследований Ф. Фитча ориентацию на семантически замкнутый язык, а от иерархического подхода Рассела-Тарского – стремление сохранить основные законы классической логики. При этом, опираясь на гипотезу об отсутствии фундаментального основания парадоксов, данное решение не будет ориентироваться на поиск такого основания и, соответственно, на его устранение. Наш метод будет в определенной степени согласован с направлением исследований Р. Мартина. Мы воспользуемся понятием «семантической некорректности», которое Р. Мартин формулирует в своих работах, посвященных вопросам существования семантически замкнутого языка и решения логических парадоксов¹.

Суть метода сводится к следующему. Поскольку мы отказываемся от поиска фундаментальной причины образования логических парадоксов, постольку мы не можем решить проблему парадоксов *a priori*, в общем виде, как это возможно при иерархическом подходе, т.е. через устранение основания, на котором парадоксы в принципе могут быть построены. В нашем распоряжении остается только эмпирический метод и, соответственно, «ad hoc решение», т.е. конкретное решение, применяемое для конкретного случая. Мы работаем в семантически замкнутом языке без каких-либо сбоев до того момента, пока в опыте не столкнемся с ситуацией парадокса. Как только это происходит, мы фиксируем высказывания, репрезентирующие парадокс, как семантически некорректные и устанавливаем

¹ *Martin R.* Are Natural Languages Universal? // *Synthese*. – 1976. – Vol. 32, No. 3/4. – P. 271 – 291; *Martin R.* Toward a Solution to the Liar Paradox // *The Philosophical Review*. – 1967. – Vol. 76, No. 3. – P. 279–311.

запрет на данную форму рассуждения как рационально непоследовательную. Эмпирически установив данное ограничение на рациональный дискурс, мы продвигаемся дальше, пока не встретим новый парадокс, по отношению к которому мы выставим следующее ограничение. Последовательно устанавливаемые ограничения подобного рода постепенно очерчивают для нас форму рафинированного, свободного от парадоксов, рационального дискурса.

Естественно, что к недостаткам данного метода можно отнести его эмпирический характер, что в целом нехарактерно для логических исследований. Тем не менее достоинства этого метода, как кажется, все же перевешивают указанный недостаток, а именно, мы сохраняем семантически замкнутый язык как важный инструмент философского мышления, не «зацепляем», как при иерархическом подходе, вместе с рационально непоследовательными (парадоксальными) формами рассуждений те, которые оказываются совершенно свободными от противоречий, и оставляем в неприкосновенности основные законы классической логики, что позволяет нам четко видеть границы рациональной деятельности в целом.

Эпистемологические следствия проведенных логических исследований

Поскольку представленное выше «ad hoc решение» логических парадоксов позволяет нам сохранить семантически замкнутый язык, постольку критический аргумент платоновского Сократа по отношению к релятивизму Протагора получает надлежащее логическое обоснование. Во-первых, мы признаем, что сам аргумент «от самореферентности», используемый платоновским Сократом, является допустимым с логической точки зрения. И во-вторых, используя указанную выше методику выявления противоречий, мы признаем высказывание релятивиста «Все высказывания относительны» семантически некорректным и устанавливаем запрет на данную форму рассуждений как рационально непоследовательную.

Как эпистемологи мы остаемся в той же самой позиции платоновского Сократа, что и до проведения логических исследований, но теперь наша позиция оказывается не наивной, как прежде, а рефлексивной, обоснованной с логической точки зрения.

Глава III

ЛОГИКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

§ 1. Логико-эпистемологические основания феноменологии

То, что интенциональные контексты могут быть представлены в языке, не вызывает сомнений. Мы конструируем сами и воспринимаем в речи других предложения, в которых даны подобного рода контексты, ежедневно. По-настоящему значимая эпистемологическая проблема в философии языка состоит в другом: возможен ли язык, ориентированный *исключительно* на выражение интенциональных контекстов? Данную проблему можно разделить, в свою очередь, на два частных вопроса: 1) вопрос о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов; 2) вопрос о логической непротиворечивости языка интенциональных контекстов. Далее подробнее остановимся на каждом из вопросов и в завершение исследования сделаем выводы общего характера.

Вопрос о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов

Для прояснения данного вопроса представляется уместным обратиться к анализу языка феноменологии. Операция феноменологической редукции является определяющей для феноменологической установки познания на трансцендентальную установку. Мы должны отказаться от полагания объективного бытия окружающего мира и принимать его только в качестве смысловых коррелятов актов сознания познающего субъекта. На лингвистическом уровне это как раз и означает переход с языка экстенциональных контекстов,

где речь идет о вещах и явлениях объективного мира, на язык интенциональных контекстов, где выражаются смысловые конфигурации сознания субъекта, познающего объективный мир. Можно сказать, что требование феноменологической редукции в его лингвистическом измерении должно означать запрет на экстенциональный язык. Языком феноменологии должен быть исключительно язык интенциональных контекстов. Мыслим ли такой язык? Какими выразительными возможностями должен обладать данный язык? Эти вопросы коррелятивны вопросам о возможности осуществления феноменологической редукции на лингвистическом уровне.

Для более тщательного исследования вопроса о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов будет полезным обратиться к сравнению тезисов эпистемологической концепции Э. Гуссерля и семантической концепции Г. Фреге. Дело в том, что именно фрегевская семантика представляет собой, так сказать, лингвистическое зеркало феноменологии, каждый элемент которой является отображением соответствующего элемента гуссерлевской эпистемологической концепции. Но если коррелятивны сами теоретические конструкции, что мы сейчас покажем более подробно, то вполне можно допустить применение техники и результатов анализа, полученных в одной системе, к другой. Именно это мы и сделаем, указав на важнейшее по отношению к феноменологии лингвистическое открытие Фреге.

Основой корреляции выступает понятие интенциональной сущности, рассматриваемое Э. Гуссерлем в «Логических исследованиях»¹, и понятие смысла языкового выражения, которое Г. Фреге анализирует в работах «Смысл и значение»² и «Мысль»³. Оба автора в качестве результатов своих исследований представляют специфические трехчленные структуры. Гуссерль говорит об интенциональном акте – идеальном содержании мысли («Sinn», «Wesen») – интендированном предмете; а Фреге – об определенном знаковом комплексе – смысле знаков («Sinn», «Gedanke») – значении знаков. При этом под «значением» («Bedeutung») Фреге понимал, коррелятивно Гуссерлю, предмет в самом широком смысле (т.е. это может быть и

¹ Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том III (1). Логические исследования. Т. II (1). – М.: Гносис, Дом интеллектуальной книги, 2001.

² Фреге Г. Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. – М.: ДИК, 1997. – С. 25–49.

³ Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Логические исследования. – Томск: Водолей, 1997. – С. 22–49.

отдельный материальный объект, и связь объектов в некотором положении дел, и определенный процесс).

Отчетливую схожесть обнаруживают медиальные элементы (интенциональная сущность, смысл) в этих структурах. И Гуссерль, и Фреге приписывают данным медиальным элементам статус идеального бытия, и оба утверждают возможность непосредственного схватывания данного элемента в особом интеллектуальном опыте. Идеальное бытие отличает эти элементы от интендируемых предметов (значений знаков), обладающих реальным бытием в рамках объективных пространственно-временных отношений.

Медиальные элементы также получают характеристику внесубъективности. В этом Гуссерль и Фреге противостоят психологизму, отличая схватывание идеального содержания от сопутствующих ментальных образов, имеющих психологически субъективный характер.

Оба автора имеют похожее понимание отношения медиального элемента к последнему элементу структуры – реальному предмету. Смысл или интенциональная сущность представляют собой способ тематизации обсуждаемого предмета, т.е. принятие во внимание предмета каким-либо особым образом. Самый простой пример здесь приводит Фреге. Выражения «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» обозначают один и то же предмет – тот, который обозначается собственным именем «Венера». Однако по смыслу эти два выражения различны – предмет принимается во внимание в разных аспектах. Подобные пассажи можно найти и у Гуссерля.

И, пожалуй, самый главный для настоящего рассмотрения момент корреляции обнаруживается в наделении медиального смысла характеристикой индифферентности. Смысл индифферентен по отношению к решению вопроса о реальном существовании или несуществовании принятых посредством него во внимание предметов. Как для Гуссерля смысл усматривается с очевидностью вне зависимости от того, что он репрезентирует: реально существующий предмет или галлюцинацию, так и для Фреге сам смысл знакового комплекса не может быть описан как истинный или ложный, он также рассматривается как нейтральная данность.

Поскольку характеристика индифферентности смысла оказывается наиболее важной для нас сейчас, уместно провести здесь более тонкие корреляции.

Во втором томе «Логических исследований» Гуссерль, выстраивая иерархию качественных форм интенциональных актов, вводит следующие различия. основополагающей формой любого интенционального акта признается та, которая имеет качественную характеристику простого представления (*blosse Vorstellung*). На этом уровне интендирования происходит схватывание чистого номматического содержания (или «материи» интенциональной сущности – как высказывался Гуссерль в «Логических исследованиях»). Какое-либо положение дел (*Sachverhalt*) просто принимается во внимание и обдумывается. Это уровень непосредственного усмотрения феномена, данного в эйдетической интуиции. Вплотную к этой структуре примыкает другая качественная форма, которую Гуссерль называет полагающим актом. Предназначение полагающего акта сводится к тому, чтобы решать вопрос о бытийной значимости того положения дел, которое мыслится в фундирующем акте простого представления. Решение вопроса о бытийной значимости состоит либо в придании мыслимому положению дел статуса автономного существования, либо в отказе ему в этом:

«Среди номинативных актов мы различаем полагающие (*setzen*) и не полагающие. Первые подразумевают в определенной степени существование (*sind gewissermaßen Seinsmeinungen*) – будь это чувственные восприятия, будь это восприятия в более широком смысле схватываний предполагаемого существования вообще, будь это прочие акты, которые, даже не предполагая схватить ‘сам’ предмет (живо или вообще наглядно), имеют его в виду все же как *существующий*. Другие акты оставляют открытым вопрос о существовании своего предмета; предмет может, объективно рассматривая, существовать, однако в самих актах он не подразумевается в модусе существования, или он *не имеет силы* действительного предмета, он скорее ‘просто представлен’»¹.

Подобные же дистинкции обнаруживаются и у Фреге. Он также различает схватывание мысли (*Fassen*), то есть принятие во внимание некоторого мыслимого положения дел без решения вопроса об

¹ Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том III (1). Логические исследования. Т. II (1). – М.: Гносис, Дом интеллектуальной книги, 2001. – С. 445–446.

истинности последнего, и суждение (Urteil) как признание истинности мысли:

«Итак, мы будем различать: 1) схватывание мысли – мышление; 2) признание истинности мысли – суждение; 3) демонстрация этого суждения – утверждение»¹.

При этом Фреге упоминает, что он использует термин «суждение» не в привычном логическом смысле, т.е. как предикацию, а именно как утверждение истинности, что как раз и соответствует гуссерлевскому полагающему акту. Предназначение обеих этих структур заключается в том, чтобы продуцировать утверждение о существовании мыслимого положения дел.

Несмотря на то что феноменологическая редукция как таковая еще не является темой ранней феноменологии, нам представляется возможным описание этой методической операции в терминах «Логических исследований». По сути, здесь Гуссерль уже различил акты, ответственные за формирование как натуралистической, так и трансцендентальной установок, просто еще не настаивал на запрете натуралистической установки сознания в соответствии с требованием феноменологической редукции. Редукция, если пользоваться терминами ранней феноменологии, должна принимать во внимание как раз отношение между индифферентным простым представлением и полагающим актом, а именно: редукция «заключает в скобки» полагающий акт. Описание данной методической операции в терминах «Логических исследований» актуально для нашего настоящего сравнения исследовательских стратегий Гуссерля и Фреге, подобие между которыми наиболее четко можно зафиксировать именно в контексте ранней феноменологии.

К сожалению, гуссерлевский образ заключения в скобки так и остался недостаточно проясненным. Сам Гуссерль говорит об этой операции, то имея в виду торможение (приостановку) полагающих актов, то рефлексию над ними. Это можно увидеть в «Идеях...»:

«Переходя же к феноменологической установке, мы с принципиальной всеобщностью *пресекаем совершение* любых подобных когнитивных полаганий (речь идет как раз о бытийных полаганиях, т.е. о полагающих актах. – *В.Л.*), а это значит: ‘мы заключаем в скобки’ прежде произведенные, что же касается дальнейших исследований,

¹ Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Логические исследования. – Томск: Водолей, 1997. – С. 28.

то мы не соучаствуем в подобных полаганиях; *вместо того* чтобы жить в них, *совершать их*, мы совершаем направленные *на них* акты рефлексии (курсив мой. – В.Л.)»¹.

Если отказаться от продуцирования этих актов, то как можно совершать над ними акты рефлексии? Та же двусмысленность проступает и в «Картезианских размышлениях»:

«...я, философски размышляя, не придаю более значимости естественной уверенности в бытии мира, свойственной опыту, *не осуществляю полагания* этого бытия, между тем как *оно* все еще *присутствует* среди прочего и схватывается внимательным взглядом (курсив мой. – В.Л.)»².

Думается, что предпочтение все же следует отдать рефлексии. Под запретом совершения Гуссерль скорее понимал запрет на наивное, латентное совершение этих актов, которое, действительно, характерно для естественной установки. Редукция не препятствует бытийному полаганию, она лишь делает его явным, признавая тезис о бытии мира только в качестве результата активности сознания, продуцирующего полагающие акты.

На лингвистическом уровне обсуждаемая методическая операция будет выглядеть как «заключение в скобки» суждения об истинности или ложности той мысли, которая выражена в предложении языка, т.е. как рефлексия, а значит как лингвистическая фиксация акта, утверждающего логическую валентность пропозиции. Или, говоря в терминологии, которая имеет непосредственное отношение к обсуждаемой в данном параграфе теме, на лингвистическом уровне редукция должна представлять как фиксация перехода от языка интенциональных контекстов, где речь идет о мыслимом положении дел, к языку экстенциональных контекстов, где речь идет об объективном существовании фактов.

Важный результат логико-лингвистического анализа Фреге состоял в том, что описанная выше лингвистическая фиксация в естественном языке, который как раз и использует Гуссерль для экспликации своих исследований, невозможна. Осуществление суждения-утверждения, то есть признание истинности мысли, имеет в языке всецело латентный характер. Невозможно обнаружить специального знака, который харак-

¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1.– М.: ДИК, 1999. – С. 111.

² Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб.: Наука; Ювента, 1998. – С. 346.

теризовал бы наличие такого суждения, это суждение-утверждение осуществляется самой формой утвердительного предложения:

«Мне представляется, что до сих пор мысль и суждение отчетливо не различались. Возможно, язык сам потворствует этому. Действительно, в утвердительном предложении нет специального компонента, соответствующего утверждению»¹.

Утвердительное предложение естественного языка выражает всегда одновременно и без какой-либо дифференциации саму мысль и экзистенциальное полагание мыслимого:

«Признание истинности мысли мы выражаем в форме утвердительного предложения. При этом нам не требуется слово ‘истинный’. И даже если мы употребляем это слово, собственно утверждающая сила принадлежит не ему, а форме утвердительного предложения»².

Данный результат логико-лингвистического анализа Фреге представляет собой серьезное препятствие на пути осуществления процедуры феноменологической редукции. Гуссерль не заметил, что произвести рефлексию над актами бытийного полагания не позволяют выразительные возможности того языка, который он использовал в феноменологии. Произнося «На улице идет дождь», феноменолог оказывается неспособным четко различить и зафиксировать в рефлексии мысль, выражаемую этим предложением, и суждение об истинности этой мысли. Это значит, что язык неминуемо затягивает феноменолога в сферу естественной установки, не позволяя отличить мысль о факте от утверждения объективного существования данного факта, т.е. не позволяя отличить интенциональный контекст от экстенционального.

Руководствуясь вышесказанным, сделаем следующие промежуточные выводы для нашего исследования. Язык интенциональных контекстов должен быть достаточно богат по своим выразительным возможностям, чтобы быть способным фиксировать различие между мыслимым положением дел как коррелятом субъективного акта сознания и объективным положением дел, независимым от субъективности. Такой язык должен четко отделять интенциональный контекст от экстенционального. Однако на основании проведенного

¹ Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Логические исследования. – Томск: Водолей, 1997. – С. 28.

² Там же. – С. 28.

выше анализа можно констатировать, что, по крайней мере, естественный язык не обладает такими выразительными возможностями.

Важный для нас вопрос здесь заключается в следующем: должны ли мы расценивать данное свойство естественного языка как его недостаток, как некоторую ущербность? Оставим этот вопрос на время открытым и вернемся к нему в конце параграфа.

Вопрос о логической непротиворечивости языка интенциональных контекстов

Анализ языка феноменологии может оказаться продуктивным и при обсуждении второго вопроса, поставленного в начале параграфа. Мы сказали, что феноменология должна мыслиться как теория языка интенциональных контекстов. Данная эпистемологическая концепция утверждает, что радикально рефлексивный научный язык (известно, что Гуссерль подразумевал под феноменологией проект философии как строгой науки) должен быть языком, ориентированным исключительно на выражение интенциональных контекстов.

Однако как только мы зададимся вопросом, в каком именно дискурсе продуцируется подобное утверждение и каковы характерные черты этого дискурса, мы тут же увидим, что гуссерлевская концепция не сможет устоять перед доводами аргумента от самореферентности, в рамках которого содержание гуссерлевского тезиса о тотальности языка интенциональных контекстов будет противопоставляться ему самому в процессе его утверждения. Мы увидим, что гуссерлевская эпистемологическая концепция содержит в себе противоречие.

Гуссерль разворачивает феноменологическое исследование в рамках научного дискурса, ориентируясь на построение научной теории. Но цель любой научной теории состоит в поиске решения вопросов об истинности или ложности предложений. Ради чего еще существует наука? Только ради того, чтобы формулировать *истины* о мире. Гуссерль, декларативно заявляя о редукции подобных целей, сам полностью отдает себя в руки такого дискурса. Феноменология как теория тоже провозглашает истины, на сей раз истины о сознании. В этой теории все обстоит так, что будто бы существует сознание как регион абсолютного бытия. Но ведь это откровенная натурализация, с которой сама же феноменология и должна бороться. Гуссерлевский эпистемологический императив «*ego cogito cogitatum*» противоречит себе. Он призван указать на приоритет интенциональ-

ных контекстов, но, вместе с тем, имеет статус суждения с четкой истинностной оценкой. «Ego cogito cogitatum» – так обстоят дела *на самом деле*, говорит феноменология как научная теория. «Я мыслю мыслимое», т.е. я всегда должен принимать тот или иной предмет во внимание только как феномен, имеющий корреляцию с субъективными актами сознания, и вместе с тем, я, как феноменолог, должен утверждать саму тотальность таких интенциональных контекстов как нечто безусловно истинное, я должен выражать эту тотальность экстенционально.

Не стоит думать, будто бы описанная выше проблема порождена исключительно феноменологической теорией познания. Она касается не только феноменологии, и даже не только концепций о языке интенциональных контекстов в целом. Эти теоретические проекты – и феноменология, и интенционализм в философии языка – сами являются только разновидностями общей релятивистской эпистемологической установки, в рамках которой утверждается невозможность продуцирования безусловно истинных высказываний о реальности. Истинность любого высказывания является относительной, локальной, ограниченной возможностями познавательного аппарата субъекта. Именно эта общая эпистемологическая установка порождает противоречие при применении к ней аргумента от самореферентности.

Но имеет ли теоретическую значимость сам аргумент от самореферентности, который мы использовали при обсуждении вопроса о непротиворечивости языка интенциональных контекстов? Можно ли его преодолеть, указав на несостоятельность подобного хода рассуждения?

В XX веке, при решении задачи преодоления теоретико-множественных и семантических парадоксов в философии математики и логике, были разработаны две хорошо известные концепции, критикующие идею самореферентности, поскольку именно она объявлялась основанием возникающих парадоксов. Это были семантическая теория А. Тарского¹ и теория типов Б. Рассела² (с определенными допущениями, которые мы фиксируем ниже).

¹ Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. – Oxford: Oxford University Press, 1956. – P. 152–278.

² Ваїтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Т. I. – Самара: Самарский университет, 2005.

С точки зрения различения языка и метаязыка, проведенного А. Тарским в его семантической концепции, логические парадоксы типа «Лжец», а мы могли бы добавить, что и эпистемологический парадокс релятивиста, разновидностью которого является парадокс языка интенциональных контекстов в нашей интерпретации, возникают из-за неправомерного логико-лингвистического смещения в рассуждении, возникающего как раз на основании явления самореферентности. Неправомерным оказывается не позиция релятивиста, в которой утверждается, что истинность каких бы то ни было теоретических суждений релятивизируется относительно субъективных/интерсубъективных факторов познания (культурных, лингвистических, психических, биологических и т.д.), а как раз обвинение этой позиции в противоречивости. Считать высказывание «Все высказывания относительны» самопротиворечивым можно только исходя из ошибочного смещения различных уровней языка. На деле само это высказывание относится уже не к языку, который в данном случае предстает объектом, о котором что-то говорится, а к метаязыку, и поэтому никакой противоречивости в утверждении релятивиста нет. Его высказывание «Все высказывания относительны» вполне может быть абсолютным, и это не приводит нас к некоему мыслительному коллапсу, если только мы не забываем всякий раз проводить различия в уровнях языка, не допуская самореферентного дискурса.

С помощью теории типов Б. Рассела также может быть высказана критика в адрес тех, кто пытается уличить эпистемологические воззрения релятивизма в противоречивости. Подобно тем выводам, которые были сделаны из семантической концепции А. Тарского, можно сказать, что формулировка логического затруднения данных скептических воззрений основывается на смешении высказываний разных типов. Высказывание «Все высказывания относительны» попадает в логический тип более высокого порядка, нежели те высказывания, о которых в нем идет речь. Видимость противоречия возникает из-за неоправданного смешения данных логических типов, т.е. из-за формулировки самореферентных высказываний.

Однако указанные выше концепции, в которых устанавливается запрет на построение самореферентных высказываний, а значит, и аннулируется критический по отношению к теории языка интенциональных контекстов аргумент от самореферентности, нам не представляются состоятельными. Дело в том, что иерархических

подход Рассела-Тарского уже на протяжении достаточно длительного времени подвергается критике в логико-философской литературе с различных сторон. Далее укажем на некоторые важные пункты этих критических исследований.

Во-первых, иерархический подход к решению парадоксов порождает так называемые реванш-проблемы (В литературе по семантическим парадоксам реванш-проблемами (“revenge problems”) называют ситуации, при которых те или иные предлагаемые решения парадоксов сами оказываются парадоксальными¹), т.е. сам попадает в те же логические ловушки, которые пытается преодолеть.

В параграфе 2 Главы II мы уже обсуждали так называемый аргумент красных чернил Х. Патнема². Если красными чернилами записываются правила для всех возможных языков, высказывания которых записаны чернилами всех иных известных цветов, то каким цветом будут записываться правила для языка красных чернил? Если красным, то сам этот язык оказывается замкнутым на самом себе, т.е. самореферентным. Если же мы должны предположить существование чернил иного, неизвестного нам цвета, то правила языка красных чернил не будут распространяться на этот новый метаязык, и высказывания, записанные новым цветом, могут регулироваться иными правилами, отличными от разработанной семантической концепции.

Критика исследовательской стратегии Б. Рассела осложняется тем, что в «Principia Mathematica» причиной парадоксов объявляется не явление самореферентности как таковое, а принцип порочного круга:

«Анализ парадоксов, которых необходимо избежать, показывает, что все они проистекают из порочного круга некоторого вида. Порочные круги возникают при предположении, что некоторое собрание объектов может содержать элементы, которые могут быть определены лишь посредством этого собрания как единой совокупности»³.

Соответственно, встает вопрос о соотношении понятий самореферентности и порочного круга.

¹ См., например: *Field H. A Revenge-Immune Solution to the Semantic Paradoxes // Journal of Philosophical Logic.* – 2003. – № 32. – P. 139–177.

² Патнем Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: ДИК, 1998. – С. 466–494.

³ Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Т. I. – Самара: Самарский университет, 2005. – С. 110.

Данный вопрос был подробно рассмотрен в параграфе 4 Главы I настоящей монографии. Здесь мы не будем снова останавливаться на этом. Скажем лишь то, что для тех проблем, которые рассматриваются в рамках этого параграфа, тонкими различиями между основаниями теоретико-множественных и семантических парадоксов можно пренебречь, тем более что теория типов Рассела часто находит применение не только при обсуждении теоретико-множественной проблематики, но и при логико-семантическом анализе высказываний:

«... истинностная оценка должна релятивизироваться относительно типа высказанных утверждений. Любое утверждение о высказываниях n -го типа само будет относиться к $n+1$ типу и не должно включаться в класс оцениваемых высказываний»¹.

Если принять расселовскую теорию типов в этом семантическом измерении и рассматривать ее не только как запрет на образование порочных кругов теоретико-множественного типа, но и как запрет на образование самореферентных высказываний, то по отношению к ней вполне может быть высказана критика, аналогичная критике теории иерархии языков А. Тарского.

Так, теория типов Рассела, по сути, устанавливает запрет на универсалистский дискурс вообще. Нельзя говорить обо всем сразу, всегда следует помнить, что какое бы то ни было высказывание может касаться только ограниченной предметной области. Следовательно, и истинностная оценка этого высказывания также не может быть универсальной, она всегда должна релятивизироваться относительно того определенного круга предметов, который охватывается в высказывании. Но как быть с самой формулировкой теории типов? Относится ли она сама только к определенному типу высказываний, охватывающих определенную, ограниченную предметную область, или все же представляет собой пример высказывания того самого универсального характера, запрет на которые она как раз и пытается установить? Если верно первое, то данная теория не охватывает собой все возможные типы высказываний и, значит, допускает существование высказываний таких типов, которые будут руководствоваться иными принципами, отличными от принципа теории типов. Таким образом, данная теория в самом своем утверждении должна допустить собственное отрицание. Если же верно второе, то форма

¹ *Суровцев В.А.* Автономия логики. – Томск: Изд-во Томского университета, 2001. – С. 60.

утверждения данной теории вступает в противоречие с ее содержанием: тезис об отсутствии универсальных высказываний формулируется в высказывании, претендующем на статус универсального. В итоге теория типов сама оказывается в логическом тупике. На подобные трудности в обосновании данной теории уже вскоре после ее появления указал П. Вайсс¹, представивший подробные критические аргументы по отношению к ней.

Во-вторых, некоторые исследователи замечают, что иерархический подход Рассела-Гарского ставит некоторые нежелательные пределы для развития математических теорий. Например, Ф. Фитч указывает на то, что

«...проблема состоит в том, чтобы найти теорию типов, которая бы элиминировала ‘порочные’ виды самореферентности, ведущие к математическим и семантическим парадоксам, но не те виды, которые представляют важную часть философской логики или требуются для развития теории натуральных чисел»².

С. Крипке указывает на то, что при формулировке знаменитых теорем К. Геделя определенным образом задействуется самореферентность, и потому ее полное отрицание также наносит урон важным математическим достижениям³.

В-третьих, указывается на то, что определенные виды самореферентности не необходимо, а только лишь случайно парадоксальны. Такие исследователи, как Д. Бэрвайс и Д. Этчемэнди, в своей книге «Лжец. Эссе об истине и циркулярности»⁴ снова ссылаются в данном случае на работу С. Крипке «Очерк теории истины». Смит может высказывать огромное число содержательных предложений о том, что Джонс говорит об Уотергейте, подтверждая это тем, что данные предложения истинны, в том числе и продуцируя общее алетическое высказывание «Все, что говорит Джонс об Уотергейте, истинно». Ни одно из этих высказываний не будет логически ущербным. И только лишь при том случайном обстоятельстве, если Смит выскажется обо всех высказываниях Джонса об Уотергейте как об истинных, а Джонс, в свою очередь, выскажется обо всех высказы-

¹ Weiss P. The Theory of Types // Mind. – 1928. – Vol. 37, No. 147. – P. 338–348.

² Fitch F. Self-Reference in Philosophy // Mind. – 1946. – Vol. 55, No. 217. – P. 71–72.

³ Крипке С. Очерк теории истины // Язык, истина, существование. – Томск: Изд-во Томского университета, 2002. – С. 151–183.

⁴ Barwise. J., Etchemendy J. The Liar. An Essay on Truth and Circularity. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1987.

ваниях Смита об Уотергейте как о ложных, возникнет проблема. Но иерархический подход сразу будет запрещать суждение Смита всеобщего характера. Суждение Смита с точки зрения иерархического подхода должно касаться только тех суждений Джонса, которые не затрагивают данное суждение Смита, поскольку суждение Смита будет относиться к иному логическому типу суждений, нежели суждения Джонса, о которых говорит Смит. Если же Джонс захочет высказаться и о суждении Смита, то это новое суждение Джонса уже будет относиться к иному логическому типу, нежели суждение Смита и т.д.

В-четвертых, некоторые из самореферентных высказываний очевидно непарадоксальны, при их построении вообще не возникает каких-либо проблем. А. Гупта приводит здесь в пример закон недопущения противоречия:

«Существует множество предложений, которые включают в себя самореферентность, но при этом, очевидно, не являются каким-то образом проблематичными. Например, среди этого множества закон: ‘Ни одно предложение не является истинным и ложным’. Естественнее всего считать, говорит оно о любом предложении, включая самое себя, что ни одно не может быть вместе истинным и ложным. Интуитивно, это предложение осмысленно и, в самом деле, истинно»¹.

В пример можно привести также случай, при котором Эпименид утверждает, что все жители острова Крит говорят правду. Очевидно, что это высказывание является самореферентным и непарадоксальным. Д. Билл описывает такую ситуацию термином «truth-teller»², что дословно можно перевести как «правдец», в противовес «лжецу», или более благозвучно по-русски как «правдолюбец». Т. Боландер в связи с высказыванием «Я сейчас говорю правду» использует понятие «невинной самореферентности» («innocuous self-reference»)»³.

Последний из аргументов против иерархического подхода Рассела-Тарского только укрепляет нас во мнении, что те средства, которые предложили эти знаменитые логики XX века для преодоления

¹ Gupta A. Truth and Paradox // Journal of Philosophical Logic. – 1982. – № 11. – P. 1.

² Beall Jc. A Neglected Deflationist Approach to the Liar // Analysis. – 2001. – 61.2, April. P. 126–129.

³ Bolander T. Essay: Self-reference and Logic // ФNEWS. – 2002. – 1, April. – P. 9–43.

парадоксов, по сути, основывались на неверной диагностике проблемы и были неоправданно радикальными.

В конце концов, в-пятых, иерархический подход Рассела-Тарского не может охватить всех возникающих парадоксов и поэтому не может претендовать на универсальное решение логико-семантических противоречий.

На возражение, которое высказали Д. Бэрвайс и Д. Этчеменди в опоре на работу С. Крипке, что парадоксальность оказывается лишь эмпирически случайной, и что Смит мог продуцировать сколь угодно много высказываний в адрес того, что говорит об Уотергейте Джонс, и что только лишь один единственный случай в данных высказываниях приводил бы к парадоксу, можно было бы ответить аргументом А. Якуба, который в своей книге «Лжец говорит правду. В защиту ревизионной теории истины»¹ формулирует так называемого строгого кроссreferенциального «Лжеца»:

«Предположим, что Смит написал во время t *единственное* предложение: ‘Предложение, которое напишет Джонс во время t_1 , истинно’, а затем, во время t_1 , Джонс написал *только* это предложение ‘Предложение, которое написал Смит во время t , не является истинным’»².

Данное рассуждение, действительно, представляет собой строгий парадокс, в котором нет места какой-либо эмпирической случайности, причем парадоксальность возникает при любой начальной посылке. Если предложение Смита истинно, то Джонс высказал истину о том, что Смит лжет. Следовательно, если предложение Смита истинно, то оно ложно. Если предложение Смита ложно, то Джонс лжет, что Смит лжет, значит, Смит говорит истину. Следовательно, если предложение Смита ложно, то оно истинно. Если предложение Джонса истинно, то предложение Смита, в котором говорится об истинности предложения Джонса, ложно, а значит, предложение Джонса ложно. Следовательно, если предложение Джонса истинно, то оно ложно. Если предложение Джонса ложно, то предложение Смита, в котором говорится об истинности предложения Джонса, истинно, а значит, предложение Джонса истинно. Следовательно, если предложение Джонса ложно, то оно истинно.

¹ *Yaqub A. The Liar Speaks the Truth. A Defense of the Revision Theory of Truth.* – New York, Oxford: Oxford University Press, 1993.

² *Ibid.* – P. 31.

Однако вся эта изощренная аргументация ни в коей мере не может служить в поддержку иерархического подхода Рассела-Тарского. В исследовательской литературе недостаточно внимания было уделено тому моменту, что проблему кроссreferенциального «Лжеца», которую С. Крипке сформулировал в своем знаменитом «Очерке о теории истины», даже не столько в указании на случайный, эмпирический характер данного парадокса (аргумент, который, казалось бы, купируется за счет строгого кроссreferенциального «Лжеца» А. Якуба), а прежде всего в том, что кроссreferенциального «Лжеца» в любой из формулировок в принципе нельзя разрешить при помощи иерархического подхода.

В самом деле, если Смит говорит об истинности предложений Джонса на одном логическом уровне, то Джонс, следуя иерархическому подходу, уже не должен давать истинностную оценку высказываниям Смита, ибо высказывания Джонса находятся на языке низшего уровня по сравнению с языком Смита. Джонс же в случае кроссreferенциального «Лжеца» делает обратное, он начинает выдавать истинностную оценку высказываниям того уровня, на которых выдавалась истинностная оценка его собственным высказываниям. Таким образом, за счет подобной кроссreferенциальности иерархию логических уровней воссоздать не удастся.

Наконец, нельзя не упомянуть один его «нашумевший» в последние десятилетия парадокс, без обсуждения которого на сегодняшний момент уже не обходится ни одно более-менее объемное исследование по проблеме логических парадоксов. Имеется в виду парадокс «Лжеца» без самореферентности, сформулированный С. Ябло¹. В своей небольшой статье Ябло заявляет:

«...часто можно услышать, что самый уверенный способ удержать язык свободным от парадоксов состоит в том, чтобы наложить абсолютный запрет на всю самореферентность»².

И далее:

«Я заключаю, что самореферентность не является ни необходимым, ни достаточным условием парадокса Лжеца и подобных ему парадоксов»³.

¹ Yablo S. Paradox without Self-reference // *Analysis*. – 1993. – 53. – P. 251–252.

² Ibid. – P.251.

³ Ibid. – P.252.

В свободном переложении суть парадокса Ябло сводится к следующему. Предположим существование Вселенной с несколькими эпистемическими субъектами: А, В, С, D. А произносит: «Высказывание S, которое продуцируют В, С и D, ложно». В произносит: «Высказывание S, которое продуцируют С и D, ложно».

Нас волнует дискурс А, проанализируем его. На основании того, что он сказал, мы делаем вывод, что В лжет, в частности, В лжет относительно высказывания С. С произносит: «Высказывание S, которое продуцирует D ложно». Поскольку В сказал неправду о том, что С лжет, следовательно, мы должны сделать вывод, что высказывание С истинно. Причем этот вывод следует именно из первоначального высказывания А о высказывании В. Однако из этого же первоначального высказывания А мы знаем, что высказывание С ложно. Таким образом, высказыванию С на основании высказывания А мы должны приписать одновременно и истину, и ложь, что противоречиво. Вывод: высказывание А приводит к противоречию, хотя оно ничего не говорит о самом себе, а только о других высказываниях.

То, что представленные в XX веке логико-семантические проекты Б. Рассела и А. Тарского не смогли аннулировать значимость аргументации, опирающейся на идею самореферентности, представляется нам крайне важным. На наш взгляд, идея самореферентности вообще является одной из определяющих для философии, фиксирующей сущность данного вида рациональной деятельности. В отличие от конкретных наук, которые ограничивают свои исследования определенным регионом сущего, философия всегда претендовала на то, чтобы быть универсальным знанием о сущем в целом. Собственно, в этом и состоит цель построения онтологической системы в философии – представить знание о сущем в целом на максимально высоком уровне общности. Выражение такого знания возможно именно в семантически замкнутом самореферентном языке, ибо только такой язык способен говорить обо всем, что есть, в том числе и о себе самом как определенном виде сущего. Эту специфику философского мышления подчеркивает Ф. Фитч:

«Характерная черта философии состоит в том, чтобы дотянуться до этого максимального уровня и быть способной использовать автореферентные виды рассуждения, которые возможны на этом уровне»¹.

¹ Fitch F. Self-Reference in Philosophy // Mind. – 1946. – Vol. 55, No. 217. – P. 69.

Самореферентность имеет важнейшее значение и для эпистемологии. Любая эпистемологическая концепция есть теоретическое построение о сущности, способах, границах, нормах и идеалах познания. При этом само построение той или иной конкретной эпистемологической концепции есть проявление познавательных возможностей рационального субъекта. Для того чтобы предметная область исследования любой конкретной эпистемологической концепции была полной, она должна включать и построение самой этой концепции как один из вариантов проявления познавательных процессов. Только при исследовании полной предметной области можно говорить о допущении всеобщего и необходимого знания, знания как такового, отличного от мнения, которое всегда характеризуется ограниченностью. Установить полный запрет на самореферентность – значит, отказаться от концепта знания как такового в качестве регулятивной идеи познавательной деятельности.

Итак, если аргумент от самореферентности признавать валидным для оценки философского исследования, как в области онтологии, так и в области эпистемологии, то на основании проведенного выше анализа можно заключить, что концептуальное построение, утверждающее тотальность языка интенциональных контекстов, оказывается логически противоречивым и в силу этого теоретически нереализуемым.

В рамках данного параграфа мы обратились к обсуждению языка интенциональных контекстов. Значимую, на наш взгляд, эпистемологическую проблему в отношении этого языка мы сформулировали следующим образом: возможен ли язык, ориентированный исключительно на выражение интенциональных контекстов? Для решения данной проблемы мы рассмотрели два частных вопроса: 1) опрос о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов; 2) вопрос о логической непротиворечивости языка интенциональных контекстов.

Исследование второго из сформулированных выше вопросов позволило представить однозначное решение общей проблемы: язык, ориентированный исключительно на выражение интенциональных контекстов, невозможен как последовательная и непротиворечивая знаковая система. Эта предполагаемая система всегда будет заключать в себе противоречие самореферентного свойства: утверждение о позиционировании исключительно интенциональных контекстов в акме языка будет производиться за счет предложения, отсылающе-

го к экстенциональному контексту. Экстенциональный контекст будет составлять фундамент данного языка, что противоречит первоначально заданному условию.

Сформулированный выше вывод является, бесспорно, важным, но не оригинальным. По сути, он представляет собой распространение на область проблем современной философии языка классического аргумента о противоречивости релятивизма, дополненного анализом дискуссии о природе противоречий в логике XX века.

Возможно, более интересным и оригинальным в ходе данного обсуждения может предстать другой вывод, который мы вправе сделать на основании исследования первого из сформулированных вопросов, а именно вопроса о выразительных возможностях языка интенциональных контекстов, при условии, что мы уже держим в уме ответ на второй вопрос.

В опоре на логико-лингвистический анализ Г. Фреге мы установили, что выразительные возможности естественного языка не позволяют провести четкую дистинкцию между интенциональным и экстенциональным контекстами. Экстенциональные контексты имплицитно всегда вплетены в дискурс, ориентированный на выражение интенциональных контекстов. Вопрос, решение которого мы отложили на более поздний срок, состоял в следующем: является ли эта выявленная Фреге характеристика естественного языка его недостатком? По отношению к дискурсу гуссерлевской феноменологии мы, казалось бы, без колебаний должны дать положительный ответ на этот вопрос. Если феноменологическая редукция как центральная методологическая операция феноменологии на лингвистическом уровне предполагает ограничить употребление языковых выражений только интенциональными контекстами, то естественный язык, который скрывает различие интенционального и экстенционального контекстов, должен быть признан непригодным для целей феноменологии, и отсутствие возможности четкой фиксации указанного выше различия должно быть признано существенным недостатком естественного языка. Однако в свете того вывода, который мы сделали при обсуждении вопроса о логической непротиворечивости языка интенциональных контекстов, нам следует изменить свою позицию на противоположную. Тот факт, что естественный язык не позволяет удерживать себя в среде интенциональных контекстов и всегда ускользает в область экстенциональных контекстов, является не недостатком, а, напротив, достоинством этого язы-

ка, своеобразной мудростью языка, который самой своей структурой блокирует возможность дискурсов, приводящих к логическим противоречиям. Естественный язык всегда выражает реалистскую онто-эпистемологическую установку и блокирует любой радикальный антиреалистский дискурс, пытающийся установить запрет на выражение экстенциональных реалистских контекстов. Своим функционированием естественный язык демонстрирует, что он в принципе ориентирован на описание того, что есть, а не того, что мнится.

§ 2. Критический анализ философии искусственного интеллекта Х. Дрейфуса

Хьюберт Дрейфус – современный американский философ, ставший известным, в первую очередь, за счет своих работ по феноменологии. Во многом благодаря его сочинениям американские философы, ориентированные, прежде всего, на аналитическую философскую традицию, стали знакомиться с гуссерлевской феноменологией. Однако не менее интересной и важной является и еще одна сторона творчества Х. Дрейфуса¹. Он является одним из принципиальных критиков идеи искусственного интеллекта, опираясь в своих аргументах на феноменологическую традицию, а также на идеи позднего Л. Витгенштейна.

Х. Дрейфус полагает, что на основании основных результатов эпистемологических исследований в философии XX века, которые получены Э. Гуссерлем в поздней феноменологии «жизненного мира»², М. Хайдеггером в «Бытии и времени»³, а также поздним Витгенштейном в «Философских исследованиях»⁴, можно утверждать приоритет практического, повседневного уровня бытия перед допускающими формализацию теоретическими конструкциями, и эта практическая деятельность человека в повседневном мире не просто сложна для формализации, но и вообще не позволяет провести по-

¹ *Dreyfus H. L., Dreyfus S. E. Making a Mind versus Modelling The Brain: Artificial Intelligence Back at a Branch-Point // The Philosophy of Artificial Intelligence / Boden M. (ed.). Oxford, 1990.*

² *Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология.* – СПб.: Владимир Даль, 2004.

³ *Хайдеггер М. Бытие и время.* – М.: Ad Marginem, 1997.

⁴ *Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы.* – М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. – С.76–319.

добные формально-логические процедуры. Основываясь на данном положении, Х. Дрейфус делает вывод, что исследования в области искусственного интеллекта, в рамках которых осуществляется попытка логической формализации мышления человека с целью его имитации на искусственных технических носителях, обречены на провал, ибо наиболее фундаментальный практический слой бытия человека принципиально не формализуем.

Если двигаться в русле дрейфусовской мысли, то в ее подтверждение можно привести следующие пассажи из сочинений указанных выше философов. Так, в работе Э. Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» – сочинении, где представлена феноменология практического жизненного мира как поля наиболее фундаментальных очевидностей опыта сознания, – мы читаем:

«У человека в окружающем его мире есть много видов практики, и среди них этот своеобразный и исторически наиболее поздний: практика теоретическая»¹.

Таким образом, теория, во-первых, сама трактуется как особый вид практики жизненного мира, и, во-вторых, этот вид практики признается наиболее внешним, производным по отношению к глубинным слоям практической жизни. В этом же произведении Э. Гуссерль дает нормативную установку будущим философским исследованиям:

«Нужно полностью прояснить, т.е. привести к последней очевидности то, каким образом каждая очевидность объективно-логических свершений, дающая формальное и содержательное обоснование объективной теории (напр., математической, естественнонаучной), имеет свои скрытые источники обоснования в той жизни, где осуществляются последние свершения, где очевидная данность жизненного мира всегда имеет свой донаучный бытийный смысл, где она приобрела его и вновь приобретает. От объективно-логической очевидности (от математического ‘усмотрения’, от естественнонаучного, позитивно-научного ‘усмотрения’, как оно выполняется ведущим свои исследования и дающим свои обоснования математиком и т.п.) путь здесь идет назад к праочевидности, в которой всегда заранее дан жизненный мир»².

¹ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – С. 153.

² Там же. – С. 175–176.

В работе М. Хайдеггера «Бытие и время» принципиальное значение приобретает дихотомия «наличное – подручное», которая оказывается аналогичной гуссерлевской дихотомии «теоретическое – практическое». Сфера подручного, с точки зрения М. Хайдеггера, имеет более глубокий онтологический смысл, нежели сфера наличного, представленная в качестве продукта научной теории:

«Подручность есть онтологически-категориальное определение сущего как оно есть ‘по себе’»¹.

Взгляд на сущее как на совокупность подручных вещей раскрывается в повседневной практической жизни:

«Повседневное присутствие всегда уже есть этим способом, напр.: открывая дверь, я делаю употребление из дверной ручки»².

Поздний Л. Витгенштейн выстраивает философско-лингвистическую концепцию, основным тезисом которой выступает тезис о принципиальной недоопределенности, незаконченности, нестабильности значения какого бы то ни было языкового выражения. Значение любого слова, в том числе и значение слова научного языка, определяется в контексте конкретной конечной лингвистической практики сообщества людей. Этот ход мысли Л. Витгенштейн противопоставляет традиционному представлению о научно-теоретическом мышлении и языке как об идеале объективности, строгости и однозначности. Данное представление признается философом не соответствующим реальному положению дел, поэтому он намеренно формулирует суждения, которые имеют явно провокационный характер по отношению к традиционным взглядам об идеале научности:

«Ошибочно говорить, что есть что-то, что представляет собой значение...»³.

По отношению к указанному выше заявлению Х. Дрейфуса о том, что построение искусственного интеллекта невозможно ввиду принципиальной неформализуемости глубинного уровня человеческого мышления, можно выдвинуть критический аргумент непосредственно из лагеря сторонников искусственного интеллекта.

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – С. 71.

² Там же. – С 67.

³ Wittgenstein L. Zettel. – Oxford: Blackwell, 1967. – P. 3.

А именно аргумент о том, что между искусственным интеллектом и формально-теоретическим мышлением не следует ставить знак равенства. Есть попытки создания искусственного интеллекта на основе имитации неформального, практического уровня человеческого мышления. В частности, проект создания нейронных сетей.

Наша позиция по отношению к Дрейфусу тоже будет критической. Однако, со своей стороны, мы попытаемся представить иной путь рассуждений. Мы хотим подвергнуть критике позицию Дрейфуса, что называется, изнутри, используя аргумент от самореферентности. Мы хотим показать, что само рассуждение Дрейфуса содержит в себе противоречие, если к нему самому применить его же собственные аргументы.

Не сложно заметить, что утверждение приоритета практического, повседневного бытия и мышления перед теоретическим в жизни человека производится Х. Дрейфусом на уровне теоретического мышления, с применением формально-логической аргументации. Возникает парадоксальная в эпистемологическом плане ситуация: более фундаментальный характер одной структуры обосновывается средствами другой структуры, которая признается второстепенной, производной по отношению к первой. Представляется, что данный эпистемологический парадокс может выступить основанием для сомнения в правомерности как дрейфусовского рассуждения непосредственно, так и той позиции в рамках теоретической философии XX века, которую Х. Дрейфус выбрал в качестве методологического инструментария для своей критики исследований в области искусственного интеллекта. И к Гуссерлю, и к Хайдеггеру, и к позднему Витгенштейну может быть применен аргумент от самореферентности, который покажет, что теоретическую позицию, в которой утверждается приоритет практического перед теоретическим, сложно назвать логически последовательной и эпистемологически реализуемой. Если философ релятивизирует научно-теоретический дискурс за счет его фундирования в локальных, нестабильных, разнообразных и несводимых друг к другу дискурсах человеческой практики, но при этом осуществляет сам акт данной релятивизации снова в теоретическом дискурсе, то он противоречит самому себе.

Блокировать приведенный выше контраргумент к позиции Х. Дрейфуса можно было бы через обращение к тем концепциям, в

которых полностью запрещается самореферентность как некорректный с логической точки зрения прием в рассуждении. Однако данные концепции мы не считаем состоятельными. Мы подробно рассмотрели многочисленные аргументы против иерархического подхода Рассела-Тарского, предлагавших классическое решение проблемы парадоксов за счет полного запрета на самореферентность, в параграфе 2 Главы II и в параграфе 1 Главы III настоящей монографии.

Учитывая вышесказанное, представляется, что критические аргументы, высказанные в адрес философских воззрений Х. Дрейфуса, имеют важное значение, ибо показывают, что данная теоретическая разработка сначала сама должна разрешить собственные логико-эпистемологические затруднения, прежде чем настаивать на весомости своих критических положений по отношению к исследованиям в области искусственного интеллекта.

§ 3. Критический анализ философии информации Л. Флориди

В информационном обществе все более актуальными становятся вопросы, связанные с феноменом виртуальной реальности. Современный человек живет уже не только в базовой, идентичной для всех объективной реальности, но и в различных виртуальных пространствах, порождаемых средствами информационно-коммуникационных технологий. В этой ситуации наиболее острым и злободневным является эпистемологический вопрос о принципах различия реальных и виртуальных объектов, ответить на который человеку информационного общества оказывается все труднее из-за стремительно возрастающих возможностей ИКТ. С одной стороны, компьютерные технологии уже настолько искусно имитируют реальный мир, что можно всерьез задаться вопросом, является ли предлагаемый средствами массмедиа телематериал отражением реальной действительности или же умело выполненной инсценировкой. С другой стороны, события самой действительности оказываются порой столь неожиданными и обескураживающими, что не позволяют сознанию современного человека приписать им статус объективно существующих. Одна из отличительных черт информационного общества состоит как раз в том, что вопрос о критериях

отличия реальных и виртуальных объектов, которым в прошлые эпохи задавалась лишь интеллектуальная элита в лице философов, становится актуальным на сегодняшний день для миллионов людей.

Эпистемологический скептицизм в истории философии

Для философии указанная выше проблема, действительно, не является новой. Напротив, она предстает как одна из классических проблем, обсуждаемых в традиции западной философии начиная с Античности вплоть до наших дней. Каковы критерии истинности наших суждений о реальности? Способен ли человек иметь знание об объективном мире как таковом или же он всегда имеет дело только с собственными субъективными представлениями? Как отличить реальность от иллюзии? Этими вопросами задавались в Античности и Протагор, и Пиррон, и Секст Эмпирик, в Новое время и Декарт, и Юм, и Кант, а в современной философии различные ответы именно на подобного рода вопросы порождают противостояние позиций реализма и антиреализма в онтологии и эпистемологии¹.

Позиция, в рамках которой высказывается сомнение по поводу возможности достижения объективного познания, именуется скептицизмом. При этом в истории философии неоднократно фиксировались как положительные, так и отрицательные стороны данного образа мысли. К положительным характеристикам скептической позиции, как правило, относилось то, что она способна стимулировать познающего субъекта на дальнейшие исследовательские поиски, методично оттачивать критическое отношение как к иным, так и к своим собственным убеждениям, развивать рефлексивные способности, избавлять мировоззрение от скрытых предпосылок и т.д. Те, кто дает такую позитивную оценку скептицизма, не отрицают идею объективного познания как таковую, не отрицают возможность достижения объективного знания о действительности, скорее они рассматривают скептическую позицию именно как методическую установку на реализацию максимально критического стиля мышления.

Когда же скептицизму дается отрицательная оценка, то, как правило, имеется в виду позиция, в рамках которой философ-скептик не оставляет никаких шансов для оптимистического настроя в отношении познавательной деятельности человека. Такой

¹ Dummett M. Realism and Anti-Realism // Dummett M. Dummett M. The Seas of Language. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 462–478.

скептик полностью отрицает идею объективного познания, настаивая, что критерием истинности суждений не может выступать сама реальность, поскольку путь к ней всегда закрыт. Познание обусловлено спецификой чувственного аппарата субъекта, содержанием его мышления, своеобразием культуры, которой он принадлежит, и языка, на котором он говорит. И вот по отношению к данной позиции нередко высказывались упреки в том, что она является пагубной, разрушительной для человеческого мышления и мировоззрения в целом, ибо она обесмысливает познавательную деятельность, принижает статус человека как разумного существа, вызывает чувство интеллектуальной лени и приводит к интеллектуальному разложению.

Концепция информационного скептицизма

Процессы, происходящие в современном информационном обществе, заставляют философов пересматривать взгляды, выражаемые мыслителями прошлых эпох по поводу многих классических философских проблем. Не является исключением и отношение к скептической позиции в эпистемологии. Так, один из наиболее интенсивно работающих современных мыслителей в области философского осмысления развития информационных технологий, автор концептуального направления философии информации Л. Флориди¹ утверждает, что отношение к скептицизму в наши дни может быть изменено. Позицию, которую мы выше условно охарактеризовали как положительный скептицизм, Л. Флориди называет умеренным скептицизмом², а то, о чем мы говорили как о скептицизме в отрицательном смысле, он именует радикальным скептицизмом³. И если в отношении умеренного скептицизма Л. Флориди сохраняет классическую положительную оценку, признавая его важнейшую роль в процессе познания⁴, то радикальному скептицизму он предлагает приписать иную, отличную от известных критических взглядов характеристику.

На основании прояснения природы информации утверждается, что в условиях информационного общества радикальный скепти-

¹ Floridi L. *Philosophy of Information*. – Oxford: Oxford University Press, 2011.

² Floridi L. *Information, Possible Worlds and the Cooptation of Scepticism* // *Synthese*. – 2010. – 175.1. – P. 80.

³ *Ibid.* – P. 76.

⁴ *Ibid.* – P. 80.

цизм становится безобидным, безвредным¹. Такая оценка признается уместной потому, что информация как таковая является экзистенциально ненагруженной. Мы можем передавать, обмениваться, хранить информацию, не принимая на себя, если говорить словами У. Куайна², никаких онтологических обязательств. Информация представляет собой определенный массив сведений о некотором объекте, причем количество этих сведений не возрастает и не убывает в зависимости от того, имеем ли мы дело с реально существующим объектом или же с искусственно сгенерированной фикцией.

Безвредность радикального эпистемологического скептицизма, который применительно к современным условиям Л. Флориди называет информационным скептицизмом, демонстрируется с привлечением понятий теории информации. В частности, Л. Флориди использует для обоснования своей позиции понятие «расстояние Хэмминга» (Hamming distance)³.

В теории информации расстоянием Хэмминга между двумя последовательностями равной длины называют число позиций, в которых соответствующие символы различны. Иными словами, расстояние Хэмминга обозначает минимальное число замещений, требуемых для того, чтобы поменять одну последовательность на другую, или же число изменений, ошибок, которые переводят одну последовательность в другую⁴.

Используя понятие расстояния Хэмминга, Л. Флориди приводит рассуждение, логику которого мы попытаемся воспроизвести.

1. Допустим, некоторая модель *M* является массивом информации о системе *S* (реальный мир). Причем качество этой модели таково, что расстояние Хэмминга в данном случае равно нулю ($hd_1 = 0$), т.е. модель *M* воспроизводит сведения об объектах системы *S* адекватно и в полном объеме.

2. Допустим далее, что имеется некоторая модель *D*, содержащая массив информации о системе *V* (виртуальный мир, идентичный реальному миру *S*). В соответствии с аргументацией радикального скептика мы должны заключить, что расстояние Хэмминга между моделями *M* и

¹ Floridi L. Information, Possible Worlds and the Cooptation of Scepticism // Synthese. – 2010. – 175.1. – P. 63.

² Куайн У. О том, что есть // Куайн У. С точки зрения логики. – М.: КАНОН+, 2010. – С. 21–44.

³ Hamming R. Error detecting and error correcting codes // Bell System Technical Journal. – 1950. – 29 (2). – P. 74.

⁴ Ibid. – P. 74.

D также равно нулю ($hd_2 = 0$), поскольку скептик утверждает, что мы не можем провести различия между реальностью и фикцией.

3. Далее примем в качестве допущения, что модель D также адекватно и в полном объеме воспроизводит все сведения об объектах этого особого виртуального мира V, поэтому расстояние Хэмминга между D и V снова минимально ($hd_3 = 0$).

4. Из (1), (2) и (3) следует вывод о том, что у нас нет возможности определить, является ли M массивом информации о системе S, а не о системе V, поскольку обе системы S и V оказываются неразличимы. Таким образом, мы должны заключить, что расстояние Хэмминга в случае соотношения M и S на самом деле неизвестно ($hd_1 = ?$).

Положение (4) является тезисом информационного скептицизма, который в соответствии с Л. Флориди никак не вредит познанию. Отсутствие знания о расстоянии Хэмминга между моделью M и системой S не делает ущербным наше эпистемологическое предприятие в том случае, если мы действительно уверены, что $hd_2 = 0$ и $hd_3 = 0$. То есть если массив информации, содержащийся в модели, в принципе адекватно и в полном объеме передает все сведения об объектах системы, то на этом информативность данной модели исчерпывается. От того, является ли эта система действительно существующей или же только особым, искусственно созданным виртуальным миром, объем информации в модели, описывающей эту систему, не увеличивается и не убывает.

Если вслед за автором тезиса об эпистемологической безвредности информационного скептицизма воспользоваться образом из известного фильма «Матрица», то можно сказать, что у нас нет нужды глотать «красную пилюлю», которая бы помогла увидеть, каков мир на самом деле. Информативно эпистемологическая модель человека в Матрице является столь же состоятельной и завершенной, как и эпистемологическая модель человека, живущего в реальном мире, в том случае, если она адекватно и в полном объеме воспроизводит все свойства объектов некоторой системы вне зависимости от того, существует ли эта система на самом деле или нет.

В качестве итога своих рассуждений Л. Флориди заключает:

«Нет никакого эпистемологического беспокойства в том, чтобы называть реальное виртуальным или виртуальное реальным, если они идентичны. Это лишь вопрос поэтического вкуса»¹.

¹ Floridi L. Information, Possible Worlds and the Cooptation of Scepticism // Synthese. – 2010. – 175.1. – P. 85.

Вопрос о критериях истины

Дальнейшее изложение материала в данном параграфе будет критическим. Сначала мы укажем на определенную непоследовательность, которую, на наш взгляд, демонстрирует Л. Флориди при изложении своей позиции, а затем объясним, почему мы считаем тезис о безобидности информационного скептицизма ложным.

Автор концепции информационного скептицизма, приводя в пример известное изречение Цицерона «*Dubitando ad veritatem pervenimus*»¹, говорит о том, что умеренный скептицизм полезен, ибо является своего рода движущей силой нашего познания на пути достижения истины. С этим мы не будем спорить. Однако все же остается вопрос о критериях истины. Ориентируясь на корреспондентную теорию истины в ее классической аристотелевской формулировке², мы должны признавать определенное суждение истинным в том случае, если оно называет существующим то, что действительно существует. Допустим, в суждении некоторому объекту *O* приписывается свойство *P*, однако при этом известно, что объект *O* является виртуальным, т.е. реально не существует. Но в таком случае последовательным представляется вывод о том, что если в действительности не существует объект как таковой, то он на самом деле и не является носителем каких-либо свойств. Приписываемое в суждении объекту свойство также является виртуальным, в реальности его нет. Таким образом, суждение, в котором некоторому объекту *O* приписывается свойство *P*, при условии, что объект *O* является виртуальным, называет существующим то, что на самом деле не существует, т.е. с точки зрения Аристотеля является ложным. Суждения о виртуальных объектах не могут быть истинными в корреспондентном смысле.

Теперь следует поставить вопрос, формулируется ли понятие истины в концепции умеренного скептицизма, в корреспондентном смысле. Когда говорится о том, что умеренный скептицизм помогает нам достичь истины, имеется ли здесь в виду под истиной суждение о действительно существующих фактах? Если ответ будет положительным, то мы можем указать на непоследовательность в том, чтобы одновременно принимать идею умеренного скептицизма, с одной стороны, и относиться к радикальному скептицизму как к безобид-

¹ Floridi L. Information, Possible Worlds and the Cooptation of Scepticism // Synthese. – 2010. – 175.1. – P. 80

² Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т 1. – М.: Наука, 1976.

ному – с другой. Дело в том, что радикальный скептицизм полностью отрицает возможность формулировки истинных суждений в корреспондентном смысле, т.е. отрицает возможность достижения знания об объективной реальности как таковой. Это означает лишь то, что радикальный скептицизм полностью обесценивает все предприятие умеренного скептицизма. Если достижение истины в принципе невозможно, то в чем смысл стремления к ней?

В ситуации информационного общества, когда главной ценностью становится массив информации об объекте, а все вопросы, касающиеся различия реального и виртуального, объявляются несущественными, радикальный скептицизм преобразуется в информационный. Этот информационный скептицизм, если ориентироваться только на объем информации в чистом виде, является, по мысли Л. Флориди, безобидным. Он не предполагает, что какая-либо информация об объекте будет для нас недоступна, если статус реального/виртуального трактовать как в принципе неинформативный. Но в таком случае концепция информационного скептицизма обесмысливает концепцию скептицизма умеренного, при условии, что понятие истины в умеренном скептицизме трактуется корреспондентно.

В этом нам видится предполагаемая непоследовательность позиции Л. Флориди. Однако данная критика, конечно же, имеет свои рамки. Она уместна только в том случае, если понятие истины трактуется корреспондентным образом. Вполне вероятно, хотя об этом в обсуждаемой работе в явном виде ничего не говорится, что автор концепции информационного скептицизма опирается на определенную версию когерентистского понимания истины.

Например, чтобы отличить яблоко от апельсина, для нас может быть информативным то, что яблоко зеленое, а апельсин оранжевый. Суждения о яблоке и об апельсине должны быть взаимно согласованы таким образом, что если одному объекту приписывается свойство быть зеленым, то другому – свойство быть оранжевым, но не наоборот. В таком случае эти два суждения будут истинными в смысле когеренции, т.е. внутренней согласованности системы, в рамках которой мы будем способны отличать яблоко от апельсина. При этом мы вообще оставляем в стороне вопросы, которые можно было бы поставить с точки зрения корреспондентной теории истины, а именно, в самом ли деле яблоку присуще свойство быть зеленым? Действительно ли существует сам объект, обладающий этим свойством?

Персонажу «Матрицы» (или человеку информационного общества в трактовке Л. Флориди), как мы можем догадаться, данные вопросы не представляются актуальными.

И если теперь предположить, что и в случае умеренного скептицизма речь также идет об истине, понимаемой в рамках когерентистской концепции, т.е. если мы считаем, что цель нашего познания состоит в построении максимально объемной и внутренне согласованной системы знаний (информации) об окружающих объектах, то умеренный скептицизм в самом деле оказывается вполне совместимым с идеей безвредности информационного скептицизма.

Аргумент от самореферентности

Тем не менее наша уступка по отношению к позиции Л. Флориди, которую мы только что сделали, является временной. На более глубинном уровне обсуждения становится понятным, что радикальный скептицизм, пусть даже и в его специфическом современном виде информационного скептицизма, не может быть безвредным для познания.

Способен ли философ информации сам обойтись только передачей информации? Способен ли он осуществить, так сказать, информативную редукцию, если использовать терминологию Э. Гуссерля¹? Или все-таки утверждение бытия, утверждение существования некоторого факта оказывается существенным и для позиции самого философа информации? Например, когда философ информации продуцирует высказывание «Мы можем передавать информацию, не беря на себя каких-либо онтологических обязательств», передает ли он просто какой-то массив информации, не беря на себя никаких онтологических обязательств или же для него все-таки важно утверждать данное положение дел как факт бытия? Можно данный вопрос сформулировать метафорически, снова используя образы «Матрицы»: когда философ информации продуцирует высказывание «Мы не нуждаемся в том, чтобы глотать красную пилюлю», делает ли он это после того, как сам уже эту пилюлю проглотил?

Нам думается, что при постановке подобных вопросов, сформулированных на основании аргумента от самореферентности, автор тезиса о безвредности информационного скептицизма должен испытывать затруднение, поскольку выражаемая им позиция не соответст-

¹ Husserl E. Idee zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. – Tübingen, Niemeyer, 1993.

ует тем средствам, с помощью которых она становится выраженной. Дело в том, что любое теоретическое построение, представленное в ассерторическом дискурсе, содержит, кроме информации, претензию на истину в корреспондентном смысле, т.е. на адекватное описание объективного положения дел. И ценность теоретического построения как раз и заключается в этой претензии. Когда тот или иной исследователь выстраивает свое учение о том или ином регионе сущего, то его задача состоит не в том, чтобы просто представить определенный объем информации, но в том, чтобы с помощью некоторой суммы аргументов обосновать истинность тезисов, содержащих информацию, т.е. обосновать, что положение дел в рассматриваемом регионе объективно именно таково.

Кстати, все это вполне вписывается в классическую для аналитической философии семантику Г. Фреге¹. Предложение содержит мысль. Но, кроме мысли, оно содержит еще и утверждение. Утверждение есть утверждение бытия факта, выраженного в мысли. Предложение «На улице идет дождь» содержит мысль о том, что идет дождь, но, кроме того, оно также утверждает существование самого этого факта в объективной реальности. Именно данным утверждением предложение «На улице идет дождь» отличается от вопросительного предложения «На улице идет дождь?», поскольку мысль, выраженная в этих двух предложениях, одна и та же.

Дискурс относительно объектов виртуального мира не может быть идентичен дискурсу об объектах реального мира даже в том случае, если реальный и виртуальный миры идентичны. Если предложение «На улице идет дождь» относится к объектам виртуального мира, например, если его произносит персонаж «Матрицы», то оно является ложным, поскольку пытается говорить о несуществующем, что оно существует. Если же данное предложение относится к объектам реального мира, то оно является истинным, поскольку говорит о существующем, что оно есть.

Автор позиции безвредности информационного скептицизма будет настаивать на том, что утверждение бытия некоторого факта неинформативно. Предложение «На улице идет дождь» предоставляет законченный массив информации о некотором факте без отношения к тому, идет ли речь о реальном или же виртуальном мирах. И в случае если эти миры неразличимы, данный массив информации, выраженный в предложениях о реальном и виртуальном мирах, будет

¹ Фреге Г. Логические исследования. – Томск: Водолей, 1997.

одним и тем же. Но, как показывает вышеизложенное рассуждение, этот тезис не правомерен. Если дискурс об объектах виртуального мира не идентичен дискурсу об объектах реального мира, и если различие в этих дискурсах состоит в качестве утверждения бытия (в первом случае предложение ложно, а во втором истинно), то нужно признать, что качество утверждения все же информативно. Проще говоря, нам все же безразлично, истинны наши предложения в корреспондентном смысле или нет.

По крайней мере, это безразличие целиком и полностью охватывает теоретический ассерторический дискурс. Претензия на утверждение бытия некоторого факта есть самая главная информация в ассерторическом дискурсе. Когда философ информации продуцирует высказывание «Системы S и V информативно неразличимы», он сообщает нам информацию о реальном существовании такого факта. Он претендует на то, что правильно описывает определенное объективное положение дел. В данном случае философ пытается в своей концепции представить отчет о том, как на самом деле обстоят дела с информативностью системы, отношением между реальным и виртуальными мирами, значимостью скептической позиции в эпистемологии и т.д.

Если бы тот или иной мыслитель просто излагал свои взгляды, никак не претендуя на правоту своей позиции, то философия, если использовать сравнение Б. Рассела¹, превратилась бы в праздную болтовню за чашкой чая, где какие-либо реплики участниками коммуникации произносятся не для того, чтобы что-то утверждать, а просто, чтобы поддержать разговор. Но на самом деле так задачу философии не представляют себе даже те современные антиреалисты и скептики, кто заявляет, что истина не является целью исследования и все, что мы можем делать в философии, это только осуществлять бесконечное переописание образов мира, которые сами по себе не могут претендовать на адекватное отражение реальности. Говоря так, они сами позиционируют определенный взгляд как истинный в корреспондентном смысле. Поэтому на заявления антиреалиста Р. Рорти, подобные следующему:

«Такие философы (реалисты. – В.Л.) разделяют образ человеческих существ как машин, сконструированных (Богом или Эволюцией), среди прочих, для того, чтобы видеть вещи правильно.

¹ Russell B. My Philosophical Development. – New York: Simon and Schuster, 1959.

Прагматисты хотят освободить нашу культуру от такого самовосприятия...»¹,

Х. Патнем совершенно справедливо замечает:

«...я думаю, что, несмотря на все внешнее оформление, в рассуждениях Рорти сохраняется попытка сказать, что с точки зрения Божественного Видения его (Божественного Видения) не существует»².

Прагматисты хотят освободить нашу культуру от неверного воззрения на сущность человека. Они хотят показать нам, как правильно понимать человека, как увидеть его таким, каков он есть на самом деле.

Наш критический аргумент по отношению к позиции Л. Флориди аналогичен аргументу Х. Патнема по отношению к Р. Рорти. Х. Патнем указал на то, что само позиционирование теоретической концепции Р. Рорти не согласуется с тем содержанием, которое в ней представлено. В содержании своего теоретического построения Рорти настаивает на том, что следует исключить концепт корреспондентной истины из философии, но само это утверждение он делает на основании того, что знает, как на самом деле (т.е. исходя из корреспондентного понимания истины) должна осуществляться теоретическая деятельность, называемая философией.

С помощью такого же аргумента от самореперентности мы высказываем критическое соображение по отношению к автору концепции информационного скептицизма. Позиционирование тезиса о безвредности информационного скептицизма не согласуется с содержанием этого тезиса. Данный тезис состоит в том, что различие реального мира (системы S) и виртуального мира (системы V), при условии, что все события в них идентичны (расстояние Хэмминга между S и V равно 0), неинформативно, и потому радикальное сомнение относительно возможности познания объективной реальности эпистемологически безвредно. Однако сам этот тезис представлен в теоретической разработке, которая претендует на адекватное описание объективной ситуации, связанной с ресурсами и возможностями познающего субъекта на основании исследования

¹ Rorty R. Is Truth A Goal of Enquiry? Davidson Vs. Wright // The Philosophical Quarterly. – 1995. – Vol. 45, No. 180, Jul. – P. 292.

² Патнем Х. Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: ДИК, 1998. – С. 490.

природы информационных процессов, т.е. он претендует на то, чтобы описать именно реально существующее положение вещей, и эта претензия – самое главное и наиболее информативное звено данной концепции. В содержании тезиса говорится о неинформативности различия реального и виртуального, но позиционирование данного тезиса осуществляется на основе значимости и информативности этого различия.

Если наш аргумент от самореферентности действует в отношении Л. Флориди точно так же, как действует аргумент Х. Патнема в отношении Р. Рорти, и если мы признаем, что различие между реальным и виртуальным все же принципиально значимо и информативно, то мы должны сделать отсюда вывод, что тезис об эпистемологической безвредности радикального скептицизма, представляющего в современной ситуации в качестве информационного скептицизма, является неверным. Радикальный скептик утверждает, что человек, осуществляя свою познавательную деятельность, никогда не сможет определить, имеет ли он дело с объективной реальностью или же лишь с некоторой кажимостью (виртуальностью), которая может быть сгенерирована на основании особого устройства его органов чувств, познавательного аппарата, языка, культуры или же на основании информационно-коммуникационных технологий современного общества. Если различие между реальным и виртуальным для теоретической рациональной деятельности признается нами принципиальным, и если радикальный скептик утверждает, что это различие провести невозможно, то данная позиция является очевидно негативной, наносящей ущерб теоретическому мышлению, уничтожающей его возможности, обесмысливающей его.

Но значим ли сам аргумент от самореферентности, на котором мы построили критику как концепции Х. Дрейфуса в предыдущем параграфе, так и концепции Л. Флориди сейчас? Данный вопрос мы подробно обсудили в параграфе 2 Главы II и в параграфе 1 Главы III настоящей монографии, обосновав вывод о том, что попытки иерархического подхода Рассела-Тарского представить самореферентность как некорректный логический прием в рассуждении не правомерны.

Заключительные соображения

Радикальный скептицизм противоречив и потому не состоятелен. Демонстрация этого тезиса осуществляется при помощи аргумента от самореферентности, который признается нами одним из

важнейших для философского мышления. Утверждение о невозможности достижения в процессе познания истины в корреспондентном смысле, т.е. знания об объективной реальности, высказывается в асерторическом теоретическом дискурсе, который сам с необходимостью опирается на корреспондентную теорию истины.

В концепции информационного скептицизма Л. Флориди, в рамках которой выдвигается тезис о безвредности информационного скептицизма, также скрывается противоречие. И это не случайно, поскольку данная концепция, по сути, тоже является скептической. Чтобы утверждать безвредность информационного скептицизма, нужно уже признать скептическую позицию правомерной, т.е. признать тезис скептика-радикалиста о том, что мы не способны отличить реальность от кажимости, отличить высказывание об объективной реальности от высказывания о виртуальном мире. Но само признание правомерности скептического тезиса осуществляется в асерторическом дискурсе, исходя из корреспондентного понимания истины. Признать скептический тезис правомерным – это значит признать его истинным в корреспондентном смысле, т.е. адекватно описывающим то, как на самом деле обстоят дела с познавательным процессом и его возможностями.

Концепция информационного скептицизма Л. Флориди является даже, так сказать, дважды парадоксальной. Сначала в рамках корреспондентного понимания истины (т.е. в асерторическом теоретическом дискурсе) утверждается, что мы не способны формулировать истинные высказывания об объективном мире. Затем в тезисе о безвредности информационного скептицизма, опять же в рамках корреспондентного понимания истины, утверждается, что мы не должны беспокоиться по поводу своей неспособности формулировать высказывания об объективной реальности, т.е. расценивать их как истинные в корреспондентном смысле.

Позиция радикального скептицизма, представляющего в современной ситуации в виде информационного скептицизма, не является безвредной. Она является тупиковой для рациональной теоретической деятельности в целом и нуждается в преодолении.

В свою очередь, исследование в области философии информации и информационного общества, в частности, затрагивающие эпистемологические аспекты построения последовательной теории информационного общества, должны учесть указанные выше логико-эпистемологические затруднения. Нам представляется, что надле-

жащим эпистемологическим основанием для построения последовательной теории информационного общества может быть только реалистски ориентированная, антискептическая философия, трактующая бытие, познание и взаимоотношение реальных и виртуальных объектов на основе корреспондентной теории истины.

Тем не менее, несмотря на общую критическую оценку концепции информационного скептицизма, которую мы высказали в данном параграфе, невозможно не признать актуальность работы Л. Флориди в этом направлении. Обсуждение подобных, на первый взгляд, столь абстрактных вопросов, как возможность и условия применения скептической позиции в эпистемологии для описания событий в современном мире информационно-коммуникационных технологий, во-первых, является значимым для построения фундамента теории информационного общества, и во-вторых, демонстрирует новые эвристические возможности философской рефлексии, оформляет новое лицо философии XXI века.

Глава IV

ФОРМАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ: PRO ET CONTRA

§ 1. Аргументы критиков и ответы на них

В последние годы в отечественной философской литературе появились исследования¹, содержащие критические аргументы в адрес формального реализма – онтоэпистемологической концепции, основные тезисы которой уже были сформулированы ранее² и получили развитие в настоящей монографии. В данном параграфе мы хотим проанализировать важнейшие из этих аргументов и попытаться ответить на них. Но прежде чем это сделать, представляется уместным кратко напомнить основные тезисы формального реализма, которые впоследствии и были поставлены под сомнение в указанной литературе.

Основные тезисы формального реализма

Формальный реализм – это онтоэпистемологическая концепция, которая утверждает, что последовательным теоретическим построением в онтологии может быть только реализм. Безусловно, онтологическая проблематика не мыслима без эпистемологических исследований. Поэтому реалистская позиция содержит в себе два аспекта:

¹ См., например: *Найман Е.А., Сыров В.Н.* Некоторые соображения по поводу обоснования формального реализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 2 (18). – С. 38–45; *Нехаев А.В.* О жуликах и ворах: или о том, содержит ли ‘парадокс Ябло’ самореференцию? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4. – С. 64–77; *Игнатенко А.С.* Реализм и конструктивизм как альтернативные онтологические основы философии языка // Философские науки. – 2013. – № 8. – С. 108–124.

² См.: *Ладов В.А.* Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. – Томск: Изд-во Томского университета, 2008; *Ладов В.А.* Формальный реализм // Логос. – 2009. – № 2 (70). – С. 11–23; *Ладов В.А.* Логические основания формального реализма // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 341. – С. 48–55; *Ладов В.А.* Формальный реализм. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011.

1) утверждение существования объективной реальности, независимой от познавательного аппарата субъекта; 2) утверждение о возможности адекватного (истинного в корреспондентном смысле) познания субъектом объективной реальности.

Формальный реализм называется формальным ввиду того, что он обосновывает истинность своих тезисов косвенно, «от противного», демонстрируя при помощи логической аргументации, что противоположная реализму онтоэпистемологическая концепция – антиреализм (релятивизм, конструктивизм, скептицизм) – является несостоятельной, противоречивой, не выполнимой в качестве последовательного теоретического построения.

Формальный реализм задает необходимую основу реализму содержательному. Формальный реализм указывает путь, в направлении которого в принципе могут развиваться онтологические и эпистемологические концепции, претендующие на истинность. Но в дальнейшем формальные реалистские тезисы, конечно, должны быть дополнены исследованиями содержательного реализма. Содержательный реализм должен заниматься сложными вопросами прямого обоснования тезиса о возможности адекватного, истинного познания объективной реальности, т.е. решать так называемую *the access problem* – проблему доступа.

Формальный реализм не следует сводить к научному реализму (физикализму). Формальный реализм утверждает радикальный реалистский тезис о существовании не только физической, но и метафизической реальности идеальных сущностей. Поэтому в качестве дальнейших содержательных реалистских исследований формальный реализм видит не только (и не столько) философские концепции, ориентированные на естественно-научное мировоззрение, но и разработки платонистского характера, ориентированные на метафизическую реальность. Примером такого рода исследований в современной аналитической философии может выступать концепция лингвистического платонизма Дж. Катца¹.

Первый критический аргумент

Формальный реализм обосновывает несостоятельность антиреализма (релятивизма, скептицизма) указанием на противоречивый характер данного способа рассуждения. Для демонстрации противоречивости релятивизма используется классический аргумент от са-

¹ Katz J.J. *The Metaphysics of Meaning*. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990.

мореферентности, истоки которого восходят к «Теэтету» Платона. Именно данный аргумент оказывается наиболее сильным оружием платоновского Сократа в заочных интеллектуальных дебатах с Протагором – представителем релятивистской позиции¹.

Среди классиков философии аргументацию подобного типа развивали также Аристотель в 4 книге «Метафизики»² и Фома Аквинский, анализирувавший исследования Аристотеля в «Комментариях к Метафизике»³.

На современном философском языке аргумент данного типа выглядит следующим образом. Релятивист утверждает, что ни одно суждение не является абсолютно истинным, любая истина относительна, зависима от контекста (от специфики познавательного аппарата субъекта, от языка, от общих культурных установок, т.е. любое суждение может считаться истинным только в когерентном смысле, как согласованное с другими суждениями внутри определенной замкнутой системы). Однако само это суждение релятивист высказывает в качестве универсального тезиса, претендующего на абсолютную истинность в корреспондентном смысле. Таким образом, само позиционирование релятивистского тезиса вступает в противоречие с его содержанием. Позиция релятивизма оказывается несостоятельной с логической точки зрения, поскольку заключает в себе противоречие.

В противовес релятивизму позиция реализма от указанного выше противоречия свободна. Основная регулятивная максима реализма может быть сформулирована следующим образом: «Любое суждение ассерторического дискурса должно высказываться с претензией на абсолютную истинность в корреспондентном смысле». Само это суждение реалиста касается всех возможных суждений и также высказывается с претензией на абсолютную истинность в корреспондентном смысле. Таким образом, суждение реализма оказывается в согласии с самим собой и к противоречию не приводит.

Авторы статьи «Некоторые соображения по поводу обоснования формального реализма»⁴ формулируют весомый критический аргу-

¹ Платон. Теэтет // Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 2. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – С. 229–327.

² Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Наука, 1976. – Т. 1.

³ Thomas Aquinas. Commentary on the Metaphysics. – Chicago, 1961.

⁴ Найман Е.А., Сыров В.Н. Некоторые соображения по поводу обоснования формального реализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 2 (18). – С. 38–45.

мент, с помощью которого можно было бы обвинить в определенной непоследовательности саму позицию формального реализма:

«Логично предположить, что обоснование правомерности той или иной концепции должно вестись ее же собственными ресурсами. Было бы, по меньшей мере, странно, если бы сторонник когерентизма в доказательство верности своих идей использовал аргументы сторонника теории корреспонденции и наоборот. Собственно, на этом настаивает и сам творец концепции формального реализма. Но что тогда должен подразумевать его тезис о том, что только реализм обеспечивает рациональную деятельность? Если мы правильно поняли контекст, так это то, что только реализм обеспечивает отсутствие самоотрицающих суждений. Однако если этот тезис воспринимать как аргумент, то представляется, что к самой реалистической установке он никакого отношения не имеет.

Реалист упрекает какого-нибудь релятивиста за то, что его суждения противоречивы, поскольку в формулировке своей ключевой идеи последний, по сути, использует референциалистскую, т.е. внешнюю по отношению к ней, установку»¹.

Авторы статьи, вместе с тем, продолжают:

«Аргумент отсутствия самоотрицающих высказываний как условия правоты реализма чужд его базисным положениям. Если верность высказываний должна подтверждаться их соответствием реальности, то и верность самого реализма должна фундаментироваться таким же соответствием, а не его когерентностью. Иначе говоря, упрек, брошенный антиреалистам, можно предъявить и самому реализму»².

Признавая существование объективной реальности и возможность ее адекватного познания, реалист, конечно же, придерживается корреспондентного понимания истины. Суждение субъекта будет истинным только в том случае, если в нем утверждается существование факта, который имеет место на самом деле в объективной реальности. Авторы указанной статьи ставят правомерный вопрос. Может ли реализм, настаивая на корреспондентном понимании истины, сам использовать аргументы когерентистского типа, ибо важнейший контраргумент по отношению к релятивизму реализм видит

¹ *Найман Е.А., Сыров В.Н.* Некоторые соображения по поводу обоснования формального реализма // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* – 2012. – № 2 (18). – С. 42–43.

² Там же. – С. 43.

в логической противоречивости последнего, т.е. в его несогласованности (некогерентности)?

Мы попытаемся ответить на этот веский аргумент, опираясь на работу американского представителя философии науки Карла Кордига «Самореферентность и философия»¹. К. Кордиг также считает различные формы релятивизма несостоятельными и также обосновывает их несостоятельность при помощи аргумента от самореферентности. В частности, он продельывает это с известной концепцией У. Куайна о неопределенности перевода и онтологической относительности².

К. Кордиг пишет:

«Если самореферентная теория Т предполагает, что не-Т, тогда мы будем называть Т самореферентно непоследовательной. С одной стороны, если Т истинно, то Т должно быть ложно. С другой стороны, если Т не является истинной, то Т снова также не должна являться истинной. Самореферентно непоследовательные теории необходимо не являются истинными.

Иначе говоря, самореферентно непоследовательные теории есть теории, которые отсылают к самим себе и необходимо не являются истинными. Они *не могут* быть истинными»³.

Отвечая на критический аргумент, выраженный в статье «Некоторые соображения по поводу обоснования формального реализма», с опорой на указанное выше соображение К. Кордига можно уточнить позицию формального реализма по данному вопросу. Главная проблема антиреализма (релятивизма, конструктивизма, скептицизма) даже не в его самопротиворечивости (а значит, в некогерентности), а в том, что он в принципе не может быть истинным именно в корреспондентном смысле. Это следует из его самопротиворечивости, но не самопротиворечивость как таковая здесь должна выступать конечным пунктом критической аргументации. Конечным пунктом критики антиреализма должно выступать указание на невозможность истинности подобных концепций в корреспондентном смысле.

Если мы имеем антиреалистский тезис универсального характера о том, что невозможно построение реалистских концепций, то

¹ Kordig C.R. Self-Reference and Philosophy // American Philosophical Quarterly. – 1983. – Vol. 20, No. 2. – P. 207–216.

² Ibid. – P. 209.

³ Ibid. – P. 207.

если этот тезис истинен, то он тут же становится ложным в корреспондентном смысле (ибо он утверждает невозможность корреспондентной истины). Если он ложен, то возможна какая-либо реалистская концепция, например, сам тезис антиреализма, но исходя из его содержания в этом случае он снова становится ложным. Если же истинна какая-либо другая концепция, то тезис антиреализма просто ложен. Таким образом, тезис антиреализма *не может* быть истинным.

По аналогии аргументацию подобного рода против антиреализма можно использовать в качестве уточнения аргумента в защиту реалистской позиции. Реализм – это такая онтоэпистемологическая концепция, которая *может* быть истинной в корреспондентном смысле. Она может быть и ложной (и дело содержательного реализма определять, является ли та или иная реалистская концепция истинной или ложной). Но формальный реализм останавливается лишь на констатации самого общего, формального характера, а именно, что только концепции реалистского типа в принципе *могут* быть истинными в корреспондентном смысле. Таким образом, тезис формального реализма оказывается регулятивным принципом для построения концепций содержательного реализма на основе корреспондентного понимания истины.

Окончательный ответ на приведенный выше критический аргумент таков: утверждение некогерентности антиреализма – не цель, а средство для указания на его *невозможность* быть истинным в корреспондентном смысле; утверждение когерентности реализма – не цель, а средство для указания на его *возможность* быть истинным в корреспондентном смысле.

Второй критический аргумент

В параграфе 2 Главы II настоящей монографии мы уже указывали, сколь сложной оказывается задача поиска фундаментальной причины образования парадоксов. Несмотря на описанное в этом параграфе хаотическое нагромождение отдельных, несводимых друг к другу явлений, порождающих логические противоречия, некий проблеск порядка в этой ситуации все же имеется. Везде присутствует отрицание. В парадоксе Лжеца – отрицание с предикатом истины в самореферентной среде; в парадоксе Рассела – отрицание в самореферентной среде без предиката истины; в парадоксе Ябло – отрицание с предикатом истины вне самореферентной среды. Таким

образом, то, что Г. фон Вригт называл «существенным отрицанием», все же может выступить важной зацепкой в распутывании этого тугого узла различных явлений, порождающих антиномии.

В данной ситуации актуальным оказывается рассмотрение еще одного критического аргумента в адрес наших исследований, поскольку он нацеливается уже не на отрицательную самореферентность в целом, но на само отрицание, роль которого в образовании логических противоречий, как считает автор этого аргумента, нами преувеличена.

Этот аргумент был сформулирован в работе «О жуликах и ворах: или о том, содержит ли ‘парадокс Ябло’ самореферентность?»¹. Как видно из названия, обсуждение здесь касается парадокса Ябло. Критика в наш адрес появляется при рассмотрении роли отрицания в данном парадоксе:

«Здесь, пожалуй, стоит специально обратить внимание, что некоторые из исследователей (в частности, Всеволод Ладов), которые готовы видеть причины появления парадоксальности совсем даже не в наличии как в финитных, так и инфинитных последовательностях предложений того или иного рода круговых структур (т.е. соглашаясь с тем, что иногда самореферентные ссылки могут быть допустимы и их наличие не обязательно порождает парадоксы), но считают, что искомые причины парадоксальности скрыты в употреблении нами ‘алетически не-нейтральных языков’, а точнее – в использовании так называемого ‘сущностного отрицания’, на самом деле заблуждаются, поскольку легко продемонстрировать то, что, даже заменив в наших кластерах, построенных на основе ‘минимальных секторов референции’ (а значит, и содержащих ‘циклы удвоенной референции’), фразы вроде ‘ S_k ложно’, на фразы ‘ S_k истинно’, мы вовсе не избавимся от парадоксальности присущей этим кластерам референции. Единственное, что от этого изменится, так это характер самой парадоксальности, а именно – она, утратив референциальный характер, превратится в эпистемическую парадоксальность, подобную той, которую можно встретить в так называемых ‘Буридановых софизмах’ (*Buridan's Sophisms*) (например, самый простой пример такого рода – это два предложения S_1 и S_2 , каждое из которых сообщает нам о том, что другое предложение говорит истину, и как бы мы здесь не старались, у нас всегда оста-

¹ Нехаев А.В. О жуликах и ворах: или о том, содержит ли ‘парадокс Ябло’ самореферентность? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4. – С. 64–77.

нутя две эквивалентно обоснованные эпистемические уверенности в том, что либо эти предложения сообщают нам ложь, либо истину, а значит, и выбор между ними на рациональной основе оказывается невозможен»¹.

Мы не беремся здесь судить о том, что автор данной работы называет «эпистемической парадоксальностью», но в том, что касается чисто логических оснований парадокса Ябло, мы не можем согласиться с указанным выше критическим аргументом. Очевидно, что в парадоксе Ябло отрицание играет важнейшую роль, и при замене отрицательного предиката истины положительным предикатом истины парадокс Ябло в чисто логическом измерении исчезает. При предположении, что некоторое S_n истинно, противоречие возникает из-за того, что S_n утверждает ложность (неистинность) S_{n+1} и S_{n+2} , но поскольку S_{n+1} также утверждает ложность S_{n+2} , S_{n+1} оказывается и ложным, и истинным. Если же задать условие, что S_n утверждает истинность S_{n+1} и S_{n+2} и что S_{n+1} также утверждает истинность S_{n+2} , то при предположении, что S_n истинно, никакого противоречия не возникает, а это как раз и означает, что отрицание в парадоксе Ябло оказывается тем самым «существенным отрицанием» в смысле Г. фон Вригта, которое обеспечивает появление парадокса.

Подобный вывод мы можем сделать и при анализе того примера, который автор рассматриваемой работы называет самым простым примером «Бурдановых софизмов»: имеются два предложения S_1 и S_2 , каждое из которых сообщает об истинности другого. Опять же, оставляя в стороне то, что автор называет «эпистемическими уверенностями» и ту эпистемическую проблему, которую он здесь видит, можно показать, что с логической точки зрения здесь не возникает никаких противоречий. При предположении, что S_1 истинно, мы заключаем, что S_2 истинно, и, следовательно, приходим к выводу, что S_1 истинно. При предположении, что S_1 ложно, мы заключаем, что S_2 ложно, и, следовательно, приходим к выводу, что S_1 ложно. С чего бы мы ни начинали, противоречия не возникает.

Напротив, если мы возьмем ситуацию, в которой появляется отрицание, а именно S_1 говорит, что S_2 ложно (*не* является истинным), а S_2 говорит, что S_1 истинно, то тут же получим парадокс, именуемый в логической литературе как «кроссрeференциальный Лжец».

¹ Нехаев А.В. О жуликах и ворах: или о том, содержит ли 'парадокс Ябло' самореференцию? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4. – С. 73–74.

А именно, если S_1 истинно, то S_2 , утверждающее истинность S_1 , ложно, а значит, S_1 ложно. Следовательно, S_1 истинно и ложно. Если S_1 ложно, то S_2 истинно, а значит, S_1 истинно. Следовательно, S_1 ложно и истинно. С чего бы мы ни начинали, приходим к противоречию. Отрицание здесь снова играет важнейшую роль при образовании парадокса.

Третий критический аргумент

И еще один критический аргумент был высказан в работе «Реализм и конструктивизм как альтернативные онтологические основы философии языка»¹. Здесь стоит отметить, что данный аргумент касается не собственно формального реализма как специфической онтоэпистемологической концепции, а скорее реализма в целом. Но поскольку этот аргумент направлен в том числе и в наш адрес, мы считаем уместным уточнить здесь свое понимание реализма. Автор высказал данный аргумент в своеобразной форме. Сначала он соглашается с нами:

«И, тем не менее, в главном Ладов безусловно прав. Быть аналитическим философом в собственном смысле слова означает быть позитивистом и реалистом...»²

И здесь уже необходимо уточнение. Вряд ли стоит говорить, что аналитическая философия – это всегда реализм. В аналитической философии немало антиреалистских проектов. Но мы поддержим автора с небольшой поправкой: быть *последовательным* аналитическим философом означает быть реалистом. Однако далее автор рассматриваемой работы тут же высказывается по поводу реализма в негативном ключе:

«Быть аналитическим философом в собственном смысле слова означает быть позитивистом и реалистом, оставаясь в единственном, упрощенно увиденном, исходном, матричном мире, соответствующем обыденным представлениям. Но мало кто сегодня желает столь радикально обеднять свою реальность»³.

¹ *Иенатенко А.С.* Реализм и конструктивизм как альтернативные онтологические основы философии языка // *Философские науки.* – 2013. – № 8. – С. 108–124.

² *Иенатенко А.С.* Реализм и конструктивизм как альтернативные онтологические основы философии языка // *Философские науки.* – 2013. – № 8. – С. 121.

³ Там же. – С. 121.

Мы выскажем предположение, что, используя такие эпитеты, как «упрощенно увиденный», «соответствующий обыденным представлениям», автор этих строк подразумевает то, что соответствует либо наивному реализму обыденного сознания, ориентированному на чувственно постигаемую физическую реальность, либо, возможно, концепции научного реализма, которая также утверждает физическую реальность в качестве тотальности бытия.

В связи с вышесказанным стоит еще раз подчеркнуть, что то понимание реальности, которое предлагаем мы в своей онтоэпистемологической концепции, именуемой «формальным реализмом», ни в коей мере не ограничивает реальность уровнем воззрений физикализма. Напротив, формальный реализм есть платонизм (или, если придерживаться традиции аналитической философии, – специфический вид неотрегандства), утверждающий существование метафизического мира идеальных сущностей, помимо бытия физических вещей. Основания для данного онтологического тезиса представлены в монографиях «Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии»¹ и «Формальный реализм»².

Каждый из рассмотренных выше критических аргументов имеет важное значение. Некоторые из них побуждают тщательнее проанализировать, уточнить и внести исправления в содержание разрабатываемой онтоэпистемологической концепции, другие обращают внимание на то, что необходима более четкая артикуляция выдвигаемых в данной концепции тезисов. Автор настоящей монографии искреннее благодарит всех исследователей, кто приложил усилия к критическому рассмотрению концепции формального реализма.

¹ Ладов В.А. Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. – Томск: Изд-во Томского университета, 2008.

² Ладов В.А. Формальный реализм. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Метафизика // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1976.
2. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. – М., 1994. – Ч. 1. – С. 5–73.
3. *Вригт Г.Х. фон*. Гетерологический парадокс // Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. – М., 1986. – С. 449–482.
4. *Гильберт Д., Аккерман В.* Основы теоретической логики. М.: Изд-во иностр. лит., 1947.
5. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. – М.: ДИК, 1999.
6. *Гуссерль Э.* Картезианские размышления. СПб.: Наука; Ювента, 1998.
7. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. – СПб.: Владимир Даль, 2004.
8. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Прологомены к чистой логике // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994. – С. 175–353.
9. *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. III (1). Логические исследования. Том II (1). – М.: Гносис; Дом интеллектуальной книги, 2001.
10. *Игнатенко А.С.* Реализм и конструктивизм как альтернативные онтологические основы философии языка // Философские науки. – 2013. – № 8. – С. 108–124.
11. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч.: в 8 т. – М., 1994. – Т. 3.
12. *Крикке С.* Очерк теории истины // Язык, истина, существование. – Томск, 2002. – С. 151–183.
13. *Куайн У.* Заметки по теории референции // Куайн У. С точки зрения логики. – М.: Канон+, 2010. – С. 188–199.
14. *Куайн У.* О том, что есть // Куайн У. С точки зрения логики. – М.: Канон+, 2010. – С. 21–44.
15. *Куайн У.* Онтологическая относительность // Современная философия науки. – М., 1996. – С.40–61.
16. *Ладов В.А.* Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008.
17. *Ладов В.А.* Логические основания формального реализма // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 341. – С. 48 – 55.
18. *Ладов В.А.* Формальный реализм // Логос. – 2009. – № 2 (70). – С. 11–23.
19. *Ладов В.А.* Формальный реализм. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011.
20. *Лекторский В.А.* Познание и сознание: дискуссия антиреализма и реализма в современной эпистемологии // Проблема сознания в философии и науке. – М., 2008. – С. 54–74.

21. *Лекторский В.А.* Релятивизм и плюрализм в современной культуре // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Канон+, 2015. – С. 5–31.
22. *Лобовиков В.О.* Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Геделя о неполноте и юридические фикции как важный компонент юридической техники // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. – № 2 (49). – С. 53–57.
23. *Локк Д.* Опыт о человеческом разумении // Соч.: в 3 т. – М., 1985. – Т. 1.
24. *Найман Е.А., Сыров В.Н.* Некоторые соображения по поводу обоснования формального реализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 2 (18). – С. 38–45.
25. *Нехаев А.В.* О жуликах и ворах: или о том, содержит ли ‘парадокс Ябло’ самореференцию? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4. – С. 64–77.
26. *Патнем Х.* Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002.
27. *Патнем Х.* Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие. – М., 1998. – С. 466–494.
28. *Платон.* Тезетг // Платон. Соч.: в 4 т. – Т. 2. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – С. 229–327.
29. *Пуанкаре А.* О науке. – М.: Наука, 1983.
30. *Рамсей Ф.* Основания математики // Рамсей Ф. Философские работы. – М.: Канон+, 2011. – С. 16–86.
31. *Рассел Б.* Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык. – Томск, 2006. – С. 16–62.
32. *Рассел Б.* Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999.
33. *Суровцев В.А.* Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.
34. *Суровцев В.А.* Ф.П. Рамсей и программа логицизма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.
35. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие. – М.: ДИК, 1998. – С. 90–129.
36. *Уайтхед А., Рассел Б.* Основания математики: в 3 т. – Т. I. – Самара: Самарский университет, 2005.
37. *Фихте И.* Сочинения. – М., 1995.
38. *Фреге Г.* Логические исследования. – Томск: Водолей, 1997.
39. *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Фреге Г. Логические исследования. – Томск: Водолей, 1997. – С. 22–49.
40. *Фреге Г.* Основоположения арифметики // Фреге Г. Логико-философские труды. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 125–238.
41. *Фреге Г.* Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. – М.: ДИК, 1997. – С. 25–49.
42. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997.
43. *Целищев В.В.* Философия математики. Ч. 1. – Новосибирск: Наука, 2002.
44. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Соч.: в 2 т. – М., 1965. – Т. 1.

45. *Anderson A.P.* St. Paul's Epistle to Titus // *The Paradox of the Liar*. – New Haven and London, 1970. – P. 1–11.
46. *Barwise J., Etchemendy J.* *The Liar. An Essay on Truth and Circularity*. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1987.
47. *Beall J., Bueno O.* The Simple Liar without Bivalence? // *Analysis*. – 2002. – 62.1. – P. 22–26.
48. *Beall Jc.* A Neglected Deflationist Approach to the Liar // *Analysis*. – 2001. – 61.2, April. – P. 126–129.
49. *Bolander T.* Self-Reference and Logic // Φ News. – 2002. – № 1. – P. 9–43.
50. *Brendel E.* Die Wahrheit über den Lügner. Eine philosophisch-logische Analyse der Antinomie des Lügners. – Berlin/New York: de Gruyter, 1992.
51. *Brendel E.* Partial Worlds and Paradox // *Erkenntnis*. – 1993. – 39. – P. 191–208.
52. *Brown H.* For a Modest Historicism // *The Monist*. – 1977. – 60. – P. 540–555.
53. *Dreyfus H. L., Dreyfus S. E.* Making a Mind versus Modelling The Brain: Artificial Intelligence Back at a Branch-Point // *The Philosophy of Artificial Intelligence / Boden M.* (ed.) Oxford, 1990.
54. *Dummett M.* Realism and Anti-Realism // *Dummett M. Dummett M.* *The Seas of Language*. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 462–478.
55. *Field H.* A Revenge-Immune Solution to the Semantic Paradoxes // *Journal of Philosophical Logic*. – 2003. – № 32. – P. 139–177.
56. *Field H.* Realism and Relativism // *The Journal of Philosophy*. – 1982. – 79. – P. 553–567.
57. *Field H.* Tarski's Theory of Truth // *The Journal of Philosophy*. – 1972. – LXIX (13). – P. 347–375.
58. *Fitch F.* Self-Reference in Philosophy // *Mind*. – 1946. – Vol. 55, No. 217. – P. 64–73.
59. *Fitch F.* Universal Metalanguages for Philosophy // *The Review of Metaphysics*. – 1964. – Vol. 17, No. 3. – P. 396–402.
60. *Floridi L.* Information, Possible Worlds and the Cooptation of Scepticism // *Synthese*. – 2010. – 175.1. – P. 63–88.
61. *Floridi L.* *Philosophy of Information*. – Oxford: Oxford University Press, 2011.
62. *Frege G.* *Philosophical and Mathematical Correspondence*. – Oxford: Basil Blackwell, 1980.
63. *Gupta A.* Truth and Paradox // *Journal of Philosophical Logic*. – 1982. – № 11. – P. 1–60.
64. *Hamming R.* Error detecting and error correcting codes // *Bell System Technical Journal*. – 1950. – 29 (2). – P. 147–160.
65. *Hardy J.* Is Yablo's Paradox Liar-like? // *Analysis*. – 1995. – 55. – P. 197–198.
66. *Horwich P.* *Truth – Meaning – Reality*. – Oxford: Clarendon Press, 2010.
67. *Husserl E.* Idee zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. – Tübingen, Niemeyer, 1993.
68. *Jongeling T.B., Koetsier T., Wattel E.* Self-Reference in Finite and Infinite Paradoxes // *Logique & Analyse*. 2002. – 177, 178. – P. 1–16.

69. *Katz J.J.* The Metaphysics of Meaning. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990.
70. *Kordig C.* Self-Reference and Philosophy // *American Philosophical Quarterly*. – 1983. – Vol. 20, No. 2. – P. 207–216.
71. *Landini G.* Wittgenstein's Apprenticeship with Russell. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
72. *Marcus R. F.B. Fitch.* 1908–1987 // *Proceedings and Addresses of American Philosophical Association*. – 1988. – Vol. 61, No. 3. – P. 551–553.
73. *Martin R.* Are Natural Languages Universal? // *Synthese*. – 1976. – Vol. 32, No. 3/4. – P. 271–291.
74. *Martin R.* Toward a Solution to the Liar Paradox // *The Philosophical Review*. – 1967. – Vol. 76, No. 3. – P. 279–311.
75. *Meiland J.* Is Protagorean Relativism Self-Refuting // *Grazer Philosophische Studien*. – 1979. – 9. – P. 51–59.
76. *Peano G.* Rivisita di Matematica. – 1906. – No. 8.
77. *Priest G.* The Structure of the Paradoxes of Self-Reference // *Mind*. – 1994. – Vol. 103, No. 409. – P. 25–34.
78. *Prist G.* Truth and Contradiction // *The Philosophical Quarterly*. – 2000. – Vol. 50, No. 200. – P. 305–319.
79. *Rorty R.* Is Truth A Goal of Enquiry? Davidson Vs. Wright // *The Philosophical Quarterly*. – 1995. – Vol. 45, No. 180. – P. 281–300.
80. *Russell B.* Mathematical Logic as Based on the Theory of Types // *American Journal of Mathematics*. – 1908. – Vol. 30, No. 3. – P. 222–262.
81. *Russell B.* My Philosophical Development. – New York: Simon and Schuster, 1959.
82. *Siegel H.* Relativism, Truth and Incoherence // *Issues in Epistemology*. – 1986. – 68, No. 2. – P. 225–259.
83. *Tarski A.* Der Wahrheitsbegriff in Den Formaliserten Sprachen // *Studia Philosophica I*. – 1935. – P. 261–405.
84. *Tarski A.* The Concept of Truth in Formalized Languages // *Logic, Semantics, Metamathematics*. – Oxford: Oxford University Press, 1956. – P. 152–278.
85. *Thomas Aquinas.* Commentary on the Metaphysics. – Chicago, 1961.
86. *Weiss P.* The Theory of Types // *Mind*. – 1928. – Vol. 37, No. 147. – P. 338–348.
87. *Wittgenstein L.* Zettel. – Oxford: Blackwell, 1967.
88. *Wormell C.P.* On the Paradoxes of Self-Reference // *Mind*. – 1958. – Vol. 67, No. 266. – P. 267–271.
89. *Yablo S.* Paradox without Self-reference // *Analysis*. – 1993. – 53. – P. 251–252.
90. *Yaqub A.* The Liar Speaks the Truth. A Defense of the Revision Theory of Truth. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1993.

Научное издание

В.А. ЛАДОВ

ПАРАДОКСЫ
В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Редактор Н.А. Иванова

Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 15.04.2020.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Печ. л. 8,0; усл. печ. л. 7,5; уч.-изд. л. 7,7. Тираж 300. Заказ 475.

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1